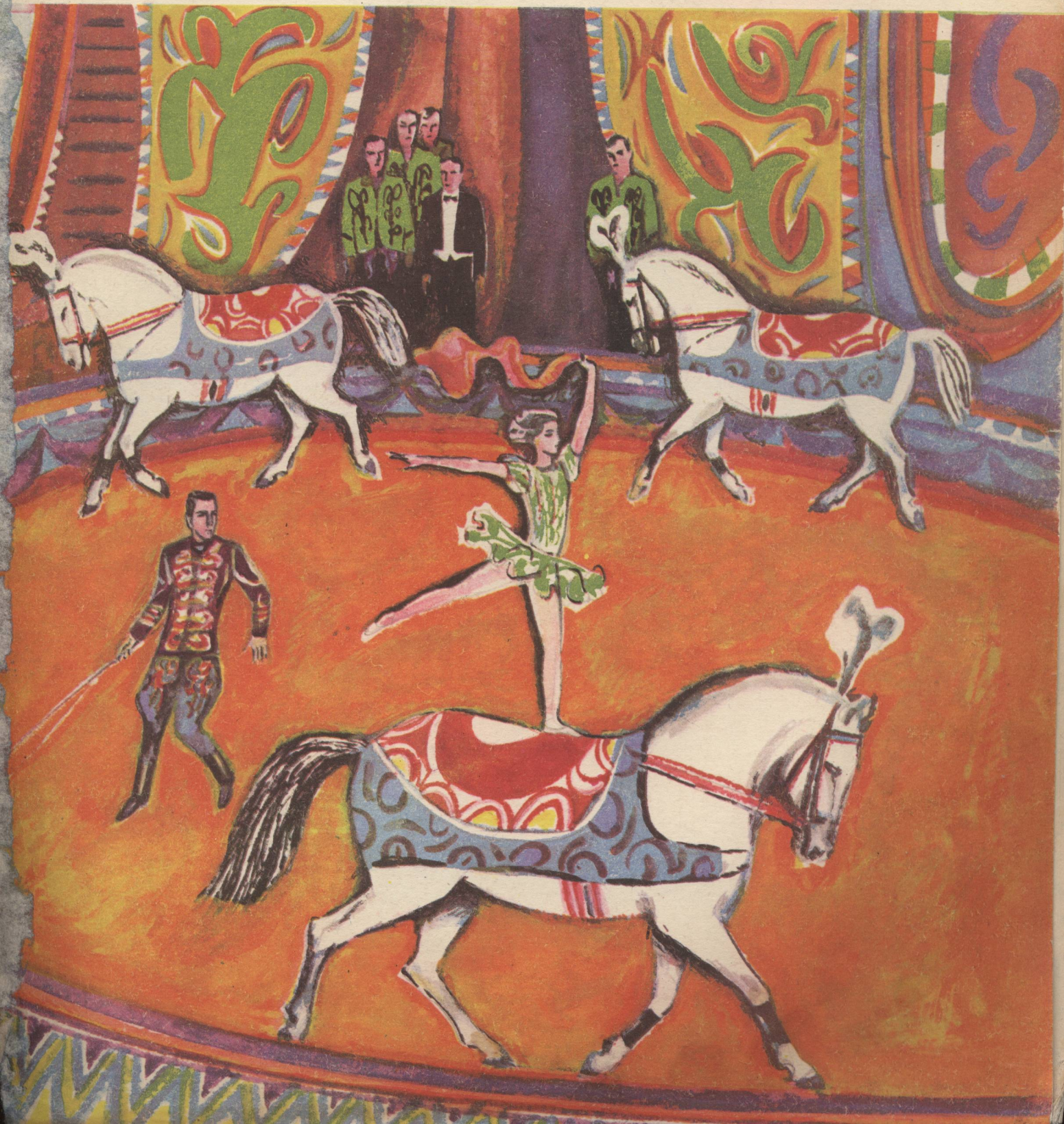

Костёр

3
МАРТ
1972

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

С гор и скал
бежит разъяренный
аслан

1

Я таких уважаю

5

Пионер многих
великих дел

23

А выстрелить ты
все-таки можешь!

28

Почему к редактору
не пускали

38

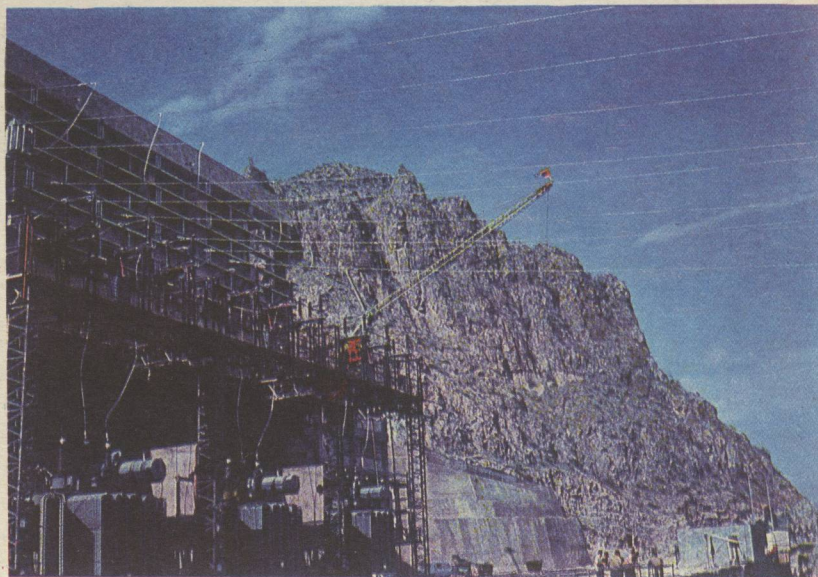
Какая она, Индия?

48

Девчонка с клюшкой?
Разве бывает так?

54

Рисунок на обложке
Ю. Шабанова

Оформление
Ю. Бочкарёва

ВСТРЕЧА

С ВОРОТАНОМ

Л. Ваганова
фото автора

В ЭТОМ ПУТЕШЕСТВИИ ПО ЗАНГЕЗУРУ, ГДЕ ПРОТЕКАЕТ ГОРНАЯ РЕКА ВОРОТАН, НАС БУДУТ СОПРОВОЖДАТЬ АРМЯНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ЗАГАДКИ.

*Белое поле, черные
семена.
Рукой сею, глазами
собираю.*

Догадались? Белое поле — лист бумаги, семена — буквы.

Начинаем сев. А с чего его начнем? Можно с высокого неба, солнца Армении.

А можно — прямо с дороги.

*Веревка,
а не складывается,
Наматываю —
не наматывается.*

Как сказано в справочнике, едем в самую гористую, изрезанную часть не только Армении, но и всего Закавказья.

Видим Араратскую долину, с ее виноградниками, садами. И горы видим, конечно.

Сперва они невелики, в сущности, холмики. Потом становятся все выше и круче.

Но это еще не Зангезур.

Зангезур начался тогда, когда мотор машины взревел, потом завыл, потом захрипел и песню эту продолжал не один час.

Дорога юлила, крутилась, петляла, а горы все равно не обращали на нее никакого внимания и жили своей собственной жизнью. Наши глаза отказывались нам служить, они не успевали запоминать, за каждым изгибом дороги открывался совершенно новый, удивительный мир.

Возникали миражи. Очень долго мы упрасивали глаза не верить в то, что перед нами храмы, дворцы, мечети, волшебные замки...

Потом настала очередь обоняния.

Горы источали аромат. Они пахли солнцем, ветром, горной пылью и цветами, миллионами, миллиардами цветов, собранных в букеты километровой величины.

Мне вспомнился день, проведенный в Ереване. В самом центре города на улице Абовяна открыта галерея детских рисунков. Десятилетний Аветик Овсепян часто рисует горы. Они у него красно-бело-синешелто-зеленые. Разве такие бывают? А цветы — разве они бывают больше лошадей?

И вот сейчас мы увидели горы красные, лиловые, розовые, желтые, голубые и пестрые. И поняли, что цветы могут быть огромны, когда их много, когда они покрывают горы от подножья до вершин...

И это был Зангезур. Мы чувствовали себя как в кино, когда кадры мчатся с большой скоростью и не повторяются. Скалы, обрывы, повороты, ущелья...

Во времена нашествий, — а кто только на Армению не нападал, — горы Зангезура не пускали врагов.

Мы в тот вечер не увидели Воротан. Потому что

**Черный дьявол усы завил —
Тысячи людей свалил —**

Наступила ночь.

На другое утро — оно застало нас в поселке Сисиан, в кабинете руководителя строительного управления — мы увидели Воротан на схемах и карте.

На Воротане возникнут че-

тыре водохранилища и три электростанции. Одно водохранилище — Шамбское — и одна электростанция — Татевская — уже существуют. Остальное предстоит соорудить в ближайшие годы. Об этом записано и в Девятом пятилетнем плане: «... продолжить строительство каскада ГЭС на реке Воротан».

**Без ног — ходит,
Без глаз — светит,
Без языка — говорит,**

Конечно же, это загадка о реке.

В Армении много загадок посвящено рекам. Есть и такая:

**С гор и скал
Бежит разъяренный аслан.**

Аслан — это лев. Мы зараннее решили, что загадка — о Воротане. Еще бы, Воротан — уникальное явление природы. Начинаясь высоко в горах, он за свой небольшой пробег (всего 119 километров на территории Армении) падает почти на два с половиной километра. В среднем, двадцать метров на каждый километр пути. Это падение создает естественный напор воды, дешевую энергию.

Каков же сей «разъяренный аслан», река-водопад?

Мы прошли по улице Воротан, мимо кинотеатра «Воротан», мимо кафе «Воротан» и очутились на мосту. Заглянули вниз — под мостом текла обычная речка, симпатичная, уютная. Вот тебе и аслан! Не лев, а скорее милый, скромный зайка...

— Что, как вы сказали, зайка? — Самвел Христофорович Джербашьян даже зажмурился, а потом захохотал. К сло-

ву сказать, среди всяких прочих достоинств командира стройки было одно немаловажное — Джербашьян умел смеяться. Несмотря на массу забот — строительных объектов много, они разбросаны, сто километров нужно проехать, чтобы навестить все — Самвел Христофорович всегда легко отзывается на шутку. А я заметила давно: если человек умеет легко и радостно смеяться, с ним и работает легко и радостно.

Джербашьян рассказал о непостоянстве Воротана. Хлынут дожди или по весне начнут таять снега в горах, тогда жди неприятностей. Грозным становится Воротан. Сносит мосты и заливают селения. Может вмиг разрушить плотину, подмыть целую гору. Не за эти ли злые шутки и прозвали реку «Воротан» — «Громовая»?

А Шамб — значит пустырь, бросовая земля. До прихода строителей здесь и всего-то строений было — сарай для овец. А теперь?

Извиваясь, выносит дорога машину к озеру необыкновенной красоты. Многоэтажные дома, сады, много цветов. Большой клуб, молодежное кафе.

Есть уже мальчик, который родился и вырос здесь, на Шамбском водохранилище. Сейчас много детей в Шамбе, но этот первый, и зовут его Шамбик.

И еще одна достопримечательность в Шамбе: маргаритка. Цветок диаметром в... тридцать метров. Его аккуратные лепестки раскинулись на воде, неподалеку от берега. Можно по специальной лестнице подняться и с огороженного балкончика заглянуть внутрь, в сердцевину цветка. Зрелище красивое, но не для слабонерв-

ных. На глубину в 36 метров с шумом, ревом, свистом, хлюпом стекают водопады, а над ними — хрустальное облако брызг и радуга, будто навечно приставленная к „маргаритке“.

Этот «цветок» — водосброс нового типа, изящный и чрезвычайно экономичный. По лестницам «маргаритки», словно в специальную воронку, стекают избыточные воды Шамбского водохранилища, те самые потоки Воротана, которые могут сделать его разрушителем, разбойником.

Могут — но не сделают: «лестницы» водосброса — надежный страж.

У Шамбского водохранилища Воротана не увидишь. Строители упрятали его под землю. Туннель протяженностью более восемнадцати километров ведет Воротан к его главной цели — турбинам Татевской ГЭС.

Чтобы пробить подземный туннель, потребовалось четыре тысячи двадцать восемь взрывов. На стройке Воротанского каскада работают специалисты самые различные, но, пожалуй, самая знатная профессия — это проходчики. Такие, как Герасим Ванюшевич Никогосян, работавший еще в Братске, а здесь, на Воротанском каскаде, получивший орден Ленина и звание заслуженного строителя. Такие, как Сергей Иванов, Фангул Самсунян, Борис Брусникин. Их называют «уста герас» — мастера на все руки.

С одним из «уста герас», почти тридцать лет проработавшим под землей, Сергеем Гегамовичем Хачатряном, мы познакомились на... дне. Сейчас здесь цветут синие, лиловые, оранжевые колокольчики, рдеют маки, а со временем на этом месте встретятся воды Воротана и реки Сисиан, и возникнет еще одно искусственное

озеро в горах, еще одно водохранилище, — Толорское.

Сергей Гегамович руководит работами на Толорском узле. Здесь подходит к концу сооружение «зуба».

«Зубом» плотины строители называют ее основание, укрепительную плиту.

Зуб должен сдерживать горные породы, защищать тело плотины. И, чтобы он был прочным, в бетонные плиты зуба производятся самые настоящие уколы. Они, как в медицине, называются инъекциями — под давлением в зуб вводится цемент.

*Два брата друг
за другом бегут,
Но никак один другого
не догонит.*

Много раз еще будут пытаться братья догнать друг друга, много раз будет бессильна Ночь догнать День. Словом, воды утечет немало, прежде чем зуб превратится в плотину, а лужайки станут дном Толорского озера. Но у будущего водохранилища уже есть берега. И на берегу — селение из новых двухэтажных домов. Это «переехала» сюда деревня Ашотован. И будут здесь сады. Зацветут во дворах розы, соперничая с горными маками.

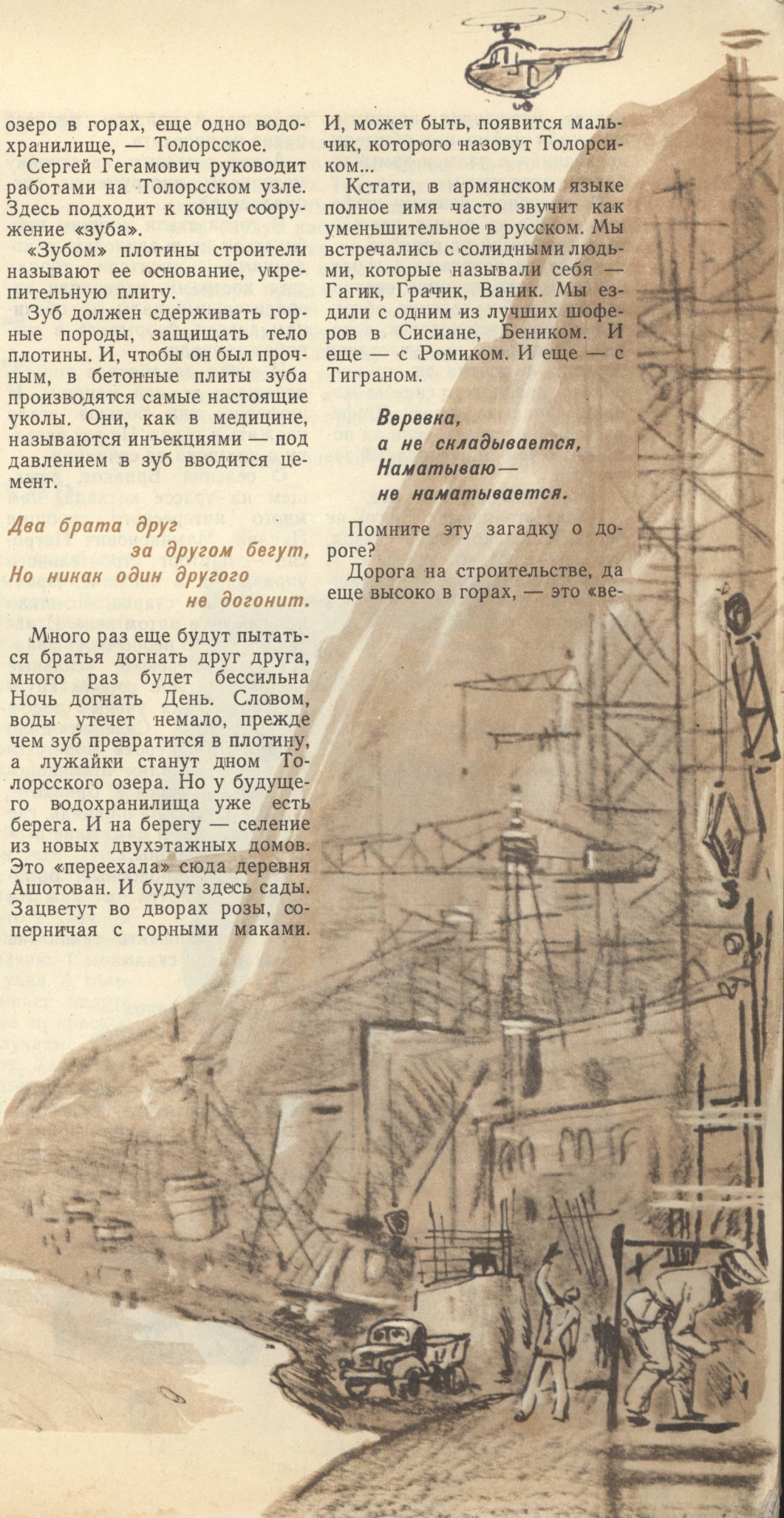
И, может быть, появится мальчик, которого назовут Толорским...

Кстати, в армянском языке полное имя часто звучит как уменьшительное в русском. Мы встречались с солидными людьми, которые называли себя — Гагик, Грачик, Ваник. Мы ездили с одним из лучших шоферов в Сисиане, Беником. И еще — с Ромиком. И еще — с Тиграном.

*Веревка,
а не складывается,
Наматываю —
не наматывается.*

Помните эту загадку о дороге?

Дорога на строительстве, да еще высоко в горах, — это «ве-

ревка», уложенная крупными кольцами прямо над обрывом, завязанная в узлы и замысловатые петли-узоры.

И, наверное, поэтому шоферы — одна из самых уважаемых профессий на стройке.

Шоферов почитают в горах. Стоит только машине остановиться в любом селении, обязательно найдется человек, который подойдет и участливо спросит, не нужна ли помощь, ночлег, предложит свежие мацони, лаваш на дорогу. Шоферу нельзя отказать, если он попросит о чем-то. Неписанный закон гор.

Водителям известно все.

Какие это цветы? Никто не знает. И только Ромик сказал, что называют их терефук. А безобидные оранжевые ромашки — разрыв-трава. Бросишь в кувшин с водой — кувшин разорвется. А может быть, и нет, — хитро посмотрел на нас Ромик, — но попробовать можно.

Тигран тоже много рассказывал о цветах. О празднике, связанном с цветами и с водой, которой в гористых местах далеко не вдоволь. Праздник цветов и воды — «джан-гюлюм». В этот день можно и даже нужно брызгать водой друг на друга. Конечно, этим заняты в первую очередь дети. А взрослые осыпают друзей цветами.

Тигран притормозил. Мы решили, для того, чтобы мы могли вдоволь налюбоваться душистыми лугами, на многие километры протянувшимися вдоль дороги.

Это только сейчас тут цветы, красота, покой, — Тигран даже вздохнул глубоко, — а придет зима, завоюют метели, и это место станет самым опасным для шофера.

В прошлом году как здесь было? В одних местах дорогу чуть припорошило снегом, в других — намело сугробы. Там, где снега мало, словно на катке кататься можно, а где сугробы — и дорогу не сразу

найдешь. А найдешь, так все равно не проехать.

А как доставить на стройку материалы, инструменты, специалистов?

И тогда стали машины пробиваться не в одиночку, а колоннами. Строители топили снег кострами, укрепляли заградительные валы по обочинам дороги, прорывали в сугробах туннели.

И снова заработала дорога, побежали по ней машины. И шоферов еще больше стали уважать в горах. Но вот загадку о них пока не сочинили.

О селении Брнакот, лежащем на трассе каскада, нам много интересного сообщил Павлик Мамиконович Петросян — парторг строительного управления в Сисиане. Брнакот — село старое, возникло чуть ли не в пятом веке. И название у него необычное. Брнакот — в переводе «сильные люди». Больше сорока крупных армянских ученых родом из Брнакота. Селение дало стране двух Героев Советского Союза. Павлик Мамиконович тоже родился в Брнакоте. Он привел нас на площадь, где стоит обелиск в память не вернувшихся с войны.

Обелиски, подобные Брнакотскому, почти в каждом селе.

В горах память такая же крепкая, как скалы.

*Конь усканал—
Седло осталось.*

Река и мост.

Когда выпускники строительного института Валентина и Валерий Щербаковы приехали по распределению в Сисиан, «конь» выглядел так же, как сейчас, а вот «седло»... Это был настоящий «чертов

мост» — над рекой раскачивалась узенькая хлипкая дощечка, над ней — трос. Хочешь, иди, не можешь — ползи на четвереньках.

— Был у нас смешной случай, — вспоминает Валентина. — Завели огород. Посадили картошку, целый мешок. А выросло сколько? Едва полведра мелочи набрали. Здесь в горах и картошку тоже нужно поливать, а мы не знали.

*Я иду—она идет со мной,
Я стою—она продолжает
идти.*

Это тоже одна из армянских загадок о реке. «Она продолжает идти»... Но уже не так, как прежде, а так, как заставили ее идти люди.

Три электростанции — Спандарянская, Шамбская, Татевская — будут вырабатывать энергию. Каждая — самостоятельно, и одновременно дополняя друг друга. В этом-то и есть суть каскада ГЭС: электростанции трудятся коллективно.

Татевская ГЭС — основная, она уже действует. Турбины ленинградской марки преобразуют энергию воды в электрическую. Мы видели провода, по которым бежит воротанское электричество — на заводы и фабрики, в города и села Армении, туда, где его ждут.

Мы ходили по залам электростанции вместе с Альбертом Оганесовичем Бабаяном, руководителем строительства Татевской ГЭС, потом подошли к реке. Там, у плотины, мальчишки удили рыбу. Мы долго стояли у воды, смотрели на пенящиеся струи, откуда то и дело выпрыгивала ошалевшая рыбешка. Мы прощались с Воротаном. Прощался с Татевской ГЭС и Альберт Бабаян. Ему теперь перебираться на новое место, строить новую, очередную, — Спандарянскую ГЭС.

ЖАРКОЕ ЛЕТО

ПОВЕСТЬ

Николай Печерский

Рисунки Т. Капустиной

Горький сахар

Тихо шаркают по шерботой кирпичной стене малярные кисти. Вверх-вниз, вверх-вниз. Тут и Ваня, и Марфенька, и Пыховы. Везит кистью и Сашка Трунов. Он белит высокие деревянные стояки, которые бегут один за другим по коровнику.

Сашка белит своим способом. Наквасит сверху известкой, подождет, пока она стечет кривыми ручейками вниз, а потом начинает заглаживать, подлизывать кистью потеки. И получается совсем не так, как показала мать — в одном месте густо, а в другом — пусто. Не столб, а полосатая зебра.

Вместе со школьной бригадой белят две доярки. Одна — пожилая молчунья тетя Луша, а другая — совсем молоденькая, Вера. В том году она закончила десятый класс, а теперь работает на ферме и учится где-то в заочном институте. Вера уже несколько раз подходила к Сашке, тыкала носом в его мазню. Сашка делал вид, будто он все понял и учел. А только отойдет Вера, он снова начинает валять дурака. Мать уехала на грузовике за краской для окон, и Сашка пользуется случаем.

Ребятам Сашка объявил бойкот. Даже Пыхову Киму, который уже подходил к нему и хотел что-то рассказать. Ваня не хотелось связываться с Сашкой. Но все же не утерпел, подошел к нему и сказал:

— Ты слышал, что Вера говорила? Ты чего!

Сашка промычал что-то и отвернулся. Катись, мол, и не лезь не в свое дело. Тоже бригадир нашелся!

Ваня плюнул в Сашкино ведро с известкой и ушел. Приедет мать, все равно заставит переделать. И вообще скажет, чтобы взялся

он, наконец, за ум. Вчера в конторе Сашкиному отцу приказали работать в полевой бригаде. Говорили что-то и про Сашку. Но это пока не пошло им впрок. Трунов укатил вечером жаловаться в область, а Сашка — вон он чего... Ваня окунул кисть в ведро и, бросив косой взгляд на Сашку, снова начал шаркать по стене. Вверх-вниз, вверх-вниз.

Вскоре приехала мать. Привезла в банках сурик и рыжую охру для рам и перегородок. Она зашла в коровник и поглядела, как работают ребята. Сашкину мазню мать тоже заметила. Подошла и начала что-то объяснять этому халтурщику и бузотеру. Напоследок взяла Сашкину кисть, провела несколько раз по столбу.

— Теперь понятно? — спросила она.

Сашка делал вид, будто ему не все понятно и надо посмотреть и поучиться немножко еще.

Марфенька работала рядом с Ванятой. Они вкалывали без передышки целый час и теперь отдыхали на перевернутых вверх дном телячьих кормушках.

— Видал, какой паразит? — спросила Марфенька.

— Ага! Чего вы не врежете ему?

— Уже били, — сказала Марфенька. — Не помогает. Он сразу отцу жалуется...

За окном коровника послышался скрип телеги и густой, протяжный голос тетки Василисы.

— Та хлопчики ж вы мои! Та де ж вы там? Там йдите же обидать. Та боже ж ты мий!

Бригада повалила из коровника на вольный воздух. Под деревьями стоял сбитый на скорую руку стол из досок, суетилась возле зеленого ведерного термоса тетка Василиса.

Есть Ваняте не хотелось. Он как-то весь размяк, раскис, через силу ел борщ и пшенную с луковой подливой кашу. Он даже пытался шутить с ребятами, улыбался сидевшей рядом Марфеньке. Главное, чтобы мать не заметила. Она и сама вон как измоталась! Только делает вид, будто веселая.

Ваняте не спасовал, дотянул до конца работы. Вымыл в кадушке кисть, поставил в угол ведерко для известки и втихомолку, чтобы не увидела мать, выскользнул из коровника.

Сначала ребята шли шагом, потом, когда за бугром засинела речка, помчались во весь дух. Ваняте тоже бежал. Спотыкался на кочках, падал и снова мчался вперед.

Он разделся еще на ходу и первым бросился в речку. Вода была теплой и почему-то пахла арбузными корками.

— За мно-ой! — крикнул он.

Вслед за Ванятой бухнули с берега братья Пыховы. Поеживаясь, вошел в речку узкоплечий длиннорукий Сашка. Потом из-за кустов вышла в черных мальчишеских трусах Марфенька. Подбежала к обрыву, оттолкнулась ногой и юркнула в самую глубину.

Вода разошлась быстрыми волнистыми кругами и вновь сомкнулась. Ваняте смотрел влево, вправо. Но нет, не было ее, Марфеньки, нигде. Двадцать, тридцать счетов-секунд — и вот забурило рядом с Ванятой вода, запрыгали пузыри и мокрая Марфенькина голова показалась из речки.

Она торопливо вытерла ладонью лицо и замялась.

— Лови-и-и!

Марфенька подняла руки и снова ушла «солдатиком» в глубину. Ваняте нырнул, открыл глаза. Что-то быстрое, белое мелькнуло

в стороне и пропало. Но он все-таки поймал Марфеньку за голое скользкое плечо, запятал и, разгребая воду руками, ушел к самому дну.

Мальчишки и девчонки замерли, считали секунды. Где же этот Ваняте? Никто и никогда, наверно, не нырял так здорово в Козюркине.

Уже показался в небе молодой месяц, выплывший проводить заходящее солнце.

Ого! Вон, оказывается, сколько купались! А ведь пришли в самую жару. Впрочем, на реке время всегда летит, как самолет. Не успеешь повалиться на песочке, поджарить на солнце бока, поплавать от берега к берегу, — и вечер уже тут как тут. Хочешь или не хочешь, а надо бросать все и убраться восвояси...

Откуда-то из степи пал на реку зыбкий сквозной ветер. Качнулись, зашуршали листьями деревья. Ваняте выбрался на берег, выкрутил на себе мокрые холодные трусы. Мелко застучали зубы, кожа на теле съежилась.

— П-пошли! — крикнул Ваняте барахтавшимся в воде друзьям. — Н-на работу завтра!

И вот опустел берег. Остались на песке только следы от босых ног да сорванная и забытая кем-то желтая кувшинка.

Ваняте бежал домой через огороды, размахивая руками, согреваясь.

В избе горел свет, озабоченно стучала швейная машинка. Мать шила обещанный Ваняте комбинезон.

— Чтой-то долго ты? — мать повернула голову навстречу Ваняте. — Ужинать станешь? Садись. Сейчас я каши тебе...

Поставила перед ним миску с гречневой кашей, подвинула ближе кружку с чаем.

— Что ж это у тебя так нехорошо получилось? — спросила она. — А я и не знала до сих пор...

Ваняте опустил ложку, удивленно посмотрел на мать.

— Ньюсю агрономшу встретила. Рассказала, как свеклу прорывал. Говорит, простила тебя на первый раз, не хотела перед ребятами позорить. Есть у тебя совесть или нет? У меня ж и без тебя... А еще комбинезон просишь... Эх, ты!

— Так я ж, мама...

— Лучше молчи! Пей вон чай. Только сахара нет. И не проси! В поле наш сахар остался.

Мать посмотрела сверху вниз на сгорбившегося притихшего Ваняте, толкнула пальцем в плечо.

— Возьми уж кусочек...

Ваняте склонил голову, отпил несколько маленьких горячих глотков и поставил кружку на стол.

— Я пойду, мам. Спать охота...

Потащился к своей кровати, повесил рубашку на спинку стула и лег. Он уснул в ту же минуту. Все погасло вокруг — и комната, и

мать в белой с черными горошинками блузке, и комбинезон с блестящими, как звездочки, пистонами на карманах.

Пусть знают все!

В колхозную контору пришла телеграмма. На сером бланке было напечатано:

«Прошу подготовить съемке правнука Егора Дорохина Сашу Трунова. Приеду вторник. Фотограф Бадаек».

Старый с желтыми прокуренными усами бухгалтер ничему на свете не удивлялся. Не удивился он и этой странной, не совсем понятной телеграмме. Бухгалтер прочел ее еще раз, почесал кончиком ручки за ухом и написал в уголке крупным разборчивым почерком:

«Тов. Трунов! Прошу обеспечить!»

Телеграмму с резолюцией бухгалтер передал колхозному рассыльному деду Савелию. В ожидании распоряжений Савелий сидел с утра в уголке конторы, втихомолку покуривал и пускал дым в открытую дверцу печки.

Рассыльный неохотно взял телеграмму и вышел с ней на крылечко. Закурил еще раз на воле, поглядел не торопясь вокруг и тут заметил идущего по улице Ваняту.

— Эй, хлопец! — крикнул он. — Сюда иди! Ванята подошел.

— Пузыревой ты сын, что ли?

— Ага, Пузыревой...

— Ну, молодец, — похвалил Савелий. — Труновы, знаешь, где живут? Ну, вот, сынок, снеси вот это. Отдай там...

Ванята устал после работы, мечтал вдоволь накупаться, а если останется время, посидеть с удочкой.

Но отступать было поздно. Дед Савелий без дальнейших расспросов передал телеграмму Ваняте, сказал еще раз, что он молодец, и, довольный таким исходом дела, скрылся в конторе.

Так, не думая, не гадая, Ванята попал в капкан. Вместо речки потащился к дому Сашки Трунова. Дверь в избе была открыта, но там никого не оказалось. Ванята хотел воткнуть телеграмму в дверную ручку и тут увидел Сашку.

Правнук деда Егора вышел из-за сарая, заметил неожиданного гостя и спросил:

— На речку звать пришел?

— Нет, вот принес! Бери...

Сашка начал читать телеграмму. Лицо его как-то сразу залоснилось, будто бы его смазали постным маслом. Он прочел еще раз телеграмму, бережно свернул ее и спрятал в карман.

— Ты иди, — сказал он Ваняте. — Мне к съемке готовиться надо...

Посмотрел куда-то мимо Ваняты и добавил: — Завтра я на ферму опоздаю. Скажешь там...

Утром Сашка, как и обещал, пришел на ферму позже всех. Бригада уже закончила работу в коровнике, белила наружные стены. Сашку увидели издали. Правнук деда Егора был разодет, как именинник. Новая вельветовая куртка с кружевным платочком в кармане, расклешенные брюки и длинные, видимо, с чужой ноги, штиблеты.

Ребята смотрели на Сашку и хохотали. Марфенька даже взвизгнула от восторга и закричала:

— Ой, держите меня, а то я сейчас упаду!

Не смеялся только учитель истории Иван Григорьевич. Он дал Сашке малярную кисть и сказал:

— Бери и работай. Пока не закончишь, не отпустим. Так и знай!

Иван Григорьевич тоже взял кисть, макнул в ведро с известкой и, не обращая больше внимания на разодетого в пух и прах Сашку, начал белить. Припекало солнце. Ветер доносил издали пресные запахи спелых нив. За холмом, там, где стоял памятник артиллеристу Саше, стрекотали комбайны, гремели гусеницами тракторы. В колхозе началась жатва.

Марфеньку выбрали бригадиром. Она работала рядом с Ванятой. Лицо и руки ее загорели, а густые брови слиняли на солнце, стали как два желтых колоска. Ванята водил кистью по стене, украдкой поглядывал на Марфеньку. Он и сам не понимал, почему так легко и чисто у него на душе, замирало и снова постукивало быстрым молоточком сердце. Может, ему нравилось высокое синее небо, текущий с полей рокот комбайнов, а может, что-то совсем другое... Видимо, этого не объяснишь. А может, и не надо объяснять. Лучше постоять, послушать шорохи степи и помолчать.

Фотограф Бадаек, который прислал вчера в колхоз телеграмму, приехал двенадцатичасовым. Высокий, с черным пятнышком усов, он вынул из кармана красную книжечку. Начал что-то быстро и энергично разъяснять учителю.

Марфенька и Ванята наблюдали за гостем с фотоаппаратами на шее и учителем. Иван Григорьевич и Бадаек что-то безуспешно пытались доказать друг другу. Спор затихал на минутку и разгорался с новой силой. Трудно было решить, кто возьмет верх — спокойный,

рассудительный учитель истории или горячий, напористый Бадаяк.

Не повышая голоса, учитель говорил Бадаяку о какой-то роли личности в истории. Бадаяк слушал рассеянно, с нетерпением ученика, который ждет не дождется звонка на перемену.

взяли малярные кисти наизготовку, застыли в живописных, отвечающих моменту позах. Бадаяк прицелился аппаратом, начал щелкать кнопкой, быстро перематывать кадры. Сначала он снял бригаду на узкую пленку, потом — на широкую, потом сделал — уже другим аппаратом — цветной кадр. Бадаяк вошел во

— Почему нельзя? — не дождавшись перемены, воскликнул Бадаяк. — Я буду жаловаться! У меня расстройство. Вот оно!

Картина для Ваняты и Марфеньки постепенно прояснялась. Учитель не хотел, чтобы Бадаяк снимал правнука деда Егора и вывешивал его фотографию в музей.

— Можете не просить. Я сказал — нет, значит, нет. Если хотите, можете сфотографировать всю бригаду. Я не возражаю. Ребята хорошо работают.

Бадаяк покипятился еще немного и, поняв, что учителя не переубедишь, согласился.

— Вы меня без ножа режете! — сказал он. — Давайте скорее своих ребят! У меня и так в голове шурум-бурум! Я на поезд опаздываю!

Бригаду упрашивать не пришлось. Ребята

вкус, и ему даже нравились чумазые лица ребят, поднятые, как винтовки, малярные кисти и заляпанные известкой сверху донизу рубашки и комбинезоны.

— Замечательные снимки! — сказал он. — Спасибо, товарищ учитель!

Бадаяк закончил съемку, сказал всем «до свиданья» и пожал руку Ивана Григорьевича.

После съемки ребята добелили коровник и отправились по домам. Пыхов Ким увязался за Ванятой. Он украдкой дергал приятеля за рукав, давал понять, что у него есть важная новость и они должны остаться наедине. У Кима всегда были про запас какие-нибудь истории.

Ванята знал эту слабость Кима. Он не стал обижать приятеля, замедлил шаг, подождал, пока прошли мимо все ребята, спросил Кима:

— Что у тебя еще? Выкладывай...

— Я тебе про Сашку хотел рассказать...

— Говори. Чего тянешь резину?

— Он вот он чего... он говорит, парторг Трунова с фермы из-за твоей мамани наладил. Он еще не так брешет. Он говорит, Платон Сергеевич за ней ухажерничает... Понял?

Слова эти, будто кипятком, обожгли Ваняту. Он круто повернулся к Пыхову Киму.

— Чего мелешь?

— Разве это я? Я всегда за тебя! Я тебе сам говорю — давай Сашке морду набьем!

— Чего глупости говоришь!

Ванятя дрожал от злости.

Он схватил приятеля за грудки, встряхнул его быстро и порывисто.

— Я тебя за такие слова!

Пыхов Ким попятился.

— Тю на тебя, сумасшедший! Чего ты!

Он отбежал в сторонку. Поняв, что теперь в безопасности, засунул руки в карманы и зашагал прочь.

Ванятя растерянно стоял на дороге, смотрел вслед Киму. Скоро приятель скрылся вдаль.

Ванятя не пошел на речку. Подумал минуту и отправился напрямик по полю к мелькавшим за бугром избам.

Платон Сергеевич приходил несколько раз к ним, это точно. Он долбил с матерью книжку о кормовых рационах, подолгу рассказывал ей о колхозе, о каких-то знакомых и незнакомых Ваняте людях. Матери нравились эти разговоры. Когда Платон Сергеевич уходил — Ванятя сразу заметил это — мать становилась грустной и рассеянной.

Он знал, как трудно сложилась у матери судьба, никогда не напоминал ей зря про отца...

Ванятя с яростью размахивал на ходу рукой, кусал сухие шершавые губы. После разговора с Кимом ему стало вдруг как-то по-особому жаль и себя, и мать, и отца, которого он никогда не видел...

Размышляя о своей горькой участи, Ванятя прошел полсела. И тут с правой стороны улицы, неподалеку от Марфенькиной избы, неожиданно увидел парторга. В гимнастерке, застегнутой на все пуговицы, в синем галифе с вылинявшим малиновым кантом, он шел навстречу Ваняте быстрым солдатским шагом.

Сейчас, когда слились воедино в душе Ваняты все обиды и огорченья, он не хотел встречаться с Платоном Сергеевичем. Он никого не желал видеть сейчас — ни друзей, ни врагов!

Ванятя растерянно поглядел вокруг. Он решил было шмыгнуть в чужую калитку, спрятаться за плетнем, но Платон Сергеевич уже заметил Ваняту. Подошел к нему и, улыбаясь, сказал:

— Ну, еж, как дела? Мать дома?

Ванятя молча и угрюмо смотрел в землю.

— Эге-гей! — воскликнул парторг. — Это что же такое — снова колючки? А ну, дай попробую...

Ванятя отстранил его руку.

— Не надо...

— Чего сердишься? — удивленно спросил парторг. — Я ж шутя... Давай рассказывай — что у тебя? Чего такой надутый?

Злые слова, которые уже сидели на самом кончике языка, неизвестно отчего рассыпались. Голос Ваняты дрогнул, сорвался.

— Я не надутый! — прохрипел он. — Я вам не еж! Я вам все объяснил. Вот!..

Платон Сергеевич опустил бровь. В щелочке глаза блеснул торопливый зрачок.

— То есть, как это — все? — удивился он. — Погоди-погоди, давай, друг, разберемся!..

Парторг протянул руку, чтобы обнять Ваняту. Но Ванятя отступил на шаг в сторону, освободил дорогу.

— До свиданья! — сказал он. — Вам, кажется, некогда...

Смущенный тем, что произошло, Ванятя миновал несколько домов и оглянулся. В эту самую минуту парторг тоже повернул голову.

Ванятя тряхнул головой и еще быстрее зашагал к дому.

В избе никого не было. На столе возле окна лежала тетрадка и книжка с длинным скучным названием — «Кормовые рационы для крупного рогатого скота». Ванятя постоял, вспомнил что-то, полез в чемодан и вынул из него фотографию в простой деревянной рамке.

Ванятя нашел гвоздь, вбил его посреди стены и повесил рамку за тонкое проволочное ушко.

У него есть отец. Пускай об этом знают все!

Радостная весть

Всю неделю лил дождь. Умолкли в поле тракторы, опустели дороги. Промокли, потемнели плетни и черепичные крыши; сникли в палисадниках цветы.

Сегодня воскресенье. Ванятя сидит возле окна, разбирает коробку с крючками и грузилами. Мать закутала плечи платком, читает книжку о кормовых рационах.

Она то и дело подымает голову, придерживая пальцем строчку, слушает шорохи за окном.

— Никак идет кто? — спрашивает она.

Ванятя гремит крючками и грузилами, молчит. Неужели она не справится сама с этими глупыми рационами?

Вкрадчиво тикают часы. Остановятся, послушают вместе с матерью — не идет ли кто — и снова стучат.

«А может, мать и Платон Сергеевич в самом деле нравятся друг другу?» — думает Ванятя. Конечно, это не его дело, а все-таки обидно...

Шестой час, а в избе уже по-вечернему сум-

рачно. Тускло поблескивает на стене фотография отца. Лица его не видно.

Нежданно-негаданно появилась в кирзовых сапогах и сером брезентовом плаще тетка Василиса.

— Ой, боже ж ты мий! — запричитала она. — Та що ж там на вулиці робиться! Лье и лье, дощ отой проклятый! Та там же хліб увесь погниє! Та що ж це за напасть на нашу голову!

Тетка Василиса принесла из сеней охапку дров. С грохотом открыла дверцу печки, начала растапливать. Затрещали поленья, в избе запахло теплой смолой и лесом.

— Как там ваши хлопчики? — спросила мать, когда тетка Василиса перестала ворчать и хлопать дверцей.

— Ты вже краще не пытай! Позамерзли, як цуцики. А з поля — ні шагу. Погоди, сердешні, ждуть. И Ванька Сотник там мерзне. Аж дивытысь больно. Та включи ты оте радио! Що вони там про погоду брешуть? Та шо ж ты сидишь, я тобі кажу!

Мать включила репродуктор. Кто-то далекий тихо и задумчиво играл на скрипке.

Музыка неожиданно смолкла. В репродукторе что-то щелкнуло, зашипело и вдруг знакомым хрипловатым голосом сказало:

— Внимание! Говорит козюркинский радиопункт. Товарищи колхозники, завтра ожидается хорошая погода. Партийная организация и правление колхоза просят всех бригадиров и звеньевых немедленно явиться в контору. До свиданья, товарищи. Включаем Москву.

Тетка Василиса и мать оделись, вместе вышли из дома. Тетка отправилась к трактористам, а мать — в контору.

Ваня недолго оставался один. Прошло минут двадцать или тридцать, и за окошком послышались хлюпающие по грязи шаги. Пришла Марфенька. Она была в стеганой телогрейке и мокром коричневом берете.

— Собирайся, Пузырев! — сказала она. — Пойдем ребят предупреждать. Чего расселся!

— Тоже выдумала! — поморщился Ваня. — Видишь, льет...

— Я тебе сказала или не сказала? На зерно нас завтра бросают. Весь колхоз пойдет.

Ваня спрятал коробку, начал неохотно одеваться.

Они вышли на улицу. Пригнув шеи, побрели вдоль плетней.

Вокруг текли серые мутные потоки. Все притаилось, примолкло. Лишь изредка закричит сдуру в темном сарае петух и тут же смущенно умолкнет.

Долго бродили по селу от одной избы к другой. Марфенька и Ваня. Всех нашли,

всем рассказали, что надо, что будут делать завтра. И видно, не зря месили они сапогами грязь. Дождь начал утихать, а где-то там, у далекого горизонта, выжелтилась между туч узкая чистая полоска заката. Померцала и скрылась из глаз, обещая сухой жаркий день.

Ваня проводил Марфеньку до калитки и тоже пошел домой. Неподалеку от колхозной конторы он увидел почтальона Наташу.

— Эй, Пузырев! Тебе письмо. Получай!

Ваня схватил письмо и помчался домой. Комья грязи летели во все стороны, будто от грузовика.

Матери дома еще не было. Ваня включил свет, вытащил из кармана письмо. На этот раз не было на нем ни сургучной печати, ни суровых, продернутых сквозь бумагу ниток. Ну и чудак же этот Гриша Самохин! Даже конверта и то не заклеил как следует!

Ваня ковырнул ногтем треугольный клапан, вынул письмо. И тут он очень удивился. Письмо было совсем не от Гриши Самохина. Гриша писал крупными и круглыми буквами, а тут были какие-то острые торопливые крючки и юркие завитушки.

Что за чепуха!

Ваня начал читать странное письмо. Прочел и даже подпрыгнул от радости. Да это же письмо от его собственного отца! Отец написал письмо матери, а Ваня по ошибке прочел. Он думал, что это — от Гриши. Дурак этот Гриша Самохин, сто раз дурак! Никуда отец не убежал и не прятался! Он скоро приедет к матери и Ване в Козюркино.

Все верно и точно, как в аптеке! Он приедет в следующее воскресенье, в двенадцать нольноль. Просит, чтобы мать не сердилась и встретила его на вокзале.

Ваня встал на руки, поболтал в воздухе ногами.

— Ур-р-ра!

Счастье распирало Ваню. Скорее бы уже приходила мать. Вот будет радость!

Ваня снова взял письмо, провел языком по липкому сладкому краешку конверта и положил на стол. Он ничего не видел, не читал и не знает.

Ваня накрылся с головой одеялом, оставил в уголке узенькую щелочку для глаз и стал ждать. Ему было видно все, что надо: дверь из сеней, письмо на столе и часы с черными острыми стрелками. Часы никого не ждали, равнодушно передвигали стрелки. Куда торопиться? Всего еще насмотрятся за свою долгую жизнь.

«Ладно тебе уже, — говорили они Ване. — Спи давай!»

Ваня долго сопротивлялся, но все же не выдержал и уснул.

Эники-беники-клец!

Они шли по обочине широкой полевой дороги. Навстречу то и дело мчались машины, наполненные до краев зерном. На центральном току уже давно кипела работа.

Ребята обогнули густую полосу степного леса и увидели ток. На высокой арке — яркий кумачовый лозунг. Белыми крупными буквами на нем было написано: «Уберем хлеб до последнего зернышка!»

На току, не затихая ни на минуту, гудели зерноочистки; возле хлебных курганов стояли на своих трех колесах погрузчики с длинными, поднятыми ввысь хоботами, жужжали на холостых оборотах автомашины. Наполненные хлебом бортовые машины бережно въезжали на огромные дощатые весы и, постояв несколько минут, мчались одна за другой на станцию, к хлебному элеватору. На каждой машине трепыхал красный флажок.

На току с деревянными лопатами в руках сутились люди. Иван Григорьевич был уже тут. Он увидел ребят, замахал рукой.

— Эй, народ, сюда!

Ребята припустили к току. Тут им сразу нашлось дело. Кто взял метелку, кто стал с лопатой возле торопливого прожорливого погрузчика, а кто — возле навесов, под которыми лежали сыпучие золотые взгорья пшеницы.

Ваняте и Пыхову Киму досталось работать на машине. Ребята вместе с Иваном Григорьевичем подгребали к лапам погрузчика пшеницу, а Ваняте с Кимом хозяйничали в кузове. Будто горная река, лилось с верхотуры зерно. Упустишь минуту — и перед тобой уже высокий хлебный холм. Попробуй потом разбросай его по всему кузову!

Из кузова было видно все поле. Слева, за леском, тянулась желтовато-зеленая полоска кукурузы, справа, среди пшеничного клина, мерцали лопастями комбайны, вспыхивали и таяли на глазах легкие синие клубочки дыма.

— Не зевай! — покрикивали шоферы. — Шевелись!

В полдень на попутной машине приехал Платон Сергеевич. Поговорил о чем-то с колхозниками, которые работали возле навесов, потом взял лопату и прошел к погрузчику. Ребята с радостью приняли его в компанию. Работа закипела вовсю.

Платон Сергеевич подгребал зерно вместе с учителем. Бросят несколько лопат, смахнут со лба капельки пота и снова за дело. Вокруг сутились ребята, гребли зерно к погрузчику, подметали ток свежими березовыми метелками.

Пыхов Ким с завистью поглядывал на ребят — вон каких помощников себе нашли!

Разве теперь за ними угонишься! Ким не терпел конкуренции. Он растопырил руки и закричал:

— Давайте к нам! На верхотуру! Платон Серге-ич!

Ким зазевался. Поток зерна ударил его сверху, повалил навзничь. Ваняте бросился спасать друга. Вокруг стоял хохот и визг. Смеялись вместе со всеми Платон Сергеевич и учитель. Похоже, им тоже хотелось забраться на машину, поработать и подучиться вместе с Пыховым и Ванятой.

С тока ушла последняя машина. Пока разгрузится на элеваторе и вернется, можно отдохнуть и даже искупаться возле бочки с водой. В степи стоял сухой белый зной. Даже дышать — и то горячо. Все повалили к дощатому навесу. Сели в кружок, стали слушать парторга — как идет уборка и когда в колхозе будет праздник урожая.

Оказалось, уборке скоро конец, остались одни хвостики. А праздник будет хоть куда — и доклад, и кино, и пляски, а возможно, даже цирк.

— Плясать будешь? — спросил Пыхова Кима парторг.

Ким любил, когда к нему обращались с вопросами. Но сейчас он надулся и замотал рыжей головой.

— Зна-а-ем эти танцы! — протянул он. — В том году уже танцевал. За ухо из клуба выволокли. Аж сейчас болит!

— Вот так дело! А я и не знал. Как же это тебя?

Все смотрели на Кима, на Платона Сергеевича и улыбались.

— Не, он не так говорит, — сказала Марфенька. — Он сел в первый ряд, а там для трактористов места оставили. Директор клуба говорит: «Ты, Ким, пересядь на другое место», — а он забастовку устроил. Он у нас, Платон Сергеевич, всегда бастует.

Парторг выслушал Марфеньку, сказал, что Ким дал осечку, но и директор тоже неправ и выводить из клуба за ухо живых людей не годится.

— Ты, Ким, не переживай, — успокоил он. — Теперь не выведут. Все будет как надо — и кино посмотришь, и выступления послушаешь. Все бригады отчитываться будут. Ты, Марфенька, это учти. Слышишь?

Странно, но слова эти Кима не успокоили. Он сердито посмотрел на Марфеньку, встал с места, отошел в сторонку и лег на охапку солом. Возможно, он устал от зноя и переживаний, а возможно, снова объявил забастовку. Кима ведь с одного раза не раскусишь...

Платон Сергеевич уехал. Ким лежал без всякого движения и, похоже, даже не дышал. Ваня подошел к другу и напарнику по работе, участливо сказал:

— Ты брось! Чего ты из-за пустяков?..

Пыхов Ким открыл глаза, поднялся на локте.

— А она чего? Я ж им говорил — зачем ее бригадиром? Я им говорил — давайте Ваняту. Ты думаешь, они со мной считаются?

— Ну не злись ты!

— Нет, я буду злиться, — твердо сказал Ким. — Разве ж она на празднике выступит? Она все перепутает. В том году на сборе дружины выступала. Вышла на сцену — тпр-фр — и точка. За животы все хватались. До сих пор смешно.

— Ну и что тут такого, — сказал Ваня. — Ты думаешь, выступить легко? Ого! Это, знаешь!..

— Чего тут уметь? Рассказал про все, а потом — клятву. У нас уже есть клятва. Будь здоров! Гришка придумал. Во клятва! Все наши мальчишки знают!

— Врешь, наверно? — сказал Ваня. — Опять выдумываешь...

— Чего врать! — возмутился Ким. — Я правду... Законная клятва! Сказать? Ну, ладно. Другому ни за что не сказал бы. Я тебя с первого дня понял. Как увидел, так сразу и понял...

Пыхов Ким встал со своего наместа. Оглянулся на всякий случай вокруг, затем сложил руки по швам, вытянулся весь как струна и голосом суровым и страстным сказал:

— Вперед! Крепко, как штык! Навсегда! Кто нарушит, тому на обед сто лягушек и банку червей. Эники-беники-клец! Конец!

Пыхов Ким опустил голову, не глядя на Ваня, вытер рукой потный лоб.

— Ничего? — с надеждой спросил он. — Нравится?

— Не знаю! Тут как-то...

— Значит, не знаешь, да? Теперь я вижу, какой ты! Все вы такие! Возьму и брошу всех. Посмотришь! Назло брошу. В пустыню Сахару уеду. Буду на верблюдах ездить.

Взгляд Пыхова принял мстительное выражение.

Но поссориться Пыхову Киму и Ваняте не удалось. На ток, запыленная до лобного стекла дорожной пылью, прикатила машина. Грузовик развернулся и подъехал к погрузчику. Коротко и требовательно загудел сигнал.

— По места-ам! — крикнула Марфенька. — По места-ам!

На тракторе

В час дня появилась со своими зелеными термосами тетка Василиса. Она была и за повара, и за кучера. Тпрукнула на лошадь и крикнула ребятам:

— Скорийше, хлопчики, скорийше, а то борщ остыне! Там вже такого борщу наварила, ну просто тоби одын вкус!

Колхозники и ребята повалили к навесу. Тетка Василиса затрещала деревянными ложками, загремела алюминиевыми погнутыми мисками.

Все дружно принялись за еду. Миски держали на коленях, как держат свои котелки солдаты на фронте. Где уж тут думать о столах и стульях — похлебал борща, поел крутой пшенной каши и снова за работу.

Не зевай, жми на все гайки!

А машинам не было ни конца, ни края. Нагрузишь одну — и тут же, точно корабль у причала, стоит еще одна.

Торопись, ребята!

В два часа дня Иван Григорьевич приказал щабашить.

— Хватит вам на сегодня, — сказал он. — А то председатель колхоза заругает. И так уже из-за вас влетело...

С председателем не шути. Так взгреет, не опомнишься!

Председателя, правда, Ваняте видел всего два или три раза. С утра до сумерек гонял он по бригадам на новеньком, недавно купленном «козле». Нередко оставался на ночь в поле, при свете фонаря ладил с механиками тракторы и комбайны.

Ваняте слышал о молодом, прибывшем из Тимирязевки председателе — и от матери, и от Платона Сергеевича, и от Сотника. Похо-

же, им были довольны в седе... Зря только прижимал он школьников, гнал с поля раньше срока... Вон ведь какое жаркое лето в колхозе!

Домой Марфенька и Ваняте шли вместе. Ребята разбрелись по степным дорожкам, кто — вправо, кто — влево. Марфенька и Ваняте выбрали самую короткую, по жнивью, тропу. В стороне мелькали стога соломы, бороздили поля гусеничные тракторы. По черной борозде

ходили друг за другом и кланялись земле серьезные птицы грачи.

Марфенька остановилась, посмотрела из-под ладони в степь.

— Видишь? — спросила она. — Пыхов с Сотником пашут!

— Пускай... зачем они тебе?

— Какой ты! Мне с Ваней посоветоваться надо.

— Советуйся. Я не держу!

— Не пойдешь?

— Не хочу.

— Чего не хочешь?

— Так...

— Не, я знаю чего! Ты Сотнику завидуешь, вот чего!

— Сама завидуешь, а на меня сваливаешь!

— Не, я не так завидую! Идем сейчас же!

Марфенька потянула Ваняту за рукав, повела к чернеющей вдалеке пашне. Они долго шли по жесткой колючей стерне, обогнули стог соломы и снова увидели трактористов. Трактор неторопливо полз по полю. Сзади тянулась глубокая борозда; металлическим блеском отливали поднятые лемехами отвалы земли.

Положив ладони на рычаги, Сотник сидел на круглом, обшитом дерматином сиденье. Тракторист Пыхов в красной майке стоял рядом, не спуская глаз с напарника, следил за каждым движением его руки.

— Здравствуй, Ваня-а! — закричала Марфенька.

Сотник даже ухом не повел.

— Вон как фасонит, видала?

Марфенька серьезно и сосредоточенно смотрела на приближающийся трактор. Трактористы вскоре подъехали к тому месту, где стояли Марфенька и Ваня. Пыхов заглушил мотор, прыгнул на землю и сказал напарнику:

— Иди с ребятами поговори... Я масло проверю.

С грохотом откинул железный ребристый капот и стал копаться в моторе.

Сотник подошел к Марфеньке и Ваняте.

— Здравствуй, Ваня! — сказала Марфенька. — Я кричу-кричу... аж охрипла. Я к тебе вчера приходила, а тебя дома не было. Ты тут до ночи вкалываешь?

— Ничего не до ночи! Полсмены только.

Сотник вытер лицо рукой. На щеке густо отпечаталась черная маслянистая полоса. Он стал сразу каким-то смешным и задиристым.

Пыхов с грохотом опустил капот, обернулся к напарнику, сказал:

— Садись, что ли? Поедем...

Сотник торопливо пошел к трактору. Сел на обитое дерматином сиденье, положил руки на рычаги.

— Ну, а вы чего стоите? — спросил Пыхов. — Специального приглашения ждете? Садитесь, коли так...

Марфенька с Ванятой ринулись к трактору. Марфенька стала справа от Сотника, а Ванята — слева. Больше на тракторе места не было. Сотник смотрел из-за плеча на Пыхова. В глазах его слились воедино и удивление и просьба.

А Пыхов между тем поднял руку и, будто бы все у него было заранее намечено, врасстыжку прокричал:

— Трога-ай, тракторист! Смотри — осторожней там! Смотри-и мне!

Сотник рванул рычаги на себя. Трактор взревел, качнулся и пошел по полю. Марфенька и Ванята стояли по бокам, и казалось им, что это не Сотник, а сами они сидят за рычагами, ведут по полю тяжелый, гремющий гусеницами трактор.

Ваня сделал полный круг и остановил трактор на том самом месте, где сидел на земле и курил неторопливыми затяжками Пыхов.

— Слезайте! — подымаясь, сказал он пассажирам. — Покатались — и хватит...

Марфенька и Ванята слезли с трактора. Пыхов сел за рычаги, а Сотник стал сбоку. И трактор снова пошел по полю.

В овраге

Ванята и Марфенька шли вдвоем. Справа и слева, насколько хватало глаз, расстилались поля. Хлеб уже почти весь убрали. Только кое-где мелькали гривы нескошенной пшеницы. Еще день-два — и жатве конец. И тогда ударит в колхозном клубе барабан, запоют трубы, начнется веселый летний праздник — дожинки.

Марфенька тоже выступит на празднике. Расскажет, как они работали, помогали колхозникам убирать урожай и вообще, как думают теперь жить.

Ванята выждал удобную минутку и, будто между прочим, спросил:

— Ты не боишься выступать?

Марфенька замедлила шаг.

— Не, я уже не боюсь, — сказала она. — Я все продумала. Концовки только нет. И так думала, и так, а она не получается...

— Ерунда, — сказал Ванята. — Скажи что-нибудь — и все. Главное, чтоб в середине хорошо было. А концовка — пустяк. Гриша Пыхов запросто придумал. Знаешь, как получилась?

В глазах Марфеньки блеснул хитрый огонек.

— Не, — сказала она. — Про лягушек и червей нельзя. Это у мальчишек наших такая клятва. Это Пыхов Ким придумал.

— А Ким болтал — Гриша.

— Не, он врет. Это Ким. Я сама придумаю, а то смеяться будет.

Тропа опустилась с холма и вошла, будто в речку, в глубокий овраг. На крутых откосах его торчали серые камни, бежали вверх кусты колючей боярки. Овраг петлял по степи и заканчивался где-то возле молочных ферм.

Марфенька и Ваня шли по дну оврага. Было тут после вчерашнего дождя сыро и душно. Без усталости трещали, выпрыгивали из-под ног серые с красными подкрылками кузнечики. Где-то в стороне, а где — не поймешь, — звенел ручеек. Марфенька остановилась, склонив голову, начала слушать.

— Вон где! — сказала она. — Пошли!

Они свернули с тропки и увидели: струйка

воды прыгала с камешка на камешек, растекалась по траве жидким прозрачным стеклом. Рядом на ветке шиповника сидела зеленоватая белошекая синица. Она только что нашла ручеек, хотела напиться и теперь недовольно поглядывала на гостей круглым черным глазом.

Вода была холодная и чуть-чуть отдавала полынной горчинкой.

С трудом выбрались они из оврага. Солнце заливало степь ярким слепящим светом. В синем высоком небе, будто белый поплавок, плыл самолет.

Они разыскали среди жнивья тропку и пошли домой. Теперь до деревни было рукой подать. Марфенька с любопытством поглядывала на Ваню и улыбалась.

— Чего улыбаешься? — спросил Ваня.

— Просто так... разве нельзя?

Ваня не знал, обижаться ему на Марфеньку или не стоит. Разве поймешь, что на уме у этой хитрой девчонки?

Встреча

В доме Пузыревых дым стоит коромыслом. Мать, засучив рукава, стряпает шанежки, тетка Василиса гремит посудой, накрывает широкий праздничный стол. Тысячу дел придумали Ваняте. Сначала он драил тертым кирпичом медный самовар, потом подметал двор, потом скоблил ножом крыльцо...

Сегодня в двенадцать ноль-ноль приезжает отец. Ваняте об этом не сказали. Он поглядывает на мать и тетку Василису, ухмыляется. Ну и хитрецы! Ничего, он подождет, уже долго!

Стол трещит от всякой еды, а тетка Василиса придумывает все новые и новые угощенья. Станет посреди избы, взмахнет руками и скажет:

— Ой, боже ж ты мий, та що ж це робиться! Та тут же ничего нема! Може ще яку консерву купить? Та чого ж вы мовчите? Та бижи ж ты, Ваняте, в той магазин! Та що ж мені з вами робить!

В последнюю минуту, когда уже все было готово и можно было наконец сделать передышку, тетка Василиса погнала Ваняту в магазин купить кофе. В доме Пузыревых кофе не пили, но тетка Василиса решила, что теперь без него не обойтись.

Ваняте спрятал деньги в карман и пошел в магазин. Тетка Василиса сказала, чтобы он летел пулей, но Ваняте решил не торопиться. Было всего только десять часов. Сто раз успеет сбегать в магазин!

Сегодня у Ваняты два праздника. Во-пер-

вых, приезжает отец, а во-вторых, — дожинки. В кармане его комбинезона лежит отпечатанный на машинке узенький листок: «Уважаемый тов. Пузырев! Партийная организация и правление колхоза просят Вас пожаловать в клуб на праздник урожая. Явка обязательна».

Узнал бы про это Гриша Самохин, умер бы от зависти! Эх, Гриша, Гриша, жаль, нет тебя здесь!

Ваняте дал небольшой крюк, решил сначала посмотреть на клуб, который украшали вчера колхозники, и на стенную газету, которая висела возле клуба за стеклянной витриной. Ее тоже делали вчера. Ваняте ходил в клуб вместе с Марфенькой, Пыховыми и все видел — как печатали на машинке статьи, клеили фотографии, рисовали красками заголовки.

В газете была статья о Сашкином прадее. Как жили раньше крестьяне и как живут теперь. Была и фотография. Дед Егор строго смотрел из-под своих густых бровей и как будто бы говорил: «Ничего, однако, поработали: и хлебушко есть, и молоко, и прочее. Жаль, не довелось глянуть на вашу жизнь своим глазом. Молодцы, граждане, то есть товарищи колхозники. Одобряю!»

Много знакомых людей увидел Ваняте на фотографиях — и отца Пыховых, и комбайнеров, и тетку Василису с деревянной поварешкой в руке. Была в газете и еще одна фотография. Ее прислал накануне в твердом картонном пакете суетливый и немного смешной че-

ловек — Бадаяк. Ваня сразу нашел на снимке себя, Марфеньку, Пыховых. Не попал в кадр только Сашка Трунов.

Ваня подошел к клубу. Все здесь было в порядке. Газета висела на месте. На фасаде трепыхались флажки. Над входом в клуб звал в гости огромный лозунг — «Добро пожаловать, товарищи хлебобобы!» Ваня полюбился этим лозунгом, проверил на всякий случай — цел ли пригласительный билет с «уважаемым товарищем» и только тогда пошел выполнять поручение тетки Василисы.

Размахивая рыжей коробкой кофе и кулком конфет, Ваня возвращался домой. От радости у него все пело и плясало в душе. Жаль, что мать не берет его с собой на вокзал, но это понятно: отец и мать давно не виделись. У них будут свои разговоры, и Ваня не знает их не надо. Пускай будет так, как задумала мать. Главное — приедет отец. Больше ему ничего не надо!

Пританцовывая, вбежал Ваня в избу, поднял, как пароль, как пропуск к счастью, коробку кофе и конфеты.

— Купил, тетя Василиса! Мировецкого! С цикорием!

Но что это? Тетка Василиса и мать даже не посмотрели на него. Пока Ваня вертелся возле клуба, выбирал в магазине самый лучший кофе и конфеты, тут что-то произошло. Полчаса назад мать была в белой праздничной кофте и синей юбке, а теперь надела серое с бледными цветочками платье, в котором

работала на ферме, повязалась простым платком.

Мать и тетка Василиса из-за чего-то поссорились. Тетка Василиса наступала, а мать тихо и виновато защищалась.

— Та що ж це такое робится? — кричала тетка Василиса. — Та що ж це такое надумала! Ой, боже ж ты мий! Та подумай же ты своею головою! Та тьху на тебе за таки дила! Та йды ж ты, я тобі кажу, на отой вокзал!

Ваня стало все ясно. Мать передумала почему-то идти на вокзал. Отца никто не встретит. Он обидится и, возможно, даже уедет назад. Теперь уже навсегда, на всю жизнь!

Ваня стало страшно. Чистый, полный надежд и ожидания день, который так хорошо начался для него, померк, закрылся непроглядной косматой тучей.

Мать не видела этого молчаливого упрека в глазах Ваняты. Она ушла на ферму, а Ваня и тетка Василиса остались в избе. Тетка Василиса кипела от гнева. Она ни с того ни с сего замахнулась на Ваняту и закричала:

— Та кинь ты отой чортів кохве! Та на биса ты купив оту гадость? Ой, боже ж ты мий, та що ж це на свити робится? Та довго я буду за всіх страдати? Та чого ж ты стоишь, як отой пенек, я тобі кажу!

Тетка Василиса оглядела огорченным взором стол с едой, сказала: «Тьху на вас на всіх!» — и вышла из дома, хлопнув изо всей силы дверью. Жалобно и тонко зазвенели на столе рюмки.

А через минуту Ваня уже был на улице. Задыхаясь, мчался он по жнивью, по тропкам и дорожкам на вокзал. Он встретит отца, приведет его домой и навечно помирят с матерью.

По большаку сзади Ваняты пылила машина. Ваня свернул в сторону, добежал до телеграфных столбов и замахал над головой кепкой.

— Сто-ой! — закричал он. — Сто-ой!

Машина затормозила невдалеке, прокатилась юзом по гладкой, накатанной до белого сияния колее. Шофер высунулся из кабины, погрозил кулаком.

— Ты что — сдурел? Я ж тебя, как куренка, мог... в минуту!

— Возьмите. Мне на вокзал! Дяденька-а!

— Я тебе дам — дяденька! Ишь, моду взяли! Садись скорее, окаянный!

Заскрежетала дверца. Ваня влез по высоким подножкам в кабину, сел на черное, вытертое до ниток сиденье. Машина дала газ и снова рванулась вперед.

Шофер поправил зеркальце над головой, сердито сказал:

— За таких наш брат и страдает. Лезут под самые колеса — и все. Встречаешь кого, что ли?

— Отца. С Востока едет. С границы он почти...

Шофер закурил, теперь уже одобрительно посмотрел на пассажира.

— Чего ж молчал? Так бы сразу и сказал! Тоже мне...

Машина домчала Ваняту до перекрестка. Направо дымил кирпичный завод, налево, в гуще пыльных деревьев мелькали станционные дома, светил издали яркий зеленый огонек светофора.

— Теперь успеешь, — сказал шофер, открывая дверцу. — Давай, давай. У меня работа!

Шофер свернул к заводу, а Ванята помчался на станцию.

Он прибежал как раз к сроку. Электровоз, замедляя ход, прополз мимо станции, чихнул тормозами и остановился. Ванята выбрал местечко возле дощатой калитки для пассажиров. Над ней на двух тонких трубах висела белая дощечка с надписью — «Выход в Козюркино».

Проводники открыли тамбуры, не торопясь вытерли тряпкой серые прямые поручни, сошли со своими флажками на перрон. Ванята не спускал глаз с вагонов — только бы не прозевать отца!

Пассажиров, как всегда, в Козюркине было немного. Показались какая-то женщина с грудным ребенком на руках, два длинноногих суворовца с яркими малиновыми погонами на плечах; размахивая кефирной бутылкой и оглядываясь на окошко своего вагона, побежала к дощатому киоску девчонка в синих джинсах.

В дверях одного из вагонов появился седой старик в черном костюме и с узелком в руке. Он сполз по ступенькам на землю, сказал что-то проводнице и пошел к выходу.

Электровоз постоял еще минуту-две, толкнул для порядка взад и вперед вагоны, и, набирая ход, умчался в свой далекий путь. Опустив руки, стоял Ванята возле калитки. Прошла мимо женщина с ребенком, прогремели своими черными курносими ботинками суворовцы.

Навстречу Ваняте ковылял с узелком в руке последний пассажир. Что-то далекое, что-то полузабытое напомнил Ваняте этот старик в черном костюме. Сухое морщинистое лицо, тонкие седые волосы на крутых висках, медная цепочка-висюлька в кармане на груди. Ванята сразу увидел заросшую тусклой ряской речку Углянку, дорогу на материну ферму и на этой дороге телегу с бидонами для молока. На телеге, свесив ноги, сидели двое — мальчишка в кепке, похожей на голубятню, и старик с ремненным кнутом в руке.

Пассажир тоже узнал Ваняту. Он перебрал из руки в руку узелок, заторопился.

— Здравствуй, Ванята! А я тебя сразу и не признал! Встречать никак пришел? Ну, уважил. Ну, прямо я тебе дам!

Дед Антоний схватил Ваняту в охапку жилистыми сухими руками, приподнял и снова опустил на землю.

— А меня, друг ситный, на пенсию спихнули, — сказал он. — Куда хочу, туда и еду. Дай, думаю, к Пузыревым наведаюсь. Скучал тут без меня? Ну-ну, по глазам примечаю! Пошли, чего же ты?

Ванята опустил голову. Стараясь не смотреть на деда Антония, ответил:

— Нет, я сейчас не могу. Еще один поезд придет. Мне встречать надо...

— Беда с твоими поездами! Их же — вон сколь ходит. Рази все встретишь? Пошли, тут я тебе подарочек привез от Гришки Самохина. Помнишь Гришку, однако?

Дед Антоний полез в карман, достал узенький бумажный пакетик. Ванята развернул бумажку, увидел три тонких серебряных крючка.

— На шуку Гришка велел пускать. Нехай, говорит, ловит. Мне, говорит, без него вот так скучно. Так, говорит, и передайте. Ну, чего ж мы стоим? Духмень вон какая! Аж в пот кинуло. Пошли в тенек. Чего ты, однако?

Они пошли в конец перрона, туда, где росли корявые акации и текла тонкой струйкой из чугунной колонки вода. Дед Антоний сел на длинную дощатую скамейку, устало вытянул ноги. На земле мерцала кружевная тень от деревьев, по луже возле колонки ходили пешком голуби.

Дед Антоний поглядел на Ваняту, вздохнул и, быстро роняя слова, сказал:

— Не мечтал я тебе говорить, Ванята, а скажу. Ты этого поезда не жди. Не придет твой отец. Другая у него линия жизни вышла, чтоб ему...

— Вы что, дед Антоний?!

— Ото самое, Ванята! Думала мать, возвратится муж и все у вас будет браво. Надеюсь, в общем. А не вышло вот... Отсидел отец срок, а потом за прежние дела принялся. Там такого натворил — не говори!

Дед Антоний взял Ваняту за руку и повел по дороге, как слепца.

Он хотел отвлечь Ваняту, а может, и самого себя от мрачных непрошенных мыслей, без умолку рассказывал все, что придет вдруг на память.

— Проводили меня, в общем, Ванята, на пенсию. Часы в презент купили. Узнали, что разбил свои, ну и уважили. Всю область объездили, а нашли. «Павел Буре» по названию. Помнишь часы мои прежние? Как зверь ходили!

Дед Антоний вынул из кармана часы с медной цепочкой и поболтал возле уха, как тухлое яйцо. Часы торопливо застрекотали колесиками и виновато смолкли.

— Пружина, видать, лопнула, — сообщил дед Антоний. — А так — ценная вещь... Мне, Ваня, теперь часы ни к чему. У меня времени с верхушкой до самой смерти хватит. К вам вот приехал. Чего мне без толку на печке сидеть? Председатель так и сказал — ты, говорит, мотай к Пузыревым, зови обратно. Поедешь, что ли? Гришка там Самохин ждет. Отдайте, говорит, крючки Ваняте — дружба у нас...

Много мог еще рассказывать Ваняте дед Антоний, потому что дорога длинная, а память

человека еще длиннее. Но из-за поворота выскочила на полном газу бортовая машина. Шофер круто затормозил возле путников, высунил голову из кабины.

— Эй, парень! — крикнул он. — Встретил отца?

Дед Антоний подошел к машине, сердито сказал:

— Чего орешь на всю степь? Тоже мне хлюст! Подвезешь ай нет? Открывай калитку...

Шофер безропотно дернул ручку, впустил в кабину деда Антония. Ванята полез по скату в кузов. Машина подождала минутку и снова помчалась вперед.

Крепко, как штык! Навсегда!

Платон Сергеевич стоял возле зеркала, надевал галстук. Он увидел, как открылась дверь и в просвете ее появилась голова мальчишки в кепке, похожей на голубятню.

— Можно, Платон Сергеевич?

Парторг подергал узелок галстука, распустил его, как шнурки на ботинках, обернулся к неожиданному гостю.

— Заходи. Галстуки умеешь цеплять? Что-то не получается. Забыл систему...

Ванята вошел в комнату. Здесь ничего не изменилось с тех пор, как был он в гостях и пил чай с конфетами. Стоял возле окошка стол, заваленный книжками и бумагами, висела на стене фотография; в стакане с водой краснели три гвоздики.

Только Платон Сергеевич был каким-то иным, непохожим. Наверно, оттого, что в новом пиджаке вместо гимнастерки и белой рубашке с непослушным воротничком.

— Не умеешь, значит, цеплять? Ладно, без украшений обойдемся. Какая твоя точка зрения?

— Не знаю, Платон Сергеевич... Я, знаете, чего пришел?

— Конечно! Ссориться пришел. Сколько мы с тобой не разговаривали?

— Неделю...

— Плохо считаешь. Неделю и четыре дня.

— Я же не хотел. Это так получилось... я рассказать пришел... можно, Платон Сергеевич?

— Давай... садись на диван.

Ванята сел, положил руки на колени.

— Не нравишься ты мне сегодня, — сказал Платон Сергеевич. — Что там у тебя — говори. А то в клуб опоздаем...

В горле Ваняты что-то загнулось — тугое, противное. Будто купался в речке и хлебнул

теплой воды. Ванята закрыл лицо ладонями, тихо и печально заплакал.

— Я не могу больше, Платон Сергеевич. Я никуда не пойду...

— Что ты? У нас же праздник! Дожинки. Вот чудак!

Парторг придвинулся к Ваняте, обнял его за плечи крепкой, дрогнувшей на миг рукой.

— Ну, перестань. Слышишь!

Ванята не отнимал от лица ладоней. Будто в ковшик, падали в них одна за другой теплые соленые слезы.

— Я к вам пришел... я хотел сказать, Платон Сергеевич...

Он умолк на минуту. Сдерживая дрожь в голосе, быстро сказал:

— Платон Сергеевич! Женитесь на моей маме. Я разрешаю...

Парторг еще крепче сдвинул пальцами Ванятино плечо.

— Ах, ты ж, Ванята! Ну какой ты еще маленький! Вот, значит, отчего поссорился! Чудак ты! Перестань, я тебя прошу...

Ванята притих.

— Я честно, Платон Сергеевич. Я...

Платон Сергеевич быстро поднялся.

— Не смей об этом! Я запрещаю!

На лбу его, разделяя брови, прорезалась глубокая ямка. Он искал слова, чтобы высказать мысли, которые должен понять сейчас мальчик в синем комбинезоне.

— Ванята, если ты хочешь, можешь быть моим сыном, — ласково сказал он. — Ты слышишь?

— Слышу, Платон Сергеевич...

— У меня никого на свете нет. Я тебе уже говорил... Будешь моим сыном?

— Буду, Платон Сергеевич.

— Честно?

— Я же сказал — я честно...
— По-партийному?
— По-партийному, Платон Сергеевич!
— Давай руку. Вот так! Теперь иди умойся. Чернила на носу. Ты что — носом пишешь?
— Я сегодня не писал, Платон Сергеевич...
— Не рассуждай. Раз отец сказал, значит — точка. В коридоре умывальник.

Ваня долго плескал в лицо холодной водой, тер щеки полотенцем. Посмотрел в круглое тусклое зеркальце на стене, смахнул пальцем последнюю слезу и вошел в комнату.

— Эликсиром брызнуть? — спросил Платон Сергеевич, кивнул головой на пузырек с красной резиновой грушей.

Ваня улыбнулся.

— Не надо. И так сойдет.

— Тогда пошли. Опаздываем уже.

Платон Сергеевич вел за руку Ваняту. На пиджаке его позванивали тихим серебряным звоном ордена и медали. Ваня старался не отставать, шагал рядом со своим новым отцом размашистым шагом.

— Всех на дожинки пригласили? — спросил погода Ванята.

— А как же! Всю вашу бригаду.

— Стенную газету возле клуба видел. Там только ухо Сашкино получилось. Не попал он в кадр...

— Верно, не попал, — ответил парторг. — Я уже давно про этого Сашку думаю. Надо из него все-таки порядочного человека сделать. Какая твоя точка зрения?

— Не знаю, Платон Сергеевич. Он...

— Нет, тут даже думать нечего... Сашка ж сейчас, — ну как тебе лучше сказать, — ну, как крот, что ли — слепую живет. Куда толкнут, туда и лезет... Сам я, Ванята, виноват. Сплоховал, одним словом...

— При чем тут вы, Платон Сергеевич?

— Отцу Сашкиному надо было гайку потуже завернуть. А я, видишь, промазал, смалодушничал... Ну ладно, разберемся еще. Рано тебе это пока знать...

Ванята зашел чуть-чуть вперед, не выпустив ладони из руки парторга, заглянул ему в лицо.

— Платон Сергеевич, а вы ж сами говорили — детям все надо знать: и про жизнь, и про смерть... Помните?

— Конечно, помню... С тобой ведь ухо остро надо держать! К каждому слову цепляешься...

Парторг прошел несколько шагов, улыбнулся чему-то и сказал:

— А все-таки ты, Ванята, еж! Нет, нет, не оправдывайся! Все равно не убедишь... Давай нажимай, а то в самом деле к шапочному разбору придем.

На дворе еще было светло, а возле клуба уже горели электрические лампочки. В фойе играл оркестр, за окнами кружились пары.

У подъезда толпились мальчишки и девчонки. Они были чем-то взволнованы и возмущены. Вокруг стоял шум, хоть уши затыкай. Громче всех орал Пыхов Ким. Ванята сразу узнал голос своего беспокойного обидчивого друга.

— Пошли скорее, — сказал Платон Сергеевич.

Они прибавили шагу.

— Эй, люди, что там у вас? — крикнул парторг.

Пыхов Ким замахал рукой.

— Не пускают, Платон Сергеевич! Обратно за уши хотят! Я ж вам говорил!

Похоже, Ванятиных друзей в самом деле не пускали на праздник. У подъезда, заглядывая в двери, возле которых стоял билетер с красной повязкой на рукаве, толпились все деревенские ребята. Были тут и Гриша Пыхов, и Марфенька, и Сашка Трунов, и Ваня Сотник.

— Это как же не пускают? — спросил парторг Кима. — Билет у тебя есть?

— А то нет! Вот он — «уважаемый товарищ». За уши, Платон Сергеевич, хотят. Не считаются!

Парторг отстранил Пыхова Кима, подошел к двери. Загородив вход рукой, там стояла Клавдия Ивановна, или просто тетя Клаша. Утром она убирала клуб, а вечером, когда крутили кино, отрывала на билетах контроли, следила, чтобы в зал не проникли хитроумные «зайцы».

— Тетя Клаша, чего это вы их? — спросил парторг.

— То есть, как чего? Вы поглядите на них — комбинезоны понацепляли. Как сговорились усе! Тут праздник, а тут... Не пушу — и все. Ишь, тоже, валеты — на палочку надеты! Перемазать усе хотят. Та я их!

— Мы чистые! — крикнул из-за плеча парторга Пыхов Ким. — Мы постиранные. Мы так решили, Платон Сергеевич. Чего она!..

Платон Сергеевич ласково и тихо взял контролера за руку.

— Пустите, тетя Клаша. Я вас прошу...

— Ну, балуете вы их, Платон Сергеевич! Сами сказали, чтоб порядок, а сами... Чего стоите, архаровцы? Заходите, если по-человечески просят. Ну!

Наступая друг другу на пятки, архаровцы повалили в дверь.

Первый ряд, как и обещал парторг, был забронирован — то есть оставлен школьной бригаде. Исключение сделали только для деда Антония. Он сидел в кресле первого ряда и,

ожидаю начала, поглядывал на часы «Павел Буре».

Ваня сел в центре. Справа от него заняла место Марфенька, а слева — Ваня Сотник. Марфенька тоже была в комбинезоне. Только не в синем, а в зеленом. Из карманчика выглядывала белая с золотым сердечком ромашка.

Эх, Гриша Самохин! Жаль, нет тебя здесь! Словами о дожинках не расскажешь. Не знаешь, с какого бока и начать — с самого начала, с конца или со срединки. По ковровой дорожке в зал вошла тетка Василиса. Красная от смущенья, она несла на руках поднос с пышным караваем на белом полотенце. Рядышком лежала горстка спелых, убранных с последнего поля колосьев. Тетка Василиса остановилась посреди зала, тихим грудным голосом сказала:

— Поздравляю, товарищи колхозники, с дожинками! Покушуйте нового хлибца. Спасибо, риднесеньки! Спасибо вам, хлопчики, за все!

Заскрипели кресла. Колхозники один за другим подходили к тете Василисе, кланялись ей в пояс, отщипывали от каравая маленькие хрустящие корочки.

Сотник потянул Ваняту за рукав, шепнул: — Пошли, Ваня! Ты не сердись! Я ж по

дружке всегда... Хочешь, на тракторе учить буду? Ты думаешь, я просто так откололся от бригады? Я ж про трактор всю жизнь мечтал... Вставай!

Никогда не пробовал Ваня такого вкусного хлеба. Был он лучше городских плетеных калачей, лучше бубликов с маком и печатных, облитых белой глазурью пряников. Да что говорить! Даже сравнивать не с чем этот степной, собравший в себя все духовитые соки земли колхозный хлеб!

Да, всего не расскажешь, не опишешь в письме Грише Самохину — и выступлений бригадиров, и кино, и циркачей...

Марфенька тоже выступала. Пыхов Ким не зря болтал на току. Марфенька запуталась и чуть-чуть не заплакала при всей публике. Она стояла на трибуне, беззвучно шевелила губами, старалась вспомнить оборвавшуюся на самой срединке мысль.

Ваня смотрел на Марфеньку, переживал, не знал, как помочь, выручить ее в эту трудную минуту из беды. Он не утерпел, приподнял руку и замахал над головой. Глаза Марфеньки и Ваняты встретились. Вполне возможно, вспомнила она жаркий летний день, когда шли они по оврагу, и клятву, которую придумал для всех Пыхов Ким. Может, так, а может, и не так. Но Марфенька вдруг встала на цыпочки, вытянулась вся и голосом торжественным и страстным сказала:

— Мы тоже будем колхозниками!

Все захлопали Марфеньке, а духовой оркестр, который давно ждал подходящего случая, рывкнул во все свои трубы. Марфенька сбежала со сцены, села на прежнее место, рядом с Ванятой. Она долго сидела молча, покусывая спекшиеся от волнения губы. И только потом, когда с трибуны уже говорил другой бригадир, тихо, почти шепотом, спросила Ваняту:

— Ничего я выступала?

— Здорово! — сказал Ваня. — Я так не умею. Правильно тебя бригадиром выбрали.

Но самого конца дожинок ребята не увидели. После циркачей к ним подошла тетя Клаша с красной повязкой на рукаве и сказала:

— Теперь хватит. Хучь и уважаемые, а пора спать. Выметайтесь усе до одного!

Спорить с тетей Клашей и прятаться не имело смысла. От нее — это Ваня уже проверил — нигде не спрячешься, даже за сценой. Она знала в зале все тайники и безошибочно вытаскивала оттуда за шиворот безбилетников. В клубе была ее полная и неразделимая власть.

Ваня огорченно вздохнул и пошел к выходу.

У дверей его поджидала мать. Щеки матери порозовели, а морщинки на лбу разгладились, вытянулись в тонкие, почти незаметные ниточки.

— Можно мне остаться? — спросила она. — С народом немного побуду...

— Конечно, мам!

— Ну, иди, сынок! Деда Антония захвати. Видишь, дремлет...

Опустив голову, дед Антоний сидел в первом ряду. Дед утомился за долгий день, выпил перед праздником рюмку и весь вечер добросовестно проспал.

— Пойдемте, дедушка!

Дед Антоний встрепенулся, захлопал глазами.

— А? Что? Кто тут?

— Домой пойдемте, говорю!

Дед Антоний понял, наконец, в чем дело. Он вытер ладонью лицо, прогоняя остатки сна, обиженно сказал:

— Тю на тебя — и все! Я ж ишшо плясать буду. Тоже мне сказанул! Времени ишшо вон скоко!

Дед Антоний вынул из кармана часы, поболтал возле уха, как яйцо.

— Иди, иди! — сказал он Ваняте. — Я ишшо на том свете отосплюсь. Тоже выдумал!

Ваняте вышел из клуба. Луна заливала серебряным светом Козюркино. Был виден каждый листок на дереве и каждый камешек на дороге. Где-то высоко-высоко, не нарушая тишины, летел самолет. За рекой маячила строга серая фигура артиллериста Саши.

Ваняте вспоминал праздник, парторга, тетку Василису с белым караваем и девочку, похожую на гриб подберезовик. Вспоминал и улыбался, будто впервые в жизни нашел для себя что-то очень важное и большое:

— Вперед! Крепко, как штык! Навсегда!

РАДУГА

Николай Алтухов

Земля повеселевшая готова
Растить хлеба,
Расцвечивать луга,
И, как сугробы, с неба голубого
Последние уходят облака.

Пахучие дожди пролились ночью
И хоть лужайки зябкие пусты,
Но радуга
Указывает точно,
Какого цвета вырастут цветы.

НАТАЛЬЯ ГРУДИНИНА

Школьница-подросток, с которой мы очень дружны, однажды упрекнула меня:

— Хоть бы раз помогли мне написать сочинение по литературе. Вам ведь легко, а мне трудно!

Я хотела было уличить ее в лени, но, глянув на тему домашнего задания, сочла ее и впрямь трудной: «Положительный герой в русской литературе»!

О таких вопросах спорят ученые литературоведы. И никак не могут прийти к согласию: каждый человек считает положительным героем того, кому сам склонен подражать. А бороться за идеалы можно разными путями!

Я, наверное, еще долго философствовала бы, если бы школьница с ехидной улыбкой не перебила меня:

— Я вот хочу подражать настойчивым и храбрым людям. Мой положительный герой — мальчик Трилли из рассказа Куприна «Белый пудель». Его идеал — иметь собаку, а ему не позволяют. Он настойчив и храбр в достижении своей цели. Он колотит своих родственников и нянюшек. И я буду подражать ему, потому что мои положительные идеалы вызывают гнев моих родителей. Например, я хочу быть красивой, разве это плохо? Так почему же мне не разрешают хоть чуточку подкрасить глаза?..

Я поняла, что попала впросак, и поскорей закончила разговор обещанием подумать над ее сочинением.

Кто был положительным литературным героем моего собственного детства? Вспомнился Робин Гуд из народной шотландской баллады, Данко из рассказа Горького. Могла ли я им подражать? Ох, не всегда! Слишком, слишком уж они безупречны. Так почему же я любила их и люблю по сей день? Наверное, потому, что эти лишённые слабостей и недостатков образы служат нам путеводной звездой. Облака ли закроют небо, леса ли дремучие уве-

дут к болоту по криклым тропкам — ищи, ищи яркую звезду в вышине, она раньше других пробьется сквозь тучи, продерется к тебе своим светом сквозь черную ночную листву. Да, пока в памяти существуют они, люди-звезды, ты не теряешь надежды, желания быть хоть немножко сильней и лучше.

Многие герои книг казались мне потом более доступными для подражания, потому что они больше, чем Данко, напоминали живущих рядом симпатичных людей. Но этим героям можно было почему-то изменить, как изменяют подчас даже неплохим друзьям. А вот образу Данко изменить невозможно, как невозможно сменить ни на кого единственного своего, навсегда необходимого друга, какой есть у каждого из вас.

Таковыми мыслями я была занята много вечеров после разговора с моей школьницей. И, конечно, опоздала помочь ей с сочинением! Но, может быть, мои мысли пригодятся кому-нибудь другому. И чтоб не забылись эти размышления, сделала я из них стихи. Стихи-то ведь легче запомнить.

Наташа Грудина

СТИХИ

О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ ГЕРОЕ

По страницам настольных залистанных книг,
По металлу и глине земных мастерских,
По высотам прозренья и ямам вранья,
По всему, что придумали вы или я,
Возвеличен порой и оплеван порой,
Положительный ходит и ходит герой.

Он разбойником свищет в шотландских лесах,
В инквизиторском мраке горит на кострах,
С бюрократом чиновным вступает в конфликт
И юродивым пляшет под грузом вериг, —
В одиночных ли камерах, в свисте ль знамен —
Оглашен, уничтожен и вновь воскрешен.

И откуда он взялся, бессмертный герой,
 Что всегда за одну только правду горой?
 На земле не рождался такой никогда,
 Чтоб не гнули его ни порок, ни беда,
 Чтобы жил эталоном нетронутых сил,
 Чтоб бесстрашно творил и бесстрашно грозил...

Отрицательный тоже придуман герой:
 Он и зорче, и тоньше бывает порой,
 И умен, и удачлив, и нагл, и живуч,
 Он крылами трещит и взмывает до туч.
 Но раскинь-ка умом: за кого ты горой? —
 И в глазах положительный встанет герой.

Все науки земли начинают с того —
 Абсолютного нет, мол, нигде ничего.
 И, согласно наукам, привыкнуть пора,
 Что условны понятия зла и добра.
 Но с одним абсолютном со школьной скамьи
 Ненаучно мы делим надежды свои —
 Что, когда в справедливый мы ринемся бой,
 У плеча положительный встанет герой,
 Обнажит свой — не книжный — вещественный меч
 И поможет нам головы змею отсечь!

Рисунки Ю. Бочкарева

УЧЕНЫЙ — ПИОНЕР

Г. М. Кржижановский и В. И. Ленин. 1905 год.

Про него говорят и пишут, что он был пионером многих великих дел.

Я знал, что Глеб Максимилианович Кржижановский, с которым я после войны жил в одной квартире, крупный ученый-энергетик и старейший русский коммунист.

Вместе с Лениным он был членом Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Под руководством Ленина создал план ГОЭЛРО. Возглавил работу над первым в мире пятилетним планом развития народного хозяйства.

Как председатель Госплана Г. М. Кржижановский делал доклад о пятилетке на первом Всесоюзном слете пионеров в августе 1929 года. Слышал этот доклад и я.

— Вместе с академиком Кржижановским мы совершили путешествие в будущее, — рассказывали мы потом в своих пионерских отрядах...

Кржижановский работал до конца своей жизни. И после восьмидесяти лет каждый день ездил на службу в институт. Ему часто писали пионеры. Он им аккуратно отвечал. По просьбе ребят он написал книгу воспоминаний о В. И. Ленине — «Шу-шу». Его песню «Варшавянка» поют пионеры.

Я думал, что знаю про Кржижановского все, оказалось, нет.

— А ведь я, Львы-Тигры, — как всегда с шутливым прозвищем в обращении со мной, как-то встретил меня академик Кржижановский, — имею три рабочие профессии.

Обычно после моего возвращения с завода «Серп и молот» мы сидели в его кабинете, сплошь заставленном шкапами с книгами.

— Здесь все осталось в том виде, как было в период составления плана ГОЭЛРО, когда сюда наведывался Владимир Ильич, — говорил Кржижановский, энергично расхаживая по кабинету.

Когда он ходил, видно было, что он небольшого роста, худой. За столом он казался массивнее, может быть, потому, что сразу бросалось в глаза — огромный лоб, огромные глаза и густые, как усы, седые брови.

— Когда Ленин организовал в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», явку его сделали у меня в химической лаборатории Александровского завода, где я работал по окончании Технологического института, — рассказывал Глеб Максимилианович. — Я совершал все анализы сам как лаборант. Ради конспирации практикантов не приглашал. Единственным работником я устроил в лабораторию Ивана Бабушкина.

Вместе с Лениным Кржижановский был во главе Петербургского революционного подполья, сидел пятнадцать месяцев в тюрьме на Шпалерной и три года находился в сибирской ссылке.

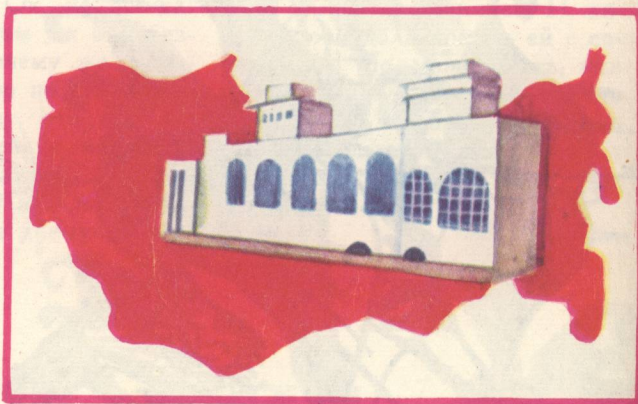

В конце ссылки политическим разрешалось работать. Инженер Кржижановский поступил на железную дорогу помощником машиниста паровоза. Кржижановский так хорошо работал, что его быстро перевели в машинисты, и даже доверили, как лучшему, вести поезд с представителем царской фамилии.

— Представьте, Львы-Тигры, если бы в семье Романова стало известно, что их по Сибири вез красный крамольник. Скандал!

... Еще до революции Кржижановский стал видным энергетиком. Его выдвинули техническим руководителем всей московской кабельной сети. Кржижановский смог вести, помимо служебной, нелегальную деятельность и принимать на работу революционеров.

— Устроил я на электростанцию рабочего Дунаева. А он возьми и затей тут забастовку и, здравствуйте-пожалуйста, во главе стачечного комитета является ко мне как к подлому эксплуататору с требованиями об улучшении условий труда. Скандал! — притворно сердясь, в действительности с удовольствием, вспоминал Кржижановский. Наедине я ругаю Дунаева: «Себя и меня губишь, явку проваливаешь!» «Понимаю, Глеб, умом понимаю, а сердцем не могу. Все равно всегда с товарищами по труду рядом буду. Пролетарская солидарность, Глеб».

— Между прочим, — продолжал Кржижановский, — муж моей сестры, инженер, принял на работу помощником электромонтера на Московскую трамвайную электростанцию М. И. Калинина. И он до ареста в 1910 году работал в Москве электриком.

Только Глеб Максимилианович успел рассказать о трех своих рабочих профессиях, в квартире погас свет.

— Деданя, мама утюг, что ты не велел, включила, — примчался наябедничать мой десятилетний сын — пионер Глеб.

— Ну-ка Глебася — наши трудовые резер-

вы, быстро стремянку тащи! Пробки будем чинить, — скомандовал академик юному тезке.

«Трудовыми резервами» Кржижановский называл своего внучатого племянника. Тот охотно готов был помогать взрослым.

Починив пробку, Кржижановский вернулся за свой старый письменный стол.

— Ну-с, а главное и любимое мое рабочее место выбрал Ленин, когда меня назначили Председателем комиссии по составлению плана ГОЭЛРО. Вот тут-то игодились три мои специальности: химика, железнодорожника и энергетика...

Л. Подвойский

ДВЕ ВСТРЕЧИ

У пионеров Закарпатья и Львова побывал писатель Геннадий Черкашин. Со слелопытами 717-й московской школы встретился журналист Борис Грищенко.

В каждой школе, в каждом пионерском коллективе ребята считают дни до самого большого пионерского праздника — пятидесятилетия пионерской организации.

Впечатлениями о своих встречах с ребятами авторы поделились в редакции журнала.

РАССКАЗЫВАЕТ ГЕННАДИЙ ЧЕРКАШИН:

— Мой путь в Закарпатье лежал через Львов. Это город старинной архитектуры и тенистых столетних парков на холмах. В центре вокруг рыночной площади много домов, построенных еще в шестнадцатом веке. Некоторые из них очень красивы — «Черная каменица», «Дом Корнякта».

Когда бродишь по узким улочкам центра, любуешься ратушей или средневековым арсеналом с каменными гербами на стене, совсем забываешь о том, что в этом городе создаются телевизоры «Электрон», портативные магнитофоны и многие измерительные приборы, велосипеды и бело-голубые львовские автобусы... Наверное, нет в нашей стране человека, который не знал бы этих автобусов. Быстрые и выносливые, они служат пассажирам и за полярным кругом, и в тайге, и на крутых горных дорогах Памира или Кавказа.

Я приехал сюда повидаться с двумя украинскими пионерами, награжденными в числе двадцати четырех лучших пионеров страны юбилейной медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». О Коле Бернаре, украинском мальчишке из Рахова, я расскажу в следующий раз. Сейчас пойдет речь о втором моем юном друге — школьнике из Львова — Игоре Лисовском.

Игорь занимается в кружке автоматики и телемеханики при Дворце пионеров. Это замечательный Дворец! После таких слов обычно идет описание Дворца, но я изменю традиции. Мне бросилось в глаза другое — толпы ребятшек, которые входят во Дворец с

утра и до позднего вечера, отчего высокое дворцовое крыльцо напоминает вход в муравейник. Возглавляет Дворец Лариса Григорьевна Свердлик — большой энтузиаст пионерского движения.

— Вы приехали ради одного Игоря, а у нас много и других отличных ребят.

Я охотно поверил. Лариса Григорьевна показала мне уникальную коллекцию народной вышивки, ее собрали девочки, объездив всю Западную Украину. Девочки осваивают эту вышивку и создают свои образцы. Сберегают народные традиции. Большое им спасибо за это!

Один вечер я провел в кружке вместе с Игорем и его друзьями. Руководитель кружка Михаил Андреевич Пикович. Благодаря его стараниям комната, отведенная для кружка, напоминает лабораторию какого-то научно-исследовательского института. Матово белеют экраны осциллографов, урчит дрель, пахнет расплавленной канифолью, и над паяльниками льется тонкий белый дымок.

— Игорь иногда мне задает вопросы, — рассказывает Михаил Андреевич, — на которые трудно ответить сразу, без подготовки. Однажды я даже впросак попал. Спрашивает у меня: «Конденсатора нужного номинала нет, можно я запараллелю несколько?» «Отчего ж не запараллелить, говорю, выходная емкость ведь та же получится». Ушел, а потом приходит снова. «Нет, говорит, так нельзя. Токи утечки возрастут, добротность ухудшится». Верно подметил, признается Михаил Андреевич, как я сам не догадался!..

Слушая Михаила Андреевича, я наблюдаю за Игорем. Вот он, невысокий, худенький, склонился над листом винипласта и размечает отверстия для латунных гнезд. Вот морщины на лбу разгладились, взял лист, идет за дрелью...

— Как-то хотели устроить отсюда телепередачу, — продолжает Михаил Андреевич, — но я не разрешил. Здесь все-таки ничего не хочется делать напоказ. Награждение медалью и для Игоря и для нас было полной неожиданностью. Не думайте, что Игорь не достоин награды. Наоборот. Он ведь как пришел пятиклассником в наш кружок, так до конца школы будет в нем. Это уж точно. Вместе с ним тогда пришло много ребят, но осталось мало... У нас надо кропотливо трудиться, книжки читать по радиотехнике, приобретать как бы вторую специальность. Вот и не выдерживают ребята... А Игорь трудолюбив и предан своему увлечению. Дома жаловались, что он поразбирал и телевизор, и радиоприемник. Его отец — слесарь, мама — намотчица на заводе электроизмерительной аппаратуры. Привыкли к вещам относиться бережно. А тут человек на глазах ломает все! Но когда увидели, что он все по-

чинил, все собрал, как было, успокоились. Я-то его хорошо понимаю: сам таким был... Тоже, бывало, хотелось все разобрать, понять тайну устройства. Разберешь на мелкие части, а потом бьешься, бьешься, а половина деталей — лишняя. Зато какая радость, когда все-таки осилишь технику, подчинишь ее себе! Самые приятные минуты. Вот он — мальчишка-пятиклассник — собрал первый в своей жизни приемник, и приемник заговорил. Память о такой минуте сохраняется долго. Может быть, на всю жизнь. Согласны?

Конечно, я был согласен. Правда, во времена моего детства редким детям была отпущена радость возиться с радиосхемами. Транзисторов тогда и в помине не было, а радиолампы, панельки к ним невозможно было достать. Электрический паяльник и тот редкостью был... Однако благородный зуд к разбирательству не покидал наши мальчишеские души, и мы разбирали то, что попадало под руку. А попадались большей частью такие небезобидные «штуки», как винтовки, пистолеты, гранаты, даже мины. Были и у меня первый разобранный мною противотанковый снаряд, и первая мина, похожая на маленькую бомбу. И были мои друзья, которые так и не испытали в жизни этой радости. Не успели испытать... Я до сих пор помню, как подбросило над танковой башней Вильку, и он летел по воздуху, пока не шлепнулся оглушенный и контуженный рядом со мной. Я тогда понял первый, что больше не увижу Пашки, который еще пять минут назад радостно кричал из этого подбитого немецкого танка, что в нем полно снарядов.

Да, многих из нас тянула к себе техника. Когда я оглядываюсь назад, то вижу, что большинство моих школьных друзей стали физиками, инженерами, а чудом оставшийся в живых Вилька даже стал специалистом по атомным котлам и двигателям.

* * *

Мы вышли на улицу уже в половине десятого. К этому времени я знал, что в седьмом классе Игорь собрал малогабаритный низкочастотный усилитель на полупроводниках. На областной выставке усилитель был премирован, вызвал серьезный интерес специалистов... Я знал, что ребята собираются в этом учебном году построить стенд вождения автомобиля, который позволит ребятам во Дворце освоить навыки шофера. Я узнал, что Игорь со своими друзьями любит играть в футбол, болеет за «Карпаты».

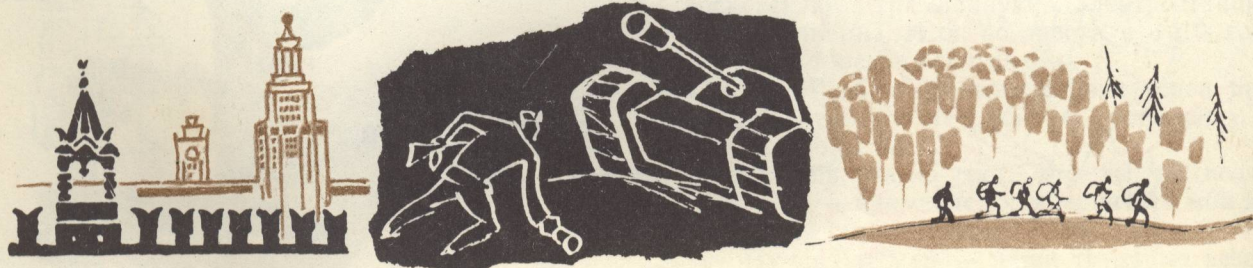
Понравился мне этот парень, серьезный, разносторонних интересов. Прощаясь с ним, я решил обязательно повидаться еще раз, как только будет возможность...

РАССКАЗЫВАЕТ БОРИС ГРИШЕНКО:

— Есть в Ленинградском районе Москвы средняя школа № 717. Историю здесь преподает Клавдия Александровна Маркова. Сейчас она — классный руководитель четвертого «б», того самого, который недавно выступил в свой первый тренировочный поход.

Первый в жизни поход по настоящему лесу! Не прогулка, а именно поход — с заданием, с картой, компасом, командиром.

Уже не раз многие старшеклассники, надев тяжелые башмаки, взяв в рюкзаки только самое необходимое,

шли вслед за своей учительницей то тропками бесконечных белорусских лесов, то проселками Воронежской области, то рощами Подмоскovie. Они повторяли маршруты прославленных партизанских отрядов, чьи рейды в годы Великой Отечественной войны наносили огромный урон фашистам.

В военном 1942 году комсомолка Клавдия Маркова была послана со специальным заданием во вражеский тыл. Далеко за линией фронта вместе с отрядом народных мстителей подрывала она железнодорожные мосты, пускала под откос гитлеровские эшелоны, устанавливала связь с подпольными комсомольскими группами.

Немало лет прошло, и вот московская учительница Клавдия Александровна Маркова вновь посетила места своей боевой юности. В белорусском селе Железница она встретилась с Анной Иосифовной Рыбчинской, «партизанской мамой», как ее называли когда-то бойцы. В доме Анны Иосифовны прятали раненых, сюда заходили отдохнуть, возвращаясь из разведки, из дальних рейдов.

Долгие часы вспоминали партизанки о боевых друзьях, живущих сейчас в разных городах, и о тех, кто не дождался победы. Прощаясь, Анна Иосифовна сказала:

— Ты, доченька, теперь детей учишь, так пусть они растут такими же отважными, как наши боевые товарищи и пусть помнят о героях, которые отдали жизнь за Родину. Помнят о каждом из них!..

Эти слова старенькой «партизанской мамы» запали в душу Клавдии Александровны, возникла мысль: летом пройти походом по партизанским тропам, восстановить маршруты дерзких рейдов соединения, в рядах которого она когда-то сражалась.

В Москве Клавдия Александровна поговорила со старшеклассниками, и ее предложение встретили с энтузиазмом. Всю зиму ребята собирали старые фотографии и документы, учились пользоваться компасом и картой, приводили в порядок снаряжение.

Так это начиналось.

Теперь уже более трех тысяч километров пройдено юными москвичами по дорогам Смоленщины и Белоруссии. Зеленые куртки с эмблемой из двух букв «ПТ» («партизанские тропы») видели в лесных деревушках и в сельских школах, в музеях и на колхозных полях — везде, где пролегали трассы летних походов.

Отряды шли и под руководством Клавдии Александровны, и под командой прославленных партизанских командиров, которые вызвались помочь московским ребятам найти потаенные тропы.

Один отряд следовал за Георгием Антоновичем Храмовичем, его имя в годы войны наводило ужас на фашистских оккупантов в Могилевской области. Вместе с московскими школьниками в рейд отправились ученики одной местной школы. Ребята, конечно, подружись, дружба эта связывает сейчас и их товарищей.

...Шел отряд, горели костры на бывших партизанских привалах. В непроходимой чаще находили юные сле-

допыты и пробитую каску со звездой, и патронные гильзы, и полевые солдатские сумки. Эти реликвии стали экспонатами школьного музея 717-й школы.

Далеко от больших дорог останавливались следопыты, чтобы привести в порядок братские могилы героев, перечитать имена героев, вспомнить о подвигах, которые совершены во славу Родины. Во время одной такой остановки устроили комсомольское собрание. Принимали в комсомол Сашу Хлопина. Рекомендацию Саше дал бывший партизан, чей отряд сражался в этих местах...

Протокол писали на полевой сумке, словно настоящие партизаны. После собрания ребята поклялись быть достойными памяти героев. Эта клятва, произнесенная в самом сердце легендарного партизанского края, останется в памяти каждого участника похода и, конечно, ее запомнил студент авиационного института Александр Хлопин.

Еще через несколько дней отряд встал в почетный караул у памятника на могиле партизана Ивана Шatroва, — он погиб в неравном бою с гитлеровцами. Это был веселый, храбрый, замечательный парень — он очень любил жизнь, и еще больше — свой край, свою Родину.

На открытие памятника, который заложили юные следопыты, собрались тысячи людей из окрестных сел. Люди шли и шли молчаливой чередой, а у подножия памятника оставались полевые цветы. Пылали в вечернем небе партизанские факелы...

О походах по местам боевой славы в школе сложены настоящие легенды. Новичкам рассказывают о трудных десантах, когда весь отряд выходил на колхозные поля, о своих концертах в сельских клубах, о встречах с героями Великой Отечественной войны.

Каждую осень в школьном музее собираются ветераны — участники первых походов. Давно они расстались с родной школой, но приезжают специально на эти встречи с далеких строев, из геологических экспедиций, с заводов, из институтских лабораторий. И когда эти взрослые дяди и тети шествуют по школе в поношенные зеленые куртки с эмблемой «ПТ», ребята смотрят на них с завистью и восхищением.

Подготовка к рейду по партизанским тропам — дело серьезное. На это уходит года два-три. А пока — тренировки в подмосковных рощах, переправы по скользкому бревну через неширокие речки, бег по пересеченной местности, ориентирование. Здесь учатся дисциплине, взаимовыручке, постигают законы товарищества.

Бойцы будущего отряда тщательно изучают историю края, в который они отправятся, завязывают дружбу с местными ребятами, с ветеранами партизанских боев. И однажды летним утром во дворе московской школы № 717 раздадутся протяжные звуки горна, четкая дробь барабана, полыхнут, словно пламя, вымпелы. Новый отряд выступит в поход дорогами великого народного подвига.

Рисунки А. Януса

Единственный в ы с т р е л

РАССКАЗ

Валентин Тарас

Рисунки Н. Кустова

Вацлаву было девять лет, когда он ушел в партизаны. Правда, не один, а с мамой. Его мама сперва была подпольщицей, служила по заданию подполья в Минской городской управе, которую создали фашисты, и доставала для подпольной организации различные документы: паспортные бланки, справки, ночные пропуска, или, как их называли, аусвайсы.

Долго она водила фашистов за нос, но в декабре сорок третьего года гестаповские шпики что-то пронюхали, она заметила за собой постоянную слежку, над ней нависла угроза ареста. И тогда руководители подполья решили переправить ее в партизанский отряд — вместе с Вацлавом.

Отряд этот базировался в Налибокской пуще, на острове, расположенном среди заснеженной трясины. Кругом были топи, зыбун, коварное торфяное болото, даже зимой оно не везде промерзло — в иных местах партизанские лошади проваливались в него по брюхо.

Поперек острова тянулся бугор, поросший соснами и елями, и на том бугре вырыты были партизанские землянки. В одной из таких землянок и стали жить Вацлав с мамой. Понятно, не вдвоем, в землянке размещался целый взвод — сорок восемь бойцов.

Вдоль стен землянки, справа и слева, тянулись нары, усталые еловыми лапками, а посерединке стояла глиняная печка-мазанка. Место на нарах Вацлаву отвели рядом с мамой, в самом углу, и отгородили его ширмой из одеял. Но Вацлаву чаще всего приходилось ночевать одному, а днем сидеть у печки, дрова в нее подбрасывать, следить, чтобы хорошо сохли развешенные на веревках портянки — партизанам надо переобуться, когда они вернутся с задания.

А на задания взвод уходил чуть ли не каждую ночь: то в засаду, то на железную дорогу — рельсы рушить, то охранять партизанский аэродром. И мама вместе со всеми ходила. Она теперь была одета в стеганые ватные штаны и телогрейку, носила тяжелые кирзовые сапоги и шапку-ушанку с алой ленточкой. А на груди у нее висел автомат.

Ушанка с алой ленточкой у Вацлава тоже была, и сапоги ему пошили в партизанской мастерской, и ладный кожаный сапожок справили, и брюки-галифе перешили из трофейных немецких. Так что выглядел он заправским партизаном, только вот оружия у него не было. Не выдали.

Но пришел апрель, выглянула на партизанском острове молодая травка, зарозовели сережки краснотала, выползли на трухлявые пни рыжие муравьи. Без устали чирикали желто-зеленые чижи, хохлатые синички тенькали,

замелькали в соснах красные шапочки желны. Небо над пущей удивительно голубое, чистое, макушки сосен покачивались в этой безмятежной голубизне спокойно и задумчиво, — могло показаться, что нет никакой войны, никаких фашистов. Но вдруг появлялся над островом фашистский самолет-разведчик, опускался почти до самых макушек сосен — искал партизанский лагерь. Где-то далеко-далеко шумел, как ливень в густой листве, эшелон, протяжное лесное эхо доносило звук далекого выстрела, тяжело ухали взрывы, как будто вздыхало какое-то чудовище. Вдыхала война...

В один из таких обычных дней в землянку, где жил Вацлав, зашел адъютант командира отряда.

— Партизан Санько, — сказал он строго, без улыбки, — вас просят зайти в штаб!

Вацлав проворно вскочил с березового чурбака, на котором сидел возле печки и мастерила ивовый свисток, одернул на себе домотканую деревенскую свитку, поправил на голове картуз, — с приходом тепла пришлось расстаться с кожаным и ушанкой, — шмыгнул носом.

— Есть зайти в штаб!

В штабной землянке было светло и уютно. Стены и потолок были забраны парашютным шелком, на полу лежала шкура бурого медведя, слева от входа стояли два топчана, покрытые домоткаными дерюжками, справа — широкая дубовая скамья. На скамье сидела мама Вацлава и улыбалась. Она очень весело улыбалась и ласково поглаживала ствол лежащего у нее на коленях автомата, так ласково, словно это был не автомат, а котенок. Но Вацлав сделал вид, что не замечает мамы. Он четко подошел к дощатому столу, за которым сидел командир отряда, взял под козырек и доложил:

— Товарищ командир отряда, партизан Вацлав Санько по вашему приказанию явился!

Командир привстал, через стол протянул Вацлаву руку.

— Здравствуй, Вацлав. Садись.

Вацлав сел на стоявший рядом самодельный табурет, и командир тоже сел, положил на стол большие крестьянские руки, улыбнулся.

— Ну, что, Вацлав, надоело тебе по лагерю без дела слоняться?

Вацлав вздохнул и промолчал. Он смотрел на командира, на его медаль «XX лет РККА» — серебряный кружочек на выцветшей гимнастерке — и шурился от солнца, — оконце землянки в торцовой стене, над голо-

вой командира, слепило, как зеркальце. Поэтому Вацлав не сразу разглядел, что на столе перед командиром лежит карабин, маленький, словно игрушечный, с полированной, красного дерева, ложей и никелированным затвором. И еще лежала на столе сумочка из сыромятной кожи, продолговатая такая сумочка с длинным, тоже сыромятным ремешком, чтобы вешать ее через плечо, — в сумочке, видно, были патроны.

Но вот оконце перестало слепить глаза, должно быть, солнце за тучку зашло, и Вацлав увидел и карабин, и сумочку. Сердце у него екнуло от радостного предчувствия, он даже вспотел весь, но виду не подал, только картуз снял и сжал его в кулаке. А командир продолжал:

— Так вот, Вацлав! Хватит тебе даром партизанский хлеб есть, пора принимать на себя боевые обязанности. Ты какмотришь на это дело?

Вацлав покраснел от радости. Он решил, что и его теперь на задания посылать будут, что и он в разведку станет ходить, как Микола Букрей из второго взвода. Он давно завидовал этому Букрею: всего на четыре года старше, а и в разведку ходит, и карабин у него есть, и пистолет — трофейный немецкий парабеллум в черной треугольной кобуре.

Командир словно угадал мысли Вацлава, посмотрел на него с лукавым прищуром, положил руку на карабин.

— А задание тебе такое — пасти коров! Они скоро придут в отряд, может, сегодня. Понимаешь, госпиталю нашей бригады требуется молоко для раненых, а держать коров в нашем отряде удобней всего — остров у нас большой, травы хватает. Ну, а поскольку мы доверяем тебе такое важное дело, то решено доверить тебе и оружие. Ты чего голову опустил, не рад, что ли?

Командир поднялся, взял карабин и вышел из-за стола, подошел к Вацлаву и торжественно сказал:

— Партизан Санько, вручаю вам боевое оружие!

Вацлав растерянно встал с табурета, так же растерянно взял карабин обеими руками, а произнести ничего не может — руки дрожат и губы прыгают. А командир взял со стола сумочку с патронами и повесил ее Вацлаву через плечо.

— Вот теперь ты настоящий чапаенок! Настоящий боец отряда имени Чапаева! Как вы считаете, Антонина Васильевна?

— Да уж герой, — с улыбкой сказала мама Вацлава, поднялась со скамьи, закинула за плечо свой автомат и подошла к сыну. — Прямо Аника-воин!

Она привлекла Вацлава к себе, прижала его голову к груди, но он недовольно высвободился, обиженно засопел. Мама смотрела на него смеющимися глазами, и ямочки образовались у нее на щеках от улыбки, но вдруг глаза ее посерьезнели, какая-то тревога мелькнула в них.

— Только ты осторожно с оружием, — озабоченно попросила она. — Это ведь не игрушка.

— Понятное дело, — сказал командир и положил руку Вацлаву на плечо. — Ты ведь не маленький, понимаешь, как нужно обращаться с оружием?

— Понимаю, — тихо сказал Вацлав и прижал к себе карабин, как обнял.

— А то Антонина Васильевна была против, — признался командир. — Но я ее убедил. Раз, говорю, дают человеку боевое задание, значит, и оружие ему положено. Вдруг из кустов фашист какой-нибудь выползет, корову украть захочет — тут ты его и на мушку!

Командир подмигнул Вацлаву, и лицо у него сделалось озорным, мальчишечьим, веснушки смешно собрались на кончике носа, в глазах запрыгали веселые чертики. Он пожал Вацлаву плечо.

— Вот так, чапаенок!

Конечно же, Вацлав был несказанно рад карабину. Это был прекрасный бельгийский карабин, легкий и вместе с тем весомый — сразу чувствовалось, что это не игрушка, а настоящее оружие. Только патронов к нему было мало — всего восемь штук, полторы обоймы. Пять в магазинной коробке и три в сумочке, запасные. Но Вацлав не потому огорчился, что патронов мало. Ему, по правде говоря, задание не очень нравилось. Даже, пожалуй, совсем не нравилось. Он боялся, что Микола Букрей из второго взвода станет над ним посмеиваться: разве ж это партизанское дело — коров пасти?!

Коров же, действительно, в тот самый день пригнали в лагерь. Девять голов, и все рога-тые!

Гнали их издалека, по гатям через непролазные топи. Коровы были измучены, ноги их были облеплены зеленой болотной тиной, и хвосты были зелеными от тины, и брюхо у каждой коровы было в грязи, и вымя. Они тоскливо тыкались мордами в редкую траву под соснами, надрывно мычали.

У Вацлава, когда он их впервые увидел, даже под ложечкой засосало от неуверенности и страха: как их пасти? Он ведь городской мальчик и до войны коров видел больше на картинах или из окна поезда, — как тут не оробеть?

Трудно пришлось Вацлаву на первых порах. Коровы словно понимали, что он горожанин,

что пастух из него пока никудышный, и совсем его не боялись. Это он их побаивался.

Казалось бы, простое дело — коров пасти, ан нет, совсем не простое, да еще на партизанском острове. У каждой рогули свой норов, за каждой надо в оба глядеть, чтобы в трясину не забралась — спасай ее тогда! А еще за небом наблюдать надо, прислушиваться, не летит ли фашистский разведчик. Как только доносится звук мотора, приходится стремглав загонять коров в густой сосняк. Но вражеский самолет чаще всего бесшумно появлялся, с выключенным мотором, и Вацлав старался не выпускать коров из сосняка, хотя в сосняке им несподручно пастись, да и травы там мало-вато.

Так прошел апрель, наступил май, теплый, с грозами. Все реже и реже появлялся над партизанским островом вражеский самолет-разведчик, все чаще проносились над пушей советские самолеты, шли бомбить фашистские тылы, и коровы теперь в открытую ходили по острову, не жались в сосняке, и стали они теперь сытыми, гладкими, бока у них лоснились, головы они поворачивали важно, и вымя у каждой чуть ли не по земле волочилось.

Вацлав к тому времени самым настоящим пастушком заделался и никто над ним не смеялся — ни Микола Букрей из второго взвода, ни кто-либо другой. Коров же Вацлав даже полюбил, каждой кличку придумал — Лысуха, Пеструха, Буренка, Малина, — каждой. И они привыкли к нему, признали его власть над собой, вели себя послушно. Молока они давали много, каждый вечер Вацлав помогал бойцам из хозяйственного взвода грузить на подводы молочные бидоны для госпиталя партизанской бригады, и доить он тоже помогал, и траву косить научился, чтобы на ночь коровам корму в загон подбрасывать. Словом, все шло славно.

Лишь одно портило Вацлаву настроение: такой у него был замечательный карабин, а выстрелить из него причины не было. Стрелять просто так, ради забавы, в расположении лагеря категорически запрещалось, выстрел — это тревога, а за ложную тревогу полагалось суровое взыскание. Так что Вацлав мог только играть своим карабином, как будто он и впрямь игрушечный, а не настоящий.

Коровы паслись, а Вацлав залегал за сосной, целился в макушки сосен, в поваленные стволы старых елей и стрелял так: пах! бах! пах! бах! бах!

Выпустит воображаемую обойму и, пригнувшись, как под огнем, перебегают от сосны к сосне — атакует. Только эти свои бои он начинал, когда никого поблизости не было, особенно Миколы Букрея из второго взвода. Вот тут уж он пристыдил бы Вацлава: партизан, при

оружии, а в войну играет, как будто ему настоящей войны мало, как будто не схоронили недавно троих разведчиков отряда, убитых в бою под Ивенцом... Поэтому Вацлав и старался, чтобы никто не видел, как он воюет.

После «боя» Вацлав чистил шомполом ствол карабина, вынимал из магазинной коробки обойму и три запасных патрона из сумочки, протирал патроны полдой свитки, выстраивал их на пеньке, как оловянных солдатиков — восемь тупоносых пуль, восемь чьих-то смертей тускло отсвечивали латунным покрытием...

А еще Вацлав учился: каждый день листал книжку, которую мама раздобыла невесть где — «Мертвые души» Н. В. Гоголя. Книжка эта показалась Вацлаву скучной, все про каких-то помещиков, и ни слова про войну, но мама говорила, что Вацлав просто не дорос еще до этой книжки, что он еще маленький, а когда вырастет, поймет, что «Мертвые души» — великое произведение русской классической литературы. И еще она говорила, что в данном случае это не просто книжка, а учебник, по которому Вацлав должен изучать русский язык, и время от времени устраивала ему экзамен на разбор предложений и по устному, — по устному он должен был читать наизусть отрывки, с выражением.

— Мы с тобой далеко вперед забежали, — говорила мама, — в старшие классы, «Мертвые души» только в восьмом проходят, но ничего — на войне как на войне, месяц за год можно считать. А ну, читай отрывок про «птицу-тройку»!

И Вацлав читал про «птицу-тройку»: «Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах?» Это место ему нравилось, потому что напоминало о его мечте промчатся на лихом коне вместе с разведчиками отряда, чьи кони тоже «заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху...» И хотя кони у партизанских разведчиков были самыми обыкновенными крестьянскими лошадками, Вацлаву казалось, что это про них написано у Н. В. Гоголя...

Но вдруг все кончилось: и пастушество, и заготовки травы, и «бои» среди тихих сосен, и не пришлось больше в сотый раз читать отрывок про «птицу-тройку». Началась блокада, последняя карательная операция, которую фашисты предприняли против партизан Налибокской пуши. Гитлеровская армия отступала, и для того, чтобы обезопасить на путях отступления свои тылы, фашистское командование бросило на пушу несколько эсэсовских дивизий. Ведь партизаны Налибоки контролировали все переправы через реки, все проселочные дороги и мосты.

Целых три дня сдерживали партизаны натиск эсэсовцев, но боеприпасов у партизан было мало, и пришлось отойти в глубь пуши, в непроходимые болота, в глухие чащобы. Покинул свою базу на острове и отряд, в котором находился Вацлав. А коров... Коров пришлось зарезать...

Вацлаву не сказали, что их зарежут, но он догадался об этом сам, и впервые за все время своего партизанства заплакал...

Шли по топким кустарникам, гатили перед собой зыбкий травянистый покров трясины, кинжалами и тесаками срубали чахлые осинки, тоненькие, бледные березки, прутья лозы. Но гать эта была ненадежной, идти по ней было трудно и опасно, Вацлав быстро выбился из сил, да еще потерял в трясине правый сапог. Тогда бойцы сплели из лозы носилки, похожие на гамак, усадили в него Вацлава и понесли. Иногда к носилкам подходила мама, быстро прижималась к Вацлаву щекой, целовала сухими шершавыми губами и тотчас уходила вперед на тропу, чтобы не мешать бойцам нести носилки. По лесу, как шум поезда, катилось эхо стрельбы, далекой, но все равно страшной. Казалось, что стреляют со всех сторон, и еще казалось Вацлаву, что где-то все время мычат коровы протяжно и глухо...

Только пятого июля сорок четвертого года отряд вышел из лесов.

А потом была пропахшая гарью дорога на Минск, и грязно-серые колонны пленных фашистов вдоль обочин, и пышущие жаром раскаленной брони советские танки с деревцами на башнях, для маскировки, и вереницы беженцев, которые возвращались из окрестных сел в родной город. И был потом парад белорусских партизан в освобожденном Минске, и Вацлав прошел у трибун вместе со всеми, и на трибунах засмеялись, зааплодировали как раз в ту минуту, когда он маршировал мимо них в строю своего взвода, размахивая руками и всем телом чувствуя на плече приятную тяжесть своего карабина.

В тот же день, после парада, отряд построили на широком пустыре, поставили перед строем высокий снарядный ящик. За ним, как на трибуне, стояли рядышком командир отряда, комиссар и начальник штаба. На ящике белел большой картонный короб и лежала стопа каких-то бумажек. Командир отряда скомандовал «смирно», комиссар взял первую бумажку и прочитал громко:

— Партизан Демидов Андрей Степанович!

Из строя вышел пожилой дяденька с трехлинейной винтовкой и подошел к снарядному ящику. Комиссар вынул из короба маленькую коробочку и сказал:

— Вручаю вам медаль «Партизану Отечественной войны» первой степени!

Партизан взял коробочку и бумажку, повернулся лицом к отряду:

— Служу Советскому Союзу!

Многих партизан вызывал комиссар и вручал им партизанские медали. Вот и Миколу Букрея вызвали, и маму Вацлава. А Вацлав и радовался и чуть не плакал. Радовался за маму, которую наградили медалью первой степени, а самому завидно было. Ему, конечно, медали не дадут, что он такого совершил? В разведку не ходил, как Микола Букрей, даже не выстрелил ни разу... Коров пас...

Но тут комиссар сказал:

— Партизан Санько Вацлав Иванович!

Вацлав и не шевельнулся, стоял, опустив голову, ковырял носком сапога землю. Забыл от огорчения, что нужно стоять по стойке «смирно».

А комиссар опять:

— Санько Вацлав Иванович!

Услышал наконец Вацлав, что это его вызывают, задохнулся от волнения, уши у него загорелись, и он не вышел, а рванулся из строя, как на пожар. Схватил коробочку и бумажку, которые вручил ему комиссар, да как закричит петушиным голосом:

— Служу Советскому Союзу!

Он даже дрожал от радости, когда в строй вернулся. И хотя команды «вольно» еще не было, так и впился глазами в бумажку, несколько раз прочитал, что в ней написано. А написано было в ней вот что:

ВРЕМЕННОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего товарищ Санько Вацлав Иванович приказом Белорусского штаба партизанского движения за доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков, награжден медалью «Партизану Отечественной войны» второй степени.

После вручения наград комиссар отряда поздравил награжденных бойцов, сказал, что все они честно выполняли свой долг перед Родиной, что их мужество и доблесть будет служить примером для грядущих поколений. И еще он сказал, что ему особенно радостно поздравить самых юных партизан отряда — Миколу Букрея и Вацлава Санько, разведчика и пастушка, и что хотя Вацлав Санько совсем еще мал, в боях не участвовал, все равно он по праву может считаться героем Великой Отечественной войны.

Так сказал комиссар, и все трижды прокричали «ура», а когда оно смолкло, командир отряда огласил последний приказ: отряд рас-

формируется, и оружие надлежит сдать. Потом его рассортируют, трофейное пойдет в переплав, самодельные пистолеты, гранаты, обрезы будут сохранены для истории. Винтовки, карабины складывать в одном месте, советские отдельно от трофейных, автоматы отдельно, боеприпасы отдельно.

И стали расти на пустыре груды оружия, а командир отряда стоял за тем же снаряженным ящиком и отмечал по списку, кто что сдает. Он был занят своим, сосредоточен и не сразу понял, чего хочет от него Вацлав. А Вацлав смотрел на командира умоляющими глазами и прижимал к груди свой карабин.

— Один разик, товарищ командир отряда! Разрешите, пожалуйста!

Командир взял у Вацлава карабин, клацнул затвором и прицелился в небо. И — щелк! — раздалось вместо выстрела.

Командир озадаченно повернул затвор, осмотрел его, виновато глянул на Вацлава.

— Мд-а!.. У него, оказывается, боек сбит. Видно, тот фашист, у которого мы его отобрали, успел испортить. А мы и не заметили... Вот ведь какая незадача, а?

Вацлав только моргал в растерянности, ему и в голову не приходило, что командир сказал неправду, что он тогда, в апреле, когда Вацлава пастушком назначили, сознательно выдал ему неисправный карабин, чтобы Вацлав не бахнул невзначай, не убил бы сам себя. Со всем ведь мальчонка все же!..

— Что разрешить? — недоуменно уставился на Вацлава командир. — Ты чего хочешь?

— Выстрелить, — тихо сказал Вацлав. — Один разик...

— Выстрелить? — удивился командир. — Ах, да, выстрелить!

Он положил карандаш на список, сделал знак стоявшим в очереди бойцам, чтобы повременили со сдачей, вышел из-за снаряженного ящика.

— Гм, выстрелить!.. Выстрелить, конечно, можно. Только сначала надо проверить, в каком состоянии твой карабин. Давай-ка его сюда!

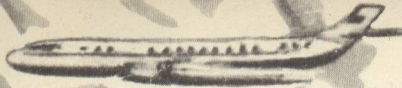
— Ну, а выстрелить ты все-таки можешь! — весело улыбнулся командир. — Из маузера!

Он вынул из деревянной колодки маузер, левой рукой обнял Вацлава за плечи, правой вложил ему рукоятку маузера в руку, согнул ее в локте, чтобы дуло кверху было поднято.

— Ну, стреляй!

Вацлав зажмурился и нажал на спуск. Гулко ударил выстрел, отдача толкнула в руку, в ушах зазвенело. Он открыл глаза, посмотрел на небо — в знойной июльской синеве медленно плыли кучевые облака и кувыркались голуби.

Для Вацлава война кончилась.

Взгляните на серебряный кувшин. Тонкая резьба и красивый орнамент напоминают кружево.

Изготовили кувшин кубачинские мастера-чеканщики. В старину в далеком горном ауле Кубачи чеканили сабли и кинжалы, украшали замысловатыми узорами ружья и пистолеты.

Много веков историю этого края писали сабли и кинжалы. Его горные вершины и ущелья — свидетели бесчисленных сражений.

Страна гор — так переводится на русский язык название этой автономной республики.

Край искусных мастеров, отважных воинов и талантливых певцов, ловких канатоходцев и лихих танцоров, Дагестан... А народности такой — дагестанцы — нет.

Есть около сорока народностей — аварцы и даргинцы, лезгины и кумыки, лаки и цахуры и многие другие.

В разные времена люди искали разные сравнения и образы, чтобы выразить в них свое представление об этой стране.

Один поэт сравнил народы Дагестана с горными ручьями, которые все время стремятся слиться в один поток, но никак не могут соединиться и текут каждый сам по себе.

Другой поэт сказал так: бедняк бросает свой ветхий тулуп в темный угол, так и Дагестан скомкан и брошен в ущелье гор.

Прошли годы, и ручьи слились в один поток, и этот поток преобразил землю...

Вы видели в цирке выступление канатоходцев из аула Цовкра? Знайте — это дагестанцы.

Дагестанская АССР расположена в северо-восточной части Кавказа, между главным Кавказским хребтом и Каспийским морем.

По площади — чуть меньше Дании: 38,2 тысячи квадратных километров.

Население республики составляет 1 миллион 152 тысячи человек, и говорит оно на 40 разных языках.

Столица республики — город Махачкала — расположена на берегу Каспия. Горы словно расступились и пропустили город поближе к воде, к зеленоватым волнам.

До революции город назывался Петровск-Порт. Позже его переименовали. Новое название знакомо всем — Махачкала.

Кала — в переводе на русский означает бастион, крепость. А первая половина названия — Махач — имя выдающегося дагестанского революционера.

Махач — Магомед Али Дахадаев — прошел через царские тюрьмы и ссылки. Впервые он был арестован еще в 1905 году, студентом Петербургского Института инженеров путей сообщения.

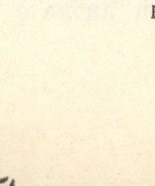
В 1918 году легендарный Махач стал членом областного Военно-Революционного Комитета и военным комиссаром Дагестана. В том же году комиссар Махач был зверски убит белобандитами...

Вам знакомы стихи Расула Гамзатова (вот он на снимке) и музыка Мурада Кажлаева? Они тоже дагестанцы.

А красивые трости и палки с замысловатыми ручками и узорами из серебряных нитей? Их изготовили в Дагестане, в ауле Унцукуль.

В ауле Кубачи чеканят кружево из серебра. Славятся своими изделиями балхарские гончары...

Славен Советский Дагестан, край искусных мастеров, страна гор.

Евгений
Рейн

(К 90-летию со дня рождения К. И. Чуковского)

Я, как все ребята нашей страны, читал сказки Чуковского чуть ли не с шести лет, а до этого мне их читали мама и бабушка. У нас в квартире был даже старинный мраморный умывальник с кувшином и тазом, который назывался «Мойдодыр», и я был уверен, что именно этот умывальник описал Корней Иванович.

Когда я подрос немного, то прочел повесть «Серебряный герб», потом замечательную книгу уже не для детей, а про детей, «От двух до пяти», потом, уже студентом, я прочел его книгу о Некрасове и воспоминания, собранные в толстый том «Современники». Мало того — оказалось, что многие другие книги, книги, которые следуют за нами от раннего детства до самых преклонных лет — сказки Киплинга, приключения Робинзона Крузо, «Приключения барона Мюнхгаузена», и Том Сойер, и Гекльберри Финн, и многие другие, появились на русском языке в переводе Корнея Ивановича.

Вот как много сделал этот человек за свою долгую жизнь.

... Однажды прекрасным солнечным синим и зеленым летним днем выпала на мою долю большая радость. Я познакомился с Корнеем Ивановичем Чуковским.

Я приехал в подмосковный поселок Переделкино. Приехал для того, чтобы посоветоваться с Корнеем Ивановичем о съемках кинофильма, в котором он должен был играть самого себя. Теперь этот фильм поставлен, а Корнея Ивановича уже нет. Он умер 28 октября 1969 года...

Но тогда, июльским днем 1968 года Чуковский показался мне чуть ли не самым веселым, здоровым и бодрым человеком. Больше всего он походил на доброго великана из им же самим сочиненной сказки.

Чуковский поднял голову от рукописи. И хотя он приветливо улыбнулся, по лицу было вид-

но, как не хочется ему отрываться от интересной работы. Но делать было нечего, папка с рукописью захлопнулась, и мы заговорили о будущем фильме. А минут через десять Корней Иванович завалил меня таким количеством вопросов, идей, предложений, что я стал их записывать на полях киносценария, чтобы не забыть какое-нибудь.

После этого я стал наезжать в Переделкино со всякими своими вопросами и заботами о будущем фильме. И чего я только не услышал и не увидел в кабинете Чуковского!

В двухэтажном деревянном доме, на краю соснового лесочка, Корней Иванович прожил тридцать два года. Последние несколько лет он из Переделкина вообще никуда не выезжал.

Тысячи дней подряд, ровно в шесть часов утра зажигалось окно в доме Корнея Ивановича. До десяти часов он работал, потом полагался перерыв на завтрак и короткий отдых. И снова работа до трех часов дня. После трех приезжали друзья и знакомые Корнея Ивановича, молодые и немолодые писатели, специалисты-литературоведы из Москвы и далеких городов, а часто и гости из других стран.

Они слушали Корнея Ивановича, удивлялись его словам, смеялись его шуткам и с неугасимым интересом осматривали дом. Ведь дом всегда похож на своего хозяина. А в комнатах Корнея Ивановича, особенно в его кабинете, каждая вещь могла бы рассказать чудесную историю. Совсем как вещи в сказках великого сказочника Андерсена, которого Чуковский любил и читал всю жизнь.

Перед окном в кабинете Корнея Ивановича стоял большой и удобный письменный стол. На нем в идеальном порядке было разложено все необходимое. Казалось бы, ничего лишнего — все для работы. Но на левом краю стола стояло

чудо-дерево. Да-да, то самое чудо-дерево, о котором Чуковский писал:

... Чудо, чудо, чудо, чудо
Расчудесное!
Не листочки на нем,
Не цветочки на нем,
А чулки да башмаки,
Словно яблоки!

Дерево это смастерили ребята, московские школьники, и подарили дедушке Чуковскому.

Игрушечный говорящий лев приехал из Америки. Головной убор из настоящих орлиных перьев — Корней Иванович очень любил надевать его — тоже американский, его сделали индейцы из племени черноногих.

Вот японский паровоз, который самостоятельно ездит по паркету, на столе — японские куклы, а на стене прижилась большущая японская рыба. К люстре подвешены журавлики, склеенные из бумаги руками японских ребятшек.

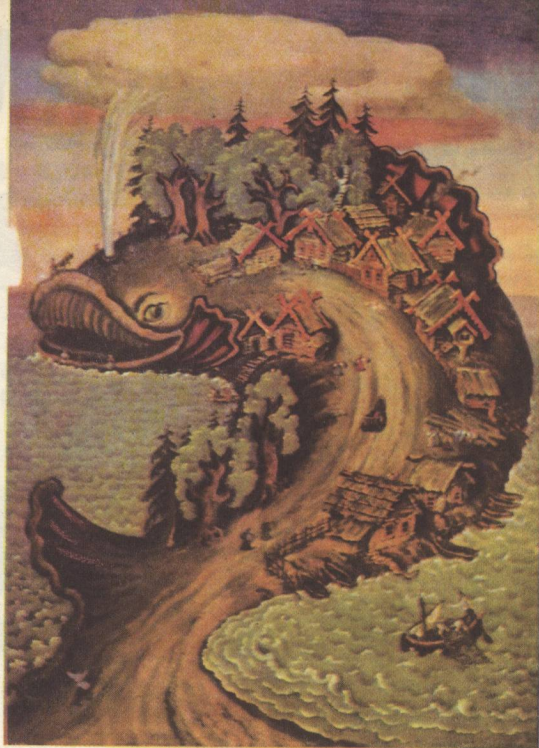
А вот крокодилы, — как и полагается крокодилам, они прибыли из Африки.

На книжной полке сидит, свесив ножки, Шалтай-Болтай. Тот самый, что «сидел на стене и свалился во сне». Он англичанин.

Возле стены диван, накрытый пестрым шотландским пледом. А у изголовья дивана маленький столик, на котором Корней Иванович раскладывал книги, если ему нездоровилось.

Но самое главное, самое почетное место занимали в доме Корнея Ивановича книги. Они разместились на полках, в шкафах, на столах и даже над диваном — тут и полные собрания классиков, и старые комплекты журналов, ученые исследования, и детские книги со всех концов света, пестрые, с разноцветными рисунками, крупными буквами, яркими заголовками.

Прямо под окнами Корнея Ивановича — пе-

ределкинские сосны, в сумерках они казались настоящим лесом, но днем сквозь них просвечивали соседние дачи. Один дом стоит совсем рядом. В нем помещается детская библиотека.

Этот дом и все, необходимое для библиотеки, подарил переделкинским ребятам Корней Иванович. Он попросил своих друзей — детских писателей — присылать в эту библиотеку все свои новые книжки, а знакомых художников — рисунки и картины. В одной комнате знаменитые сказочные звери Юрия Васнецова, а рядом картина «Чудо-юдо рыба Кит», ее нарисовал замечательный художник, иллюстратор чуть ли не всех книг Чуковского Владимир Конашевич.

Когда библиотека еще не была построена, Корней Иванович в одной комнате поставил шкаф с детскими книгами. Переделкинские ребята могли приходить в гости к этому «многоуважаемому» шкафу и к дедушке Чуковскому. Здесь они выбирали книги и уносили их домой, и, случалось, эти мальчики и девочки слышали, как сам дедушка Корней рассказывал:

Муха по полю пошла:
Муха денежку нашла...

Или

Вдруг из маминой из спальни,
Кривоногий и хромой,
Выбегает умывальник
И качает головой.

Или задавал интересные загадки, тут же подсказывал, как их отгадать:

Два коня у меня, два коня.
По воде они возят меня.
А вода тверда, словно каменная!

Корней Иванович так проводил ногой по паркету, что сразу становилось ясно: кони — это коньки, а «вода тверда» — это лед.

Но особенная, ни с чем не сравнимая радость охватывала переделкинских ребят, когда они узнавали, что скоро в саду у Корнея Ивановича состоится Костер.

Я нарочно написал Костер с большой буквы, потому что это был совершенно особенный, необыкновенный, чудесный костер — целый праздник.

Такие костры бывали два раза в год — весной и осенью.

Костер, настоящий костер с огнем, конечно, был тоже. Недаром в приглательном билете было строго указано — за вход каждый должен принести с собой десять шишек. Но, конечно, не эти шишки поддерживали Костер, для него заранее готовили целые горы хвороста.

На Костре собирались маленькие жители Переделкина, и ребята из пионерлагерей, и москвичи, приезжавшие в гости к Корнею Ивановичу.

В этот день играли военные оркестры. Выступали фокусники, жонглеры и дрессировщики со своими учеными зверями. Читали стихи и сказки знаменитые детские писатели. Выступали сами ребята, пели, танцевали, показывали целые представления. И, конечно, выступал Корней Иванович.

Сотни ребят смотрели на него во все глаза, и никто из них, кем бы ни пришлось ему стать, какие бы события ни пережить — никто не забудет Костер в Переделкине.

Теперь, когда нет уже в этом доме Корнея

Ивановича, родные и друзья его постарались сделать так, чтобы все осталось по-прежнему. В доме Чуковского все неизменно, словно бы Корней Иванович вышел на прогулку и должен вернуться с минуты на минуту.

Сюда часто приходят и взрослые и ребята — они бродят по комнатам, рассматривают картины и фотографии на стенах, книги на полках. Расспрашивают родственников Корнея Ивановича. Особенно много вопросов задают ребята. — Как? Кто? Когда? Почему?

Конечно, им отвечают, объясняют. Но давно известно, что книги хорошего писателя сами отвечают на все вопросы, надо только внимательно читать их.

Корней Иванович рассказал, что первые свои детские стихи он сочинил за несколько лет до революции, когда отвозил с дачи в Петербург тяжело больного сына Колю. Мальчик в сильном жару метался на вагонной полке и никак не мог уснуть. И тогда отец, чтобы успокоить его, стал придумывать вслух смешные стихи:

Жил да был
Крокодил.
Он по улицам ходил,
Папиросы курил,
По-турецки говорил —
Крокодил, Крокодил Крокодилович!

Веселые стихи успокоили больного мальчика, помогли ему уснуть.

С этих пор Чуковский стал поэтом для детей! Самым лучшим, самым любимым, самым интересным. И стихи, загадки, сказки Чуковского веселят, лечат, помогают всем ребятам на свете как самое лучшее, волшебное лекарство. Потому что нет и не может быть на свете ничего полезнее, чем доброта, талант и радость!

Фото С. Васина

Пригласительный билет

Дорогой/ая/

ПРИГЛАШАЮ ТЕБЯ НА КОСТЁР

«Здравствуй, лейка!»

24 июня 1962 г.

Костёр состоится на ст. Переделкино

Начало в 13.00

Цена билета 10 шишек

К. Чуковский / К. Чуковский/

Много папок у меня под рукой. На одной обозначено «Очерки», на другой — «Фотографии», на третьей — «Заметки». А в четвертой, пятой, шестой, седьмой и так далее — ваши письма.

Их в редакцию приходит столько, что едва успеваем отвечать.

Письмо письму рознь. Иногда пять минут не посидишь над ответом, а бывает, целый вечер копаешься в справочниках, звонишь в библиотеку. Хлопотно, а надо: люди надеются, ждут.

Порой случается, вот уже и конверт заклеен, а все на душе как-то беспокойно. Слово дело не доделано и разговор не окончен.

Тут и настает очередь папки, на которой нарисован огромный восклицательный знак.

1.

Как говаривал Аркадий Гайдар, — что мы видим на этой интересной картинке?

Видим комнату, в комнате стол, а за столом девочку Катю. Вон как складно у нее получается:

«Здравствуй, писатель. С приветом к вам. Я хочу с вами переписываться. Если у вас есть адрес с Украины или из Литвы, то, пожалуйста, пришлите. А если нет, то пришлите мне адрес, откуда есть. У нас в классе почти все переписываются из разных стран. Вроде все. Катя».

Полетело письмо за тридевять земель, из сибирского поселка — в Ленинград, в редакцию журнала «Костер».

Пока оно летит, подумаем: что нужно, чтобы получилось письмо? Ну, бумага нужна, чернила. Грамматику не мешает знать.

И вот в редакционные двери позвонил почтальон.

— Распишитесь! — сказал он Писателю. — Заказное — от Кати! Пляшите!

Писатель пустился вприсядку. Надорвал конверт, побежал глазами по строчкам, и вдруг лицо его сделалось грустным-грустным.

— Нет, — вздохнул он, — это, наверно, не мне. Взгляните, она даже не сообщает, читала ли мои книги. Нравятся они ей или не нравятся? Пospорить она со мной хочет? Или посоветоваться? Или просто о чем-нибудь рассказать? Не знаю, не знаю, воля ваша, а я тут ни при чем. С приветом к вам!

И ушел.

Он ушел, а мы огорчились. Перечитали Катину письмо внимательно. И отправились во Дворец пионеров, в Клуб интернациональной дружбы, — там уж наверняка выручат, подберут Кате адрес «с Украины, из Литвы или из разных стран».

Президент Клуба сидел под огромной картой мира, утыканной разноцветными флажками. Разноцветные пионерские галстуки, польские, немецкие, французские, болгарские, итальянские, гирляндой висели над его головой.

— Заказное — от Кати! — сказали мы Президенту. — Втыкайте поскорей в свою карту новый флажок! Пляшите!

Президент прошелся «цыганочкой», подпрыгнул «леткой-енкой» и закончил гопаком. Взял в руки Катину письмо и задумался.

— Да, — протянул он, — случай трудный. Взгляните, о чем нам пишут другие ребята: Вова из Тамбова предлагает меняться марками, Ада из Волгограда прислала целый набор открыток с видами города, Гога из Таганрога ничего не прислал, но зато изъяснился на превосходном азербайджанском языке, и мы с удовольствием перешлем его строки Игорьку из Баку. А с кем нам знакомить Катю? Совершенно же неизвестно, чем она увлекается, что любит делать. Песни петь? Модели мастерить? Грибы собирать? Пусть-ка напишет снова, подробно и толково, а пока — чао, адьо, гуд бай!

Слышишь, Катя!

Для того, чтобы вышло письмо, нужно все же еще кое-что, кроме чернил, грамматки и бумаги. Напиши нам опять! Нам не терпится вынуть твой конвертик из папки, на которой нарисован восклицательный знак!

2.

По улицам уральского городка метет метель.

В пустом вечернем классе трудится человек. Не физикой он озабочен, не алгеброй:

«Здравствуйте, коллектив редакции журнала «Костер». Я решил обратиться к вам с просьбой».

Заглянул в класс завуч, Иван Тимофеевич: «Ты что, Владимир, так поздно? Ну, раз надо, сиди, сиди...» — притворил дверь и продолжил обход.

Иван Тимофеевич — бывший офицер, фронтовик, он не забыл уставную выправку и все еще на учете в военкомате.

Человек пишет:

«Напечатайте, пожалуйста, в журнале знаки различия Советской Армии, то есть погоны и петлицы, и подпишите звания, потому что нам негде взять».

Грянула за окном солдатская песня. Идет рота с занятий, погоны заиндевели, лица покраснелись от мороза. Тут и сержанты — отделенные, тут и младшие лейтенанты — командиры взводов.

Прошла рота — и свернула за угол, в казармы.

Человек грызет перо и размышляет: что еще приписать, чтобы в редакции наверняка послушались?

«...А то мы не сыграем в «Зарницу», — решительно выводит он. — Прошу не отказать моей просьбе. Председатель отряда № 4».

Все!

Человек надевает пальто, берет под мышку портфель и отправляется домой. По метельным улицам, мимо кинотеатра — там показывают «Ключи от неба» и с экрана раздаются поминутно: «Так точно, товарищ полковник», «Разрешите идти, товарищ майор!» — мимо военкомата, мимо читальни, в которой на столе, среди прочих подшивок, лежат и номера «Советского воина»...

Слышишь, председатель Володя!

Мы не откажем твоей просьбе. Выполним ее в самом спешном порядке, потому что вдруг и вправду вы из-за нас останетесь без «Зарницы»! Но все же пройдет три-четыре месяца, пока художники оформят, а наборщики наберут, а печатники напечатают заказанную тобой страничку.

И все это время ты будешь бегать на почту и ждать!

А может, не будешь ждать! И проявишь, как юнармейцам положено, инициативу, расторопность и смекалку!

Как было бы здорово! Мы бы сразу изъяли твое письмо из папки, на которой нарисован восклицательный знак!

3.

К редактору не пускали. Секретарша Светлана заперла его кабинета снаружи громадной задвижкой.

Принесли из типографии не совсем допечатанный номер журнала: вкралась ошибка, нужно срочно поправить, —

— Нельзя, — сказала Светлана. — Редактору некогда. У него зайчик.

Явился Писатель с рукописью своей новой увлекательной книги. Он

хотел, чтобы редактор полистал ее тут же, немедленно, — годится она «Костру» или нет.

Светлана загрозила Писателю до рогу. «Зайчик!» — объяснила она.

Притащил рисунки Художник и долго втолковывал, что редактор сам просил его зайти именно сегодня, именно к двум часам.

— Зайчик! — непреклонно ответила Светлана. Выключила телефон, закрыла чехлом пишущую машинку, чтобы ничто не звонило и не стучало, и замерла у порога на страже.

А редактор мучился. Пот лил с него градом, нитка не лезла в иголку, ножницы падали, лоскутки терялись, клочья ваты роились, как снег.

Они садились на сложенный вчетверо тетрадный листок, из-за которого сыр-бор и разгорелся:

«Дорогая редакция! Прошу вас, чтобы вы сделали нашему коллективу мягкую игрушку. Игрушка это зайчик. Просим мы вас, сделайте, пожалуйста. Наш адрес. Такая-то область, такой-то район, село Старогорское. Горюновой Ирине».

В полночь дверь кабинета открылась, и редактор вышел, шатаясь, держа двумя пальцами за уши свежизготовленную зверюшку.

Правда, очередной номер журнала так и остался с ошибкой; Писатель, которому надоело ждать, отнес свою увлекательную рукопись в другую редакцию; Художник, не получив указаний, нарисовал кота вместо кита; и еще много чего неприятного случилось, но зато слезная просьба Ирины была выполнена и в такую-то область ушла посылка с зайчиком.

Слышишь, Ирина!

Историю эту я выдумал. Редактор не занимался кройкой-шитьем. Весь тот день, как всегда, он читал статьи и рассказы, ставил на полях птички и вопросы, беседовал с писателями и художниками.

И зайчика, уж не прогневайся, придет тебе с подружками делать самой.

Нужны выкройки! Пожалуйста, мы их уже полгода как напечатали. Что-

нибудь не получается! Пожалуйста, сообщи, вместе разберемся.

А когда, наконец, получится, обязательно пришли нам фотоснимок или рисунок, на котором будет ваш новый длинноухий приятель.

Очень мы обрадуемся!

И сразу же уберем твое письмо из папки, на которой изображен восклицательный знак.

4.

Да, разные письма бывают... Например:

«Напечатайте ответы на викторину «Пионерской правды», чтобы мы прочли и победили».

Или:

«Наш отряд носит имя героя Петрова. Срочно сообщите, кто такой герой Петров».

Или:

«Нам задали домашнее сочинение. Ты, «Костер», давай мне помогай».

И — еще письмо:

«Добрый день!

Недавно у нас в школе был вечер. Пришли все ребята. Я рассказывала о прогрессивных зарубежных певцах. Я нашла и их биографии, и их фотографии. Мне удалось достать 16 пе-

сен Дина Рида с краткими переводами. Было интересно. К концу четверти мы решили еще провести музыкальный вечер, поговорить о Микисе Теодоракисе. Помогать нам достать пластинки и все остальное не нужно. Мы постараемся сами».

Вот за такое письмо никому не может быть неловко: ни тому, кто пишет, ни тому, кто читает.

Пусть таких писем будет как можно больше!

И пусть она худеет от зависти, неудачница-папка с восклицательным знаком!

Ф. Нафтульев
Рисунки Л. Каминского

СТРАНИЦЫ

ЗЕЛЕННЫЕ

Раздел ведет писатель Н. Сладков

НЕВИДИМКИ

Живут на нашей земле невидимки. Можно прожить всю жизнь и ни разу их не увидеть. Это очень редкие и осторожные птицы и звери: белые журавли, розовые чайки, горные гуси, красные волки... Мы будем знакомить вас с ними, потому что они требуют особого внимания и защиты.

Леопард

Водится на Кавказе, в горах Копет-Дага и Приморья. Тысячи людей каждое лето бывают в этих местах, но почти никому не удается с ним повстречаться. Вреда стадам от него практически никакого, и на человека он первым не нападает. Будет жаль, если этот прекрасный зверь навсегда исчезнет.

ЧТО С НИМ?

ЗАГАДОЧНОЕ
ПРОИСШЕСТВИЕ

Заночевали мы на берегу речки Чу. Утром в тростниках раздался отчаянный визг дикого кабана. Кабан — зверь осторожный, напрасно шуметь не станет. Может, волки напали или угодил в капкан браконьера? Я выбрался из палатки и осторожно пошел прямо на визг. Скоро тростники поредели, показалось полувысохшее соленое озерко. Берега его, словно снегом, были присыпаны солью. И на белом берегу лежала черная туша большущего кабана. Кабан то полз и громко визжал, то лежал неподвижно и молчал. Но ни волков, ни капкана не было видно. Только я вышел из тростников, как кабан резво вскочил и удрал! Я подошел к тому месту, где кабан визжал и ерзал по соли, и все понял. Нет, не волки во всем виноваты, не капкан и не охотники. Кабан здесь не дурака валял, а...

На этом рассказ обрывается. Попробуйте сами понять: что делал кабан на берегу соленого озера?

М. Зверев

РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МУРАВЕЙ-ВРАЧ

Ранняя весна в пустыне. Муравьи-бегунки уже открыли свои подземные жилища. Возле одного такого гнезда замечаю большого мертвого бегунка. Наверное, он не пережил суровую зиму и, по муравьиному обычаю, выброшен из жилища. К нему все время подбегают другие муравьи, ощупывают его усиками и лапками: может, хотят съесть? Суровая пустыня заставляет бегунков дорожить каждой крошкой еды...

Кладу неподвижного муравья в пробирку и туда же сажаю его собрата поменьше. Малыш сразу же бросается на большого и начинает тискать его и теревить челюстями. Да, закон пустыни суров... Но странно: малыш его не грызет! Он лишь толкает его, теревит, массирует ему брюшко, поглаживает усиками. Он увлекся всерьез, он ни на шаг не отходит, он прилагает все силы. Но мне следить уже некогда, впереди долгий путь домой. Я прячу пробирку в сумку. Что-то будет?

Только вечером достаю пробирку. Что там? А там чудо... Малыш не съел большого, а его воскресил! Большой ожил, бодро шевелит усами, перебирает ногами. Он был не мертв, а болен. И его не выбросили из муравейника, а вынесли на солнышко. Подбегали к нему проверить, помочь, полечить. А малыш в пробирке вылечил его окончательно.

Бывший больной с аппетитом пьет сахарный сироп, которым я его угощаю. А малыш? А доктор-малыш, скорчившись, лежит неподвижно на дне пробирки. Он все свои слабые после зимы силы отдал спасению товарища.

Выполнил свой муравьиный долг и погиб...

П. Мариковский

Приключения Жалейкина

Жалейкин и зяблик

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

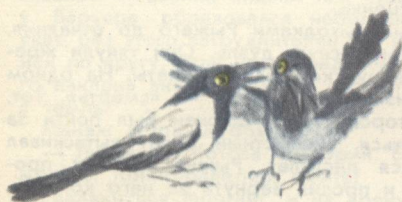
(ЧП)

Случилось резкое похолодание. Снег засыпал первые проталины, мороз сковал первую живую воду. Прилетевшие грачи, скворцы и жаворонки терпят страшное бедствие. Они жмутся к жилью, надеясь укрыться от ветра и заморить червячка. Юннаты в местах скопления птиц делают кормушки.

Мороз после оттепели покрыл снег словно железной крышей. А в снегу тетерева ночевали! Стали утром вылезать, а наст не пускает. Так бы все и погибли от голода, не выручи их ребята-лыжники. Пробежали они на лыжах, проломили, покрушили, поломали крепкий наст и выручили тетеревов из беды. Вырвалась стая наружу — только снег завихрился!

Волки гнали по насту лосиху. Волкам что, скачут по насту, как по асфальту. А лосиха тяжелая, протыкает наст копытами, проваливается. Все ноги о краяны ободрала. И был бы конец ей, если бы она к деревне не выбежала. Заметили в деревне погоню, стали кричать, стучать. Волки перетрусили и отступили. А лосиха долго еще лежала у околицы, отдыхая после бега.

Н. Сладков

СОРОЧЬИ
ТАРАТОРКИ

ТРУБА, ЦВЕТОК И ПОЛЕНО

Тра-та-та-та! Ой, что я слыхала! Один мальчишка говорит другому: мой отец на охоту ездил, взял трех зверей. У одного зверя хвост ТРУБОЙ называется, у другого ПОЛЕНОМ, а у третьего — ЦВЕТКОМ. Угадай, говорит, каких зверей отец с охоты привез? Тра-та-та-та!

Рисунки П. Швеца

1. Всю зиму жил у Жалейкина зяблик. Жил и не тужил. Поил и кормил его Жалейкин досыта, клетку ставил у печки, чтобы зяблик не заб.

4. Зяблик радостно пискнул и улетел без оглядки. Но скоро вернулся и стал в окошко носом стучать.

2. Но вот закапали за окном сосульки, заглянуло в окно веселое мартовское солнышко. Зяблик обрадовался весне и запел.

5. Прослезился Жалейкин. «Доброе, золотое сердечко, прямо как у меня», — прошептал он. — Не забыл, вернулся поблагодарить, что я выпустил его на свободу!»

3. Жалко стало Жалейкину птичку. Весна-красна на дворе, а она в тесной и темной клетке. «Лети, зяблик, на волю, помни мою доброту!»

ВЕРНО ЛИ ПОСТУПИЛ
ЖАЛЕЙКИН
И ПОЧЕМУ
ЗЯБЛИК
ВЕРНУЛСЯ?

Пишите нам.
Самые интересные
ответы мы напечатаем.

Четвертый год идут посетители в музей природы 537-й школы Ленинграда.

Началось с нескольких растений, которые принесли из дому. А сейчас их сотни. Их даже распределили по разделам: растения Африки, растения Европы, растения Мексики...

Лучшие юннаты — Марина Буксева, Галя Петрович, Лариса Зернышева — теперь экскурсоводы.

Я-ИНСТЕКТОР МАНЕЖА

ПОВЕСТЬ*

Роберт Балановский

Рисунки Ю. Шабанова

Часто Рыжий работал в паре с белым клоуном. Белый клоун — это представитель классической клоунады.

Одетый в просторный, элегантный шелковый костюм — короткие, до колен, штаны и куртку с пышными манжетами и воротником, такой клоун ходил в туфлях на высоких каблуках. На голове — конусом — шапочка. Лицо и шея были сплошь осыпаны пудрой. Пунцово горели намазанные губы и мочки ушей. Черные брови с острым изломом были нарисованы гораздо выше настоящих.

В руке белый клоун держал небольшую палку с овальной подушечкой на конце, палка на французский лад именовалась батоном. Этим батоном белый лупил Рыжего. Рыжий визжал и плакал. Волосы его вставляли дыбом, а из глаз водопадом текли слезы, оставлявшие на манеже лужу. Бывало, что у Рыжего лампочкой вспыхивал нос, а в ботинках взрывались петарды.

Внезапно терпение Рыжего кончалось. Откуда-то он вытаскивал складную деревянную бритву величиной с саблю и с угрожающим видом начинал гоняться за белым обидчиком.

Но вообще-то белый и Рыжий представлялись неразлучными друзьями, только характеры у них были раз-

ные. Белый, всегда очень корректный и выдержанный, приносил публике извинения за своего дурно воспитанного друга. Рыжий, наоборот, был с публикой запанибрата, выкидывал всякие смешные фортели и старался подшутить над напыщенным приятелем.

Как правило, первым на манеж выходил великолепный белый и громко, так, чтобы слышал весь цирк, спрашивал у шпехштаймейстера, не видел ли тот его друга, который куда-то запропастился.

И тотчас за кулисами раздавалось улюлюканье или задиристый свист, и перед публикой появлялся во всей своей красе Рыжий. Зал взрывался аплодисментами. Рыжий раскланивался и рстачал комплименты зрителю, не обращая ни малейшего внимания на белого.

— Где ты был, Жакино? — спрашивал тот.

Имена у обоих обязательно были какие-нибудь замысловатые.

— Где был, там меня уж нет, Мишель, — отвечал Рыжий, подмигивая. — Я был на охоте.

— С собакой?

— Конечно, с собакой. Она у меня дрессированная. И знаешь, какая история со мной приключилась?

— Нет.

— На нас напал орел. Он схватил мою собаку и взвился с ней в небо.

— Какое горе! — ужасался белый.

— Но я не испугался. Я взял ружье, прицелился — бац!.. И орел упал к моим ногам.

— Великолепно! Где же он?

— Подарил теще. Она у меня любит дичь.

— А где же твоя собака?

— Собака?.. Ах, собачка... Собачка полетела дальше, — невозмутимо отвечал Рыжий.

Часто разыгрывалась и такая вот сценка.

Белый, доведенный выходками Рыжего до отчаяния, предлагал ему американскую дуэль. Они тянули жребий — тащили из клоунской шапки билеты. На одном было написано «жизнь», на другом — «смерть». Тот, кому доставался второй билет, должен был пойти за кулисы и застрелиться. Несчастный билет вытаскивал Рыжий. Ему вручался пистолет. Рыжий начинал прощаться с публикой и просил вернуть за него копейку, которую он задолжал кваснику. Рыдая на весь цирк, он уходил за форганг. Тут уже начинал раскаиваться в своем поступке и белый. Как раз в этот момент за кулисами раздавался выстрел, и на манеж выбегал Рыжий, крича:

— Мишель, Мишель, слава богу, я промахнулся!..

Когда я впервые попал на представление Ленинградского цирка, здесь постоянными коверными — в паузах — работали клоуны Франц и Фриц. Франц — высокий, тощий, рыжий, как бы выросший из своих штанов, в кургузой курточке с короткими рукавами. При этом он старался делать весьма серьезный вид и ходил с поднятым носом. Фриц — полная противоположность: большеголовый карлик, ростом с десятилетнего мальчишку, он бегал на кривых заплетаящихся ногах и часто падал. При всем своем уродстве он, однако, был очень веселым и всегда его появление вызывало улыбки.

*Написана в содружестве с писателем Арк. Минчковским. Продолжение. См. «Костёр» № 2 за 1972 г.

Франц и Фриц были клоуны-мимы, они развлекали публику не словами, а лишь своими действиями. Обыкновенно они проделывали на арене то же самое, что исполняли только что другие артисты, — конечно же, повторяли очень неудачно и потому потешно.

В тридцатых годах появился на манеже Ленинградского цирка и надолго полюбился зрителям коверный клоун Павел Алексеевич.

Надо было обладать незаурядной храбростью, чтобы в то время, когда афиши пестрели от Альбертов, Максов, Генри, Коко и Мишелей, назваться просто Павел Алексеевич и работать, собственно говоря, в совершенно не клоунском виде.

Павел Алексеевич выходил в обыкновенном мешковатом, словно бы с чужого плеча, клетчатом костюме, в небольшой шапочке, видно было, что ему она маловата. В руках обыкновенная тросточка. Ничего смешного и в гриме. Круглое, чуть курносое лицо с торчащими усиками. Своим обликом Павел Алексеевич чем-то напоминал Рассеянного из знаменитой маршаковской сказки.

Спокойно, не обращая ни на кого внимания, шествовал он через арену.

— Куда вы идете, Павел Алексеевич? — окликал его инспектор манежа.

Клоун останавливался и отвечал что-нибудь весьма резонное, вроде того, что идет занять очередь за снегом. Он слышал, что «дуют» снег.

— Но позвольте, снега же и так на улицах сколько угодно.

Павел Алексеевич смотрел на инспектора как на глупого человека.

— Ха, сейчас сколько угодно, а потом?.. Потом нигде не найдешь. Нет, надо запастись...

Однажды найденная и утвердившаяся маска клоуна уже обычно больше не меняется. Но сколько требуется труда и поисков, чтобы заявить публике: да, я такой и другим быть не могу! Теперь Юрий Никулин выходит на манеж со своим собственным, лишь подчеркнутым гримом лицом, а сколько было поисков смешного облика. Клеились носы, надевались нелепые парики, натягивался костюм, который сразу же должен был вызвать смех, а зрители, к огорчению молодых клоунов, вовсе не смеялись. Учитель Никулина и Шуйдина, признанный советский коверный Карандаш, упрямо вел учеников к тому, чтобы они сами по себе были смешными. Он говорил: «Научитесь быть смешными». Но как?!

Учились Никулин и Шуйдин и у других старых клоунов. По многу раз наблюдали, как опытный клоун Алексей Сергеев в течение пяти-семи минут (время для представления огромное), не говоря ни одного слова, мог «чинить» стул, на который было взобрался и сломал его. Он проделывал это с такой уморительной старательностью, что цирк сотрясался от смеха.

А сейчас?

Закончилась сценка, разыгранная Никулиным и Шуйдиным. А за форгангом конюхи держат под уздцы готовых к выходу лошадей. Кони топчутся на месте, качают султанами и в нетерпении фыркают.

Ведь они тоже артисты, и иные со стажем. Им тоже передается та нервность, которая владеет артистами перед выходом на манеж.

Пока Никулин и Шуйдин отвлекали публику, униформисты подготовили арену для конного номера. Разровняли граблями опилки, соблюдая определенный рисунок. Но самое главное — взбили опилки так, чтобы у барьера образовался небольшой скат, без этого затруднителен бег коней по кругу. Если нет определенно-го наклона внутрь, лошади собьются с темпа.

Манеж готов. Я объявляю:

— Людмила Котова и Юрий Ермолаев. Конно-балетная сюита!

Раздвинулся форганг, и на арену в легком изящном кабриолете выехала амазонка. Ее сопровождает всадник в классическом костюме верхового наездника — строгий жакет, бриджи, невысокие сапоги. В руках стэк.

Номер начинается как бы картин-

кой из прошлого — элегантным выездом, но это лишь заставка к номеру. Затем Людмила, как балерина, будет вальсировать вокруг каждой из шести лошадей, которые к тому времени появятся на манеже. И каждая лошадь, стоит ее обойти балерине, безо всякой команды ляжет и замерет.

Потом с конями работает Ермолаев. Лошади удивительно послушны ему. Кажется, они только и ждут, чтобы вырваться на арену, танцевать и удивлять зрителей слаженностью своих движений.

Потом на манеж выбежит шустрый мальчишка и под музыку затеет с лошадьми веселую игру. Кони, словно четвероногие шалуны, то не слушаются его, то мигом исполняют его команды.

Этот юный беспечный конюх — Людмила Котова. Роль мальчишки ей удается отлично. Это великолепный номер...

Я иду в гардеробную, которую сегодня покидают мои друзья Никулин и Шуйдин — они закончили гастроли в Ленинграде. Когда-то еще увидимся! Может быть, они отправятся в глубь страны, а возможно, их снова ждут зарубежные гастроли.

В гардеробной нынче неуютно. Со стен уже сняты плакаты и афиши. Нет лука и стрелы, которой Шуйдин «пронзал» насквозь своего доверчивого партнера. Не видно коромысла, весов, крупнейшей лупы, корзинки заклинателя змей — всего того, с чем в своих интермедиях выступали клоуны. Только запахи пудры и ацетона напоминает о том, что здесь готовились к выходу артисты.

Никулин и Шуйдин почти все делают своими руками. Сами изобретают петарды, что будут взрываться на манеже, сами налаживают техническую аппаратуру. Да и чему удивляться, ведь оба клоуна в прошлом — рабочие. Шуйдин, например, квалифицированный слесарь-лекальщик.

Никулин и Шуйдин — не исключение. И Олег Попов, также некогда ученик слесаря, все делает сам. Знаменитого народного артиста нередко можно застать у токарного станка вытачивающим для реквизита какие-то детали, пилящего или паяющего. Но где же найти время? Ведь три выступления в день не редкость. А репетиции?.. И Олег для работы над реквизитом выкраивает время ночами.

Впервые в Петрограде

В 1923 году мы с Алексеем Каранжо получили двухмесячный контракт в Петроградский цирк.

Сырым ветреным утром поезд привез нас в Петроград. С вокзала мы вышли на площадь. Посредине ее

высилось знаменитое пугало — памятник императору Александру III. Гудели клаксонами редкие автомобили. Мы кликнули извозчика и спросили — знает ли он, где цирк.

— Как не знать, — удивился бородач, — рази туда не возим... По Невскому прикажете?

Мы не имели понятия, дальше так или ближе, но по Невскому, конечно же, прокатиться хотелось.

Вот он, знаменитый проспект, описанный Гоголем. В конце проспекта едва различаю в тумане адмиралтейский шпиль. В первых этажах домов сплошь магазины и магазинчики.

Копыта лошади мягко ударяли о торцовую мостовую. Торцы — восьмиугольные деревянные шашки — напоминали паркет. Паркет на улице!.. Такое видел я в первый раз.

Проехали Литейный и увидели знаменитых клодтовских коней, с которыми раньше были знакомы лишь по

открыткам. Извозчик свернул направо, показал кнутом вперед.

— Вон он — цирк. Вас к самому или куда?

— К самому.

— Артисты, что ли, будете?

— Артисты.

Бородач повернулся всем корпусом, посмотрел на нас с облучка и, вероятно, не очень-то поверил в то, что везет настоящих артистов.

С волнением вглядывались мы в силуэт круглого здания на набережной Фонтанки. Сумеем ли мы достойно выступить на одном из самых знаменитых манежей Европы?

Я говорил, что без клоунов нет цирка. Но нет цирка и без коней.

Свое происхождение цирк ведет от больших конных представлений, которым в былые века подчинялось все: работа акробатов, жонглеров, клоунов. Еще в конце прошлого столетия были цирковые конюшни на сто пятьдесят и более лошадей. Во Франции славился пышный номер «карусель». На манеже устанавливалась специальный помост, и на разной высоте, кольцами, одна за другой, лошади в богатой сбруе, с пышными султанами, бежали вокруг дрессировщика, который восседал верхом в центре, венчая эту живую пирамиду. Кони постепенно убыстряли бег. Зрелище было впечатляющее.

С давних времен и до наших дней цирки строятся так, чтобы, прежде всего, было удобно работать на арене с лошадьми. Диаметр арены всегда тринадцать, редко — тринадцать с половиной метров. Такая площадь, во-первых, достаточна для демонстрации групповых конных номеров, а во-вторых, сравнительно малый радиус круга сообщает галопирующей вдоль барьера лошади тот наклон к центру арены, который наиболее удобен для акробатических номеров и джигитовки — вскакивания на ходу, прыжков с коня и других трюков.

Только замкнутый круг обеспечивает плавное и ровное движение ко-

ня, пущенного рысью или в галоп. Ни один конный акробат не сумел бы выполнить даже несложные упражнения на лошади, бегущей по прямой линии.

Вы, наверное, уже обратили внимание, что во время акробатики на лошади или жонглирования в центре манежа, по малому кругу, как бы повторяя движения коня, прохаживается человек с шамбарьером (бичом) в руках, которым он изредка пощелкивает. Шталмейстер, как по-старинному называется в цирке этот человек, следит за тем, чтобы бег коня шел в необходимом для наездника ритме, с неизменной скоростью. Шамбарьер служит как бы дирижерской палочкой, задающей нужный темп.

При групповой дрессировке коней первый щелчок шамбарьера, похожий на выстрел, — это сигнал, по которому выбегают на арену кони. И в дальнейшем, когда перестраивают лошадей, ставят их на колени или поднимают на дыбы, щелканьем шамбарьера дается команда, ее чутко улавливают кони.

И длина шамбарьера у дрессировщиков всего мира одинаковая, рассчитанная на арену диаметром в тринадцать метров.

Барьер вокруг манежа тоже строится с расчетом на конные номера. Высота его примерно полметра, а ширина сантиметров сорок. Расчет

высоты сделан так, чтобы лошадь могла бежать передними ногами по барьеру, а задними по арене. Ширина барьера такова, что лошадь может пробежать по нему легкой рысью, без страха соскользнуть вниз.

И грунт манежа специально подготовлен для лошадей. Под слоем опилок на определенной глубине уложен чернозем или особая глина. Копыта лошади, опускаясь на рыхлый слой опилок, чувствуют под ними твердую, но все же пружинистую основу.

Давно продумывается вопрос, чем заменить опилки, доставляющие столько хлопот униформистам и некоторые неприятности зрителям первых рядов.

В начале нашего века уже появились кокосовые манежи (покрытием их служила копра, сдираемая с пальм). Позже пытались заменить опилки специальной резиной. Нынче, например, в новом Тульском цирке арену укрывают особым пластмассовым пружинящим ковром. Однако артисты-конники предпочитают привычный грунт с опилками.

Конный цирк до сих пор подчиняет своим правилам порядки на манеже. Артистам всех жанров приходится рассчитывать работу, аппаратуру и оформление номеров в соответствии с манежем, диаметр которого неизменно — тринадцать метров.

На манеже — кони

Вспоминаю цирковую семью конников Трузци — итальянцев, ставших, в сущности, русскими артистами.

В самом начале восьмидесятых годов прошлого века прибыл в Москву Максимилиано Трузци с семьей. Вскоре имена жены Трузци, наездницы Луизы, и его детей — жокеев, конных акробатов и молодых дрессировщиков — Рудольфа, Жижетто и Энрико сделались известными во многих городах.

Пожалуй, самым даровитым из семьи Трузци был сын Жижетто — Вильямс Жижеттович. Этот замечательный человек, которого мне посчастливилось знать, ушел из жизни до обидного рано, но результаты его трудов ощутимы до сих пор.

Когда началась первая мировая война, Вильямс, несмотря на свою молодость, был уже известным артис-

том. Вместе со своей небольшой конюшней прекрасно отдрессированных лошадей он гастролировал по южным городам, демонстрируя отличную выучку коней и прекрасную спортивную подготовку.

Для итальянца Вильямса Трузци Россия была родной родиной, и он не покинул ее в дни испытаний, когда большинство иностранцев, работавших в цирках, уехало за границу.

Во время гражданской войны Трузци пришлось проститься со своими четвероногими любимцами. Только одного из них он оставил при себе. Когда в Одессу пришли белые, похудевший ученый конь впрягался в обыкновенную пролетку, а извозчиком на козлы усаживался отравивший бороду известный наездник. Но лишь только в Одессу вошли красные, Трузци оставил

извоз и со своим конем вступил в ряды Красной Армии.

Здесь Труцци уже не скрывает своего знаменитого имени. Он становится объездчиком и очень быстро отличается на выездке так называемых «дурноезжих» лошадей.

Наконец, Вильямс Труцци организует в Севастополе народный цирк. Однако участникам его очень скоро пришлось распрощаться с полюбившимся руководителем. О том, что на юге отыскался Вильямс Труцци, стало известно народному комиссару просвещения Луначарскому. Труцци вызывают в Москву, назначают художественным руководителем обоих московских, уже государственных, цирков.

С этих дней и начинается славное десятилетие неутомимой и плодотворной деятельности Вильямса Труцци: энтузиаста, режиссера, артиста и замечательного дрессировщика конного цирка.

Командарм Красной Армии Семен Михайлович Буденный помог отобрать лучших коней для новой конюшни артиста. Труцци взялся за дрессировку. Репетиции

шли днем и ночью, по семь, восемь, десять часов в сутки. Лошади уходили в стойло и сразу же засыпали, но дрессировщик не отдыхал. Он выводил свежих коней и продолжал свое.

В короткий срок Труцци возродил конный аттракцион. На афишах Москвы замелькало знакомое имя артиста, первого советского дрессировщика. Красавцы кони, послушные легким движениям Вильямса Труцци, кружились по арене, перестраивались попарно и по четыре, образовывали «гирлянды», вальсировали и преодолевали препятствия. Все, что делали кони у Труцци, было предельно грациозно и непринужденно.

В то время в Москву начали наезжать крупные цирковые импрессарио для заключения договоров на гастроли иностранных артистов. Советский цирк был еще малочислен. Старые артисты сошли с арены. Иностранцы, как я уже говорил, покинули русские просторы, новый цирк только зарождался. И вот, покоренные искусством Труцци, европейские импрессарио пригласили советский конный аттракцион за границу.

Конюшня Труцци во главе с ее руководителем погрузилась на пароход и отбыла в Лондон.

А затем триумфальный успех по циркам европейского континента. Париж, Брюссель, Мадрид...

И везде в афишах Вильямс Труцци именовал себя русским артистом.

Репортеры буржуазных газет осуждали Труцци. Многие притворно недоумевали. Знаменитый артист, да еще итальянец по происхождению, что у него общего с большевиками? Неужели Вильямс Труцци вернется в СССР?.. Особо бесновались белогвардейские писак. Ведь именно они объявляли, что в России всех лошадей давно съели, а артисты там не считаются за людей.

— Да, — ответил Вильямс Труцци газетчикам. — Я зарабатываю в Европе столько, сколько мне никогда не заработать в Советской России. Мне здесь выгодно выступать. Но нигде, кроме советского цирка, нет условий, чтобы создавать новое и не страшиться краха в случае неудачи. Нигде в мире нет такой требовательной и благодарной аудитории, как у меня на родине.

И Труцци возвратился домой.

... Для разного жанра цирковых номеров нужны разные лошади. Джигитам — горячие скакуны. Крупные низкорослые лошади удобны в паре для балетных номеров и езды жокеев с акробатическими трюками и групповыми пирамидами. Тяжеловозы с широким корпусом нужны для конного жонглера или иного номера, исполняемого на панно — твердой овальной площадке, заменяющей седло.

Как-то в Казанском цирке мне пришлось выступать в одной программе с артистом Якубовским. Он не держал большой конюшни, его лошади не отличались красотой или особой породой. Якубовский не обладал и яркой артистичностью, но работа его удивляла всех, кому ее пришлось видеть.

На манеж выходила свободная от сбруи лошадь. За ней появлялся Якубовский. Он не походил на дрессировщика и не держал в руках шамбарьера. Поклонившись публике, артист перешагивал барьер и усаживался в свободное кресло в первом ряду. Стоя в центре манежа, лошадь чего-то ждала. Ждал и весь цирк. И вот тут и происходило удивительное. Казалось, Якубовский разговаривал с соседом по ряду. Что-то негромко объяснял ему, сопровождая слова жестами. На самом деле это были знаки команды. Непонятно, каким образом лошадь могла их видеть и слышать, но она выполняла все его приказания. Совершала круги, садилась и вставала, подходила к Якубовскому и кланялась ему, вальсировала... Словом, делала все, что он хотел. Насколько я знаю, другого подобного конного номера в цирке не существовало.

Выступали в цирке и лошади-математики. По желанию публики они делали простейшие сложения и вычитания. Выступали и лошади-няньки, катавшие по манежу детскую коляску и вынимавшие «ребенка», когда это было нужно.

Ну, а лошадь-клоун? Бывает такое?

Представьте — бывает.

Множество лет исполнялась клоунада «Лошадь в кровати». Лошадь, одетая в штаны и подобие пиджака, выходила на задних ногах на манеж, где стояла огромная кровать, возле нее — широкое кресло, а на тумбочке — горящая свеча. Лошадь умудрялась стащить с себя зубами одежду, предварительно развязав тесемку штанов. Затем укладывалась на кровать, натягивала до головы

одеяло и фыркала на свечу, чтобы потушить ее. Исполнялись клоунады «Лошадь в ресторане», «Лошадь-покупатель» и многие другие.

Лошадь в большой мере отличается от других животных своей хорошей памятью. На этом и основывается искусство ее дрессировки. Потому так необходимы в цирке повторы — ежедневные репетиции.

Но случается, что хорошая память порой уже мешает коню.

В одном периферийном цирке лошадь, отслужившую свое на манеже, начали запрягать в пролетку, в которой разъезжало цирковое начальство. Все было хорошо, пока лошадь бежала по прямой, но на поворотах она по старой привычке начинала кружить. Заставить ее снова идти прямо стоило больших усилий. В конце концов дирекция цирка отказалась от езды на бывшей «артистке».

Когда во время представления видишь несколько подобранных по масти и росту, одинаково расчесанных, дружно исполняющих различные перестроения лошадей, не приходит в голову, что у каждой свой характер — одна старательна, другая упряма, третья с ленцой или с норовом. Чтобы добиться единства и гармонии движения лошадей, дрессировщик должен знать каждую, как знает своих учеников хороший учитель. А главное — лошадь надо любить.

Я очень ценю искусство Бориса Павловича Манжелли. Потомственный конник, отличный дрессировщик, наездник и исполнитель танцевальных номеров на лошадях, он несколько лет выступал с конной группой в Ленинградском цирке и стал у нас, что называется, своим.

Послушаешь, бывало, Бориса Павловича, как он говорит о конях, и кажется — речь идет о людях с разными характерами. Манжелли наблюдал их с детства, и от него не ускользали ни забавные, ни трогательные черты.

— Помню, в конюшне отца были оригиналы, — рассказывал как-то Борис Павлович. — Вот Кардинал, например, славился пристрастием к блюдам, казалось бы, неподходящим для лошади. С удовольствием ел украинский борщ. Другие лошади обожали сахар, а Кардинал с наслаждением уплетал и сеledку. А конь Бедуин, напротив, был невозможный сладкоежка. Он был очень дружен со своими «коллегами», и при содействии соседа ему не раз удавалось отстегнуть карабин и выйти из стойла. Бедуин проникал в пустынные во время работы цирковые фойе, куда вел его тонкий нюх. Там Бедуин довольно ловко вытаскивал из урн и поедал ватфельные стаканчики с остатками мороженого.

Из рассказов Бориса Павловича мне особенно запомнилась одна история о старой цирковой лошадке.

Она уже не выступала на манеже, но и расстаться с ней было нелегко. Конюхи и артисты ласково относились к «пенсионерке». Из буфета ей приносили пряники и конфеты, кормили с руки. Но лакомства мало радовали недавнюю артистку. Ей хотелось на арену, и когда туда, расчесанные и разукрашенные, отправлялись ее соседи по стойлам, старая лошадь печально смотрела им вслед. Она тосковала по музыке, движенью, щелканью шамбарьера. Ночью, когда цирк засыпал, «пенсионерке» иногда удавалось освободиться от привязи. Тогда она потихоньку пробиралась на манеж и там, в слабом свете дежурных лампочек, повторяла все, что умела. Бежала по кругу, вальсировала, останавливалась и качала головой, ожидая привычных аплодисментов от пустых рядов.

— Антракти

Гаснут яркие световые софиты. Манеж и ряды — словно в тени после яркого солнца. Зрители поднимаются с мест и направляются в фойе. Зал ожил, закипел как муравейник.

Забегали униформисты. Сейчас они будут устанавливать на манеж клетки. Все второе отделение отдано выступлению хищников. Сейчас последняя гастроль Вальтера Западного с его смешанной группой обитателей да-

лекой Африки. Помощники дрессировщика почти вплотную к форгангу подкатили вагончики со зверями. Отсюда они пойдут на манеж по клетке-тоннелю. Слышен рев возбужденных зверей.

Я иду к себе в кабинет-гардеробную. Необходимо хоть немножечко отдохнуть. Второе отделение будет напряженным. Стоя возле клетки, я ни на минуту не смогу покинуть манежа. А пока что... Но я не успел присесть, зазвонил телефон: дирижер согласовывает расписание завтрашних репетиций. Потом явился приехавший вчера велофигурист. Жа-

лется, что у него слишком мало времени для тренировки. Вопрос сложный. Для того чтобы могла репетировать его группа, на манеж надо класть деревянные щиты, и на это, как и на их уборку, нужно время... Пришли прощаться гимнасты. Они улетают завтра рано утром. Только ушли — появляется корреспондент из «Ленинских искр». Интересуется, ка-

кими номерами порадует ребят цирк на елке. Будут ли медведи? Корреспондент убежден, что медведи — любимые артисты детворы. И снова телефонный звонок...

Хлопотливый день. И сколько таких на моей памяти! Ведь давно остались позади годы, когда я больше всего беспокоился о том, как пройдет мой собственный номер.

Роберт и Мила

Осенью 1928 года я познакомился с выпускницей Ленинградского хореографического училища Людой Роговой. Через некоторое время мы поженились.

Однажды в Москве мы зашли в Главное Управление цирков. Мне нужно было узнать, куда в ближайшее время закинёт меня судьба.

В суточном коридоре, где толпились артисты, ожидавшие контрактов, внезапно появился элегантно одетый, ладно скроенный, красивый человек с испанскими усами. Это был Вильямс Жижеттович Труцци, не так давно вернувшийся из-за границы и назначенный художественным руководителем Управления цирков.

Мы поздоровались. Вильямс Жижеттович пожал мне руку и мельком взглянул на стоявшую рядом Людмилу.

— Что вы тут делаете? Зайдите потом ко мне, — кинул на ходу Труцци и удалился в свой кабинет.

Признаться, я взволновался. Уж не собирается ли он предложить мне что-либо заманчивое?.. Дождавшись очереди — Труцци ожидало немало народа — я предстал перед ним.

Усадив меня, Вильямс Жижеттович торопливо расспросил, как идет моя работа в цирке и что я намерен делать в ближайшее время. Затем спросил:

— А кто эта интересная девушка, что стояла с вами?

— Это моя жена, — ответил я, смутившись.

— Чем же она занимается? Артистка цирка?

Я сказал, что Людмила окончила балетное училище и к цирку отношения не имеет.

— Балерина?! Это же прекрасно!.. — воскликнул Труцци. — Слушайте, я же видел вас в Полтаве, когда вы балансировали на столах... Номер мне запомнился. Что, если вам попробовать восстановить его?.. Ну, разумеется, несколько по-новому. А ваша молодая жена станет ассистентом. Поверьте мне, такая девушка, да еще умеющая двигаться на сцене, украсит номер.

Я был взволнован внезапным предложением и не знал, что ответить, а Вильямс Жижеттович, воодушевшись, убеждал меня:

— Делайте, делайте номер... Поезжайте на гастроли и там репетируйте. Постараемся вам помочь. Когда все будет готово, дайте мне знать.

Так с легкой руки Вильямса Жижеттовича получил второе рождение мой номер со столами, с которого я начал когда-то свою самостоятельную жизнь артиста. Я понимал: мало восстановить прежнее, необходимо усложнить работу, освоить новые трюки. И внешне номер менялся. Ведь меня, вошедшего в кафе, теперь встречал не подвыпивший официант, а милая девушка — кельнерша. Конечно же, иной становилась и моя роль.

Мы с Людмилой уже порядком, что называется, пообкатали номер по разным городам, когда вернулись в Москву и узнали из афиши на улице, что отныне называемся Роберт и Мила. Выяснилось, что администрация мюзик-холла, где нам предстояло работать, решила: такое сочетание звучит хорошо и привлечет публику.

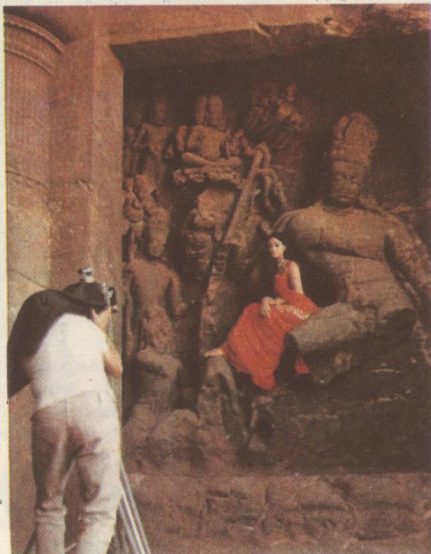

Спорить было поздно. Мы согласились и с той поры именовались так на афишах в течение нескольких лет. Партнерша моя была очень молода и сокращенное имя публику не удивляло.

Несколько измененный номер «Человек без нервов» проходил удачно, но меня он уже не удовлетворял.

Я уже говорил, что всякий цирковой артист должен все время совершенствовать свой номер. Работая с Людмилой, я решил значительно усложнить трюки, а для этого надо было изменить почти все.

Окончание следует

Я помню, как в детстве, зимними вечерами, мой отец брал гитару и, перебирая струны, мягко, с какой-то таинственностью в голосе напевал:

«Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полуденном,
В далекой Индии чудес!»

Эти строки, подгоняемые фантазией, рисовали удивительные картины джунглей, в зелени которых спрятались беломраморные храмы и дворцы, — а вот выезжает на охоту магараджа на слоне со своей свитой, мрачные факиры вдруг превращают дивных красавиц, украшенных жемчугом и драгоценностями, в сказочных птиц...

Радж

Он вошел в наш автобус-экспресс с улыбкой, притаившейся под узкой щеточкой черных усов.

— Я — Радж, — стал знакомиться он с нами, — но... не Капур!

Конечно, мы знали знаменитого киноактера Раджа Капура по фильмам «Бродяга», «Господин 420». А теперь познакомились и с Раджем-гидом.

Он повез нас в древний Амбер, город-крепость в горах, и в Джайпур — розовый город, на одной из улиц которого стоит знаменитый Дворец ветров.

На прощальном ужине он признался:

— Очень часто сопровождаю американцев, англичан. Но больше люблю показывать свою страну русским. Американцы хотят фокусов да факиров, а вы всё хотите знать!

Тадж-Махал

Знаменитая гробница из белого мрамора... Ее строили более двадцати лет две тысячи рабочих. Надгробная плита была украшена алмазами и рубинами. Когда Индию захватили англичане, солдаты штыками выковыривали из плиты драгоценные камни и воровали их.

Я ходил вокруг дворца и видел, как оборванные мальчишки худенькими руками чистили кружево мраморных узоров, как рабочие вручную шлифовали белоснежные плиты.

Я присел на корточки рядом с ними. Они спросили, кто я. Я ответил: «русский».

Рабочие заулыбались. Старший из них, видимо, мастер, сказал что-то парнишке, и того точно ветром сдуло. А через минуту он положил мне на руку кусок теплого, белого, как сахар, камня.

„Спасибо!“

Официант № 13. Эта цифра была вышита на груди его длиннополного белого сюртука, перетянутого в талии широким желто-синим поясом.

Правда, официант шлепал по ресторанному ковру босиком, но он был мастер своего дела.

Он подошел к нашему столу с кофейником и чайником и сказал по-русски, чем немало удивил нас:

— Чай, кофе!

Потом он говорил еще:

— Шакáр (что значило сахар), маслó, картошкá.

Мы благодарили его, а он отвечал нам вместо «пожалуйста» тоже «спасибо», а на прощанье сказал: «До свиданья, Москва!»

Школа в Бомбее

В тенистом школьном двореке — смех, крики и звонкие голоса ребятишек...

В эту школу принимают детей с трехлетнего возраста. И стараются воспитать в них уважение к человеку, любовь к Индии, ее истории и чувство прекрасного.

До шести лет девочки и мальчики играют в разные игры, поют, танцуют, затем начинается обучение.

Сказочные картинки растаяли, как только мы ступили на землю Индии.

Стране трудно. Несколько дней бушевал ураган на восточном побережье, от жары в горах растаял снег и Ганг разлился так широко, что поглотил сотни деревушек, уничтожил рисовые поля и оставил миллионы — не десять, не сто и не тысячу человек, а миллионы индусов без крыши, без горстки риса, без очага.

И уже тогда беспокойно было на пакистанских границах...

Индия, Индия! Страна солнца и слез, страна песен и голодных ночей, страна нищего прошлого и завтрашнего дня надежды!

Учителя рассказывают детям о событиях, происходящих в стране и в мире. Ребята пишут письма многим своим сверстникам из других стран. И, конечно, много рисуют.

На их рисунках — суровый папа с усами, похожий на тигра, павлин на дереве распустил яркий хвост, уличный торговец составлен из одних кругов и кубиков...

На берегу Ганга

Чем ближе берег, тем громче оглашался воздух причитающими паломников, выкриками торговцев, плеском воды, звоном и шумом улицы.

Паломники и больные поливали мутной водой Ганга свои раны, окунались с головой и, фыркая, встряхивали черными кудрями, потом складывали на груди ладони, устремляя взгляд к солнцу.

Тут же умывались, чистили зубы, стирали. Опускали тряпку в воду, мочили, потом били по плоскому камню, и так несколько раз. А жаркое солнце сушило, отбеливало длинные полотнища, сари, рубашки, с которых после такой стирки исчезали все пуговицы.

Торговцы расставили свои жаровни и, зазывая прохожих, предлагали румяные пышки, плавающие в кипящем масле.

Продавец ловко подхватывал левой рукой из таза с водой сочный зеленый лист бетеля величиной с ладонь, палочкой наносил на него розовую жидкость, затем окунал палочку в банку с молочно-белой известью и ею покрывал лист.

После всего этого лист плотно сворачивался в трубочку наподобие сигары и вручался покупателю.

Рикша склонился к заднему колесу своей коляски и подкачивал насосом спущенную камеру.

Симпатичный мальчуган лазил по ярко-красному сиденью и протирал его ветошью.

Рядом с коляской стояла девочка в желтой кофте, лет восьми. Она держала на бедре спящую сестренку.

Девочка смотрела в нашу сторону. Смотрела по-взрослому, и в ее взгляде не было ни удивления, ни боязни.

Рикша

Тут случилось маленькое событие.

Откуда ни возьмись у автобуса появилось двое заклинателей змей.

Они присели на корточки, разматывали свои узлы и отбросили крышки с плетеных корзин.

Там, скрученные в тугие кольца, ослепленные солнечным светом, замерли кобры и удавы.

Заклинатель постарше схватил мертвого удава и повесил себе на шею, в то время как другой заиграл на дудке. Змеи в корзине пришли в движение. Одна кобра подняла голову, потянулась вверх и, глядя холодными глазами-бусинками в лицо хозяина, стала раскачиваться на пружинистом хвосте.

Заклинателей окружила толпа.

Подошла и девочка в желтой кофте, с малышкой, которая проснулась и, еще не совсем сообразив, что происходит вокруг, смотрела широко раскрытыми удивленными глазами.

— Миша, сфотографируй этих девочек, — попросил я своего товарища.

Он кивнул в знак согласия и расчехлил фотоаппарат.

Я поманил девочку. А она,

едва Миша поднял фотоаппарат, побежала прочь, к отцу.

Рикша, размахивая руками, стал ругать ее, показывая то на нас, то на небо.

Заметив нас, он перестал браниться и, когда мы подошли, как-то сжался весь, втянул голову в худые плечи и растерянно заулыбался.

Я пытался объяснить жестами, показывая на девочку, фотоаппарат и себя.

— О, сэр! — отвечал рикша и в свою очередь что-то объяснял.

Возникало неприятное ощущение недоговоренности.

Миша спрятал аппарат, и мы пошли к автобусу, где нас уже ожидали.

Снова рикша

Потом мы встретили его еще раз, днем.

В холлах «Отеля де Пари» прохладно и тихо. Бесшумные вентиляторы несут волны свежего воздуха, к которому примешивается нежный запах белых незабудок и бледно-желтых маков, что стоят в серебряных вазочках.

Выхожу в парк, окруживший отель со всех сторон.

По его дорожкам гуляют павлины. С ветвей высоких деревьев свисают ярко-красные большие цветы. Там, в тенистых кронах, порхают птицы с ярким опереньем и резвятся обезьяны.

Идем с Мишей по аллее, выходящей из отеля на городские улицы.

У ворот в ожидании туристов толпятся продавцы сувениров, факиры, велорикши и ребяташки. При нашем приближении все эти люди поднялись со своих мест. Заблестели бусы, браслеты, веера из павлиньих перьев. Велорикши подогнали свои трехколески, загородив ими всю проезжую часть улицы.

Покупаем ниточку бус. Переходим на тротуар, велорикши следуют рядом, ускоряем шаг,

и они нажимают на педали, останавливаемся, и они кружат около нас. Зазывающие тихие голоса:

— Сэр, сэр, сэр,

— Ноу, ноу, — объясняем мы и жестом показываем на ноги, — мы пешком, на своих...

И тут смотрю: среди велорикш — наш старый знакомый.

Он подъезжает ближе, соскакивает с велосипеда и, втянув красивую голову в худые плечи, улыбается:

— Сэр!.. — делает жест в сторону коляски, приглашает сесть.

— О, нет, спасибо, — качаю головой.

Идем по улице, а он едет за нами шагах в шести.

Улица с небольшим уклоном вниз. Справа за ажурной изгородью розовый особняк. Во дворе тенистые деревья, клумбы с цветами.

Слуга, старый индус, посыпает дорожки белым песком. Из дома доносится женское пение под аккомпанемент мелодичного инструмента.

Каждый человек мечтает о том, чтобы жизнь его была красивой. Но пути к этой мечте ведут разные.

Пересекаем перекресток, проходим один квартал, второй, уже все велорикши нас покинули, и только один все крутит педали, не отстает ни на шаг.

Улица

Идем по торговой улице. Справа и слева сплошные лавочки, магазины, мастерские, где изготовленную вещь можно тут же купить. Стоят начищенные примусы, горы чемаданов, остроносые, украшенные ярким орнаментом туфли развешены у входа.

Вот окружили трактор человек десять. Все внимательно смотрят, как механик копается в моторе. Интересное зрелище и необычное!

Люди молчат и только изредка шепотом переговариваются. Механик высунул голову

из сплетения проводов и, трюбок мотора, жестом руки попросил всех отойти на шаг и дернул на себя заводной трос. Трактор зачихал и выпустил клубы дыма.

Улица кричит, звенит, грохочет и гудит тысячью звуков, которые волнами то набегают на тебя, то вдруг откатываются и замирают на мгновение, чтобы с новой мощью хлынуть навстречу.

Машины несутся с включенной сиреной. Это модно и считается своего рода шиком.

Шофер как нажал на сигнал, так и держит его, пока не обгонит своих соседей, а поскольку обогнать хотят все, то вой несущихся машин просто пугает.

У каждой машины, моторики или велосипеда свой голос. У одного сигнал кричит ослом, у другого напоминает плач ребенка, у третьего — перезвон колокольчиков или вопль пожарной сирены.

Вот на нас мчится автобус Высокий, двухъярусный. Верхняя часть разрисована яркими красками, а весь низ обшарпанный, с глубокими вмятинами, окна без стекол, как будто этот гигант вырвался только что с поля битвы, где его колотили камнями и палками.

Но из окон высунулись люди, смотрят на тебя, улыбаются, мальчишки что-то кричат и машут руками.

Магазин

На пороге появляется хозяин. Сложив пухлые ладони в знак приветствия, приглашает в магазин. Кажется, мы попали в одну из пещер Али-Бабы. Падающие откуда-то сверху лучи света играют на золотых стенках кувшинов с узким

горлышком, в расписных вазах из серебра, в чеканке огромных блюд.

Вырезанные из сандалового дерева фигурки богов вот-вот затанцуют. Вверх тянутся голубые струйки фимиама, незаметно растворяются в воздухе, и нежный запах смешивается с запахом сандала.

Мы восторгаемся.

Хозяин принесит две бутылки кока-колы.

В индийских магазинах принято угощать покупателя чаем, кофе или кока-колой.

Благодарим и скромно хотим удалиться, так как цены на всю эту красоту явно расходятся с нашими возможностями, но хозяин не отпускает. Берет с полки кувшины, вазы, предлагает сервизы. К нашему спасению, зашел в магазин еще один покупатель, и мы выскальзываем на улицу.

Демонстрация

Впереди раздался голоса и крики. Мы пошли в сторону перекрестка.

Видим, идет колонна. Несут лозунги, карикатуры и... красные флажки.

А на флажках серп и молот.

В далекой стране, в огромном чужом городе, в жизни, так непохожей на нашу, маленький красный флажок стал вдруг таким близким и дорогим! И невольно подумалось:

«Как все-таки мы привыкли у себя дома ко многому, о чем здесь только мечтают!»

А мимо шли люди. В куцых пиджачках, в белых навывпуск рубашках, бородатые, в чалмах, босые, они шли в нестройных еще колоннах, но уже грозных и способных снести любые препятствия на своем пути.

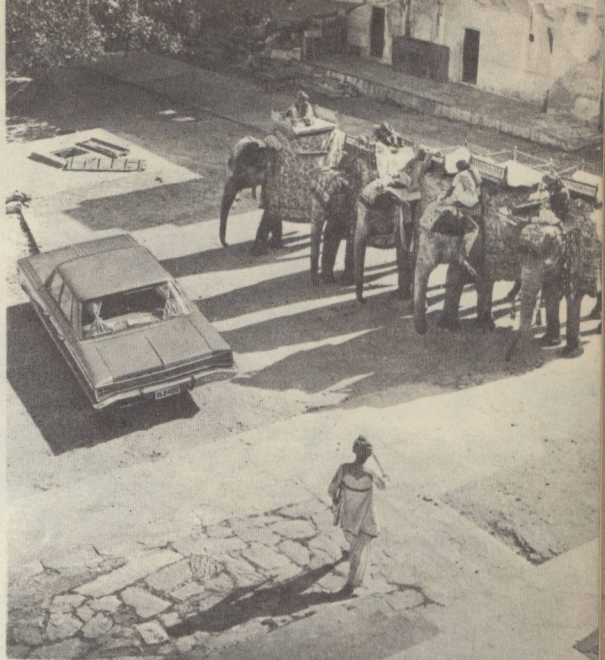
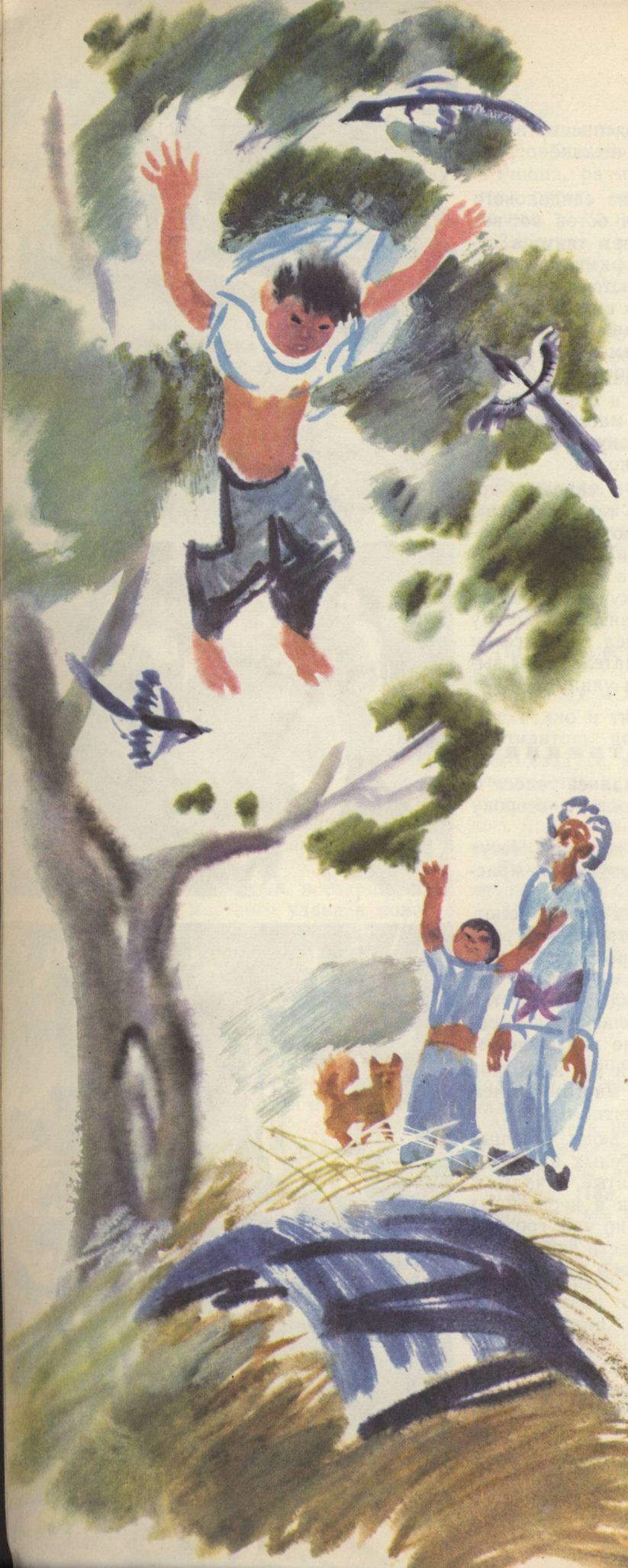

Фото Эдуарда Шинкаренко

Асад висит над землей

РАССКАЗ

Аминджон Шукужи

Рисунки Т. Васильевой

В самом начале дороги высилось огромное ореховое дерево. В его густых ветвях гнезилось множество птиц.

Когда Асад и Самад подошли к дереву совсем близко, птицы подняли невообразимый гвалт. Тут Самад вспомнил загадку в стихах и стал громко ее выкрикивать:

*Летает, как стрела,
Сидит, словно князь,
Белее молока,
Чернее, чем грязь!*

— Отгадал, отгадал! — тоже что есть мочи завопил Асад. — Это сорока! А знаешь, они, наверное, уже вывели здесь своих птенцов, поэтому так и тревожатся! Давай посмотрим, а?

— На это дерево не стоит влезать, — не согласился с приятелем Самад. Он вообще не любил лазать по деревьям, вернее, не умел. Может, потому, что был очень толстый...

— Да ты не трусь, — снисходительным тоном сказал Асад. — Я сам полезу. Нет дерева, на которое не смог бы я влезть!

— Не надо, — пытался удержать приятеля Самад. — Посмотри, где их гнезда — на самой верхушке, на самых тонких ветках!

Однако Асада невозможно было разубедить — он ведь был упрям!

Сказано — сделано. Асад всем телом прижался к стволу дерева и, словно кошка, стал карабкаться вверх. И чем выше взбирался мальчик, тем громче и тревожней кричали сороки.

Асад глянул вниз, и сердце его замерло. Однако он не хотел позориться перед прия-

телем и поэтому лез дальше, с ветки на ветку. Скоро мальчик оказался совсем близко от сорочьих гнезд.

— Ой, осторожно! Осторожно! — кричал снизу Самад.

Асад между тем ухватился за сук прямо под гнездом сороки, а ноги поставил на ветку пониже. И вдруг — трах! — ветка под мальчиком обломилась и полетела вниз. Асад остался висеть на дереве, словно белье на веревке. Под его тяжестью сук, за который он держался, стал раскачиваться. Сук словно предупреждал о том, что тоже может сломаться. Подтягиваясь, как на турнике, Асад несколько раз попытался было оседлать этот сук, но напрасно. Положение стало совсем отчаянным, когда руки устали и начали ныть.

— Ой, мамочка! Умираю! — не выдержал, наконец, Асад.

— Помогите! — во весь голос заорал и Самад.

В любую минуту Асад мог сорваться и искалечиться, а вокруг не было ни души. Самад беспомощно оглядывался, и вдруг совсем неподалеку заметил небольшие копны сена. Счастливая мысль пришла ему в голову — он схватил охапку сена и бросил ее на землю на то место, над которым повис несчастный Асад. Самад снова с сеном в руках взад и вперед, словно челнок.

— Держи вора! Держи вора! — послышался вдруг чей-то голос, и, словно в сказке, откуда ни возьмись появился седобородый старик.

— Ой, дедушка! Помогите! Асад погибает! — взмолился Самад.

— Ах ты, пострел! Ты не только сено ворешь, а еще и насмехаешься?! Не беспокойся, Асад еще сто лет проживет!

Старика, оказывается, тоже звали Асадом. Потому он и обиделся, услышав слова Самада. Самад не стал терять времени на объяснения — он молча указал на дерево и заплакал. Старик взглянул на верхушку огромного ореха и ахнул. Недолго думая, старик тоже принялся таскать сено вместе с Самадом. За несколько минут на земле, под висящим в поднебесье Асадом, выросла целая копна! Старик сбросил на сено свой черный шелковый халат и крикнул Асаду:

— А ну, тезка, прыгай!

Асад продолжал висеть на суку. Он боялся выпустить его из рук.

— Да прыгай же, прыгай! Не бойся — здесь мягко! Как на перине! — подбадривал его старик.

Асад разжал руки — другого выхода не было. Его рубашка наполнилась ветром, словно

парашют. Мальчик упал на ворох сена и тут же потонул в нем.

Старик быстро вытащил Асада из кучи сухой травы и спросил:

— У тебя все цело?

Асад потерял дар речи. Он только моргал глазами и вытаскивал из волос сухие былинки.

— Да все у него цело! Все! — вместо друга весело отвечал Самад.

— Ну, вот и хорошо! — сказал старик, утер пот со лба и устало опустился на землю.

— Ой! Ты летел, словно парашютист! — восхищенно проговорил Самад.

— А я специально так широко расставил руки... чтобы не упасть вниз головой, — хвастливо заявил Асад, который уже пришел в себя.

— Ты лучше поблагодари как следует своего приятеля, а не бахвалься, — упрекнул Асада старик. — Если бы не его сообразительность, ты бы разбился или уж, во всяком случае, переломал бы себе руки-ноги... Ду-у-урень!

— Спасибо, — смущенно сказал Асад и повзрослому пожал руку Самада.

И тут произошло неожиданное. Старик, словно ужаленный змеей, стремительно вскочил с места и влепил Асаду пощечину.

— Ах вы, шайтанята! — закричал он. — Если я еще раз увижу, как вы лазаете на этот орех, я сам вам руки-ноги переломлю!..

Напуганные внезапным гневом старика, ребята пустились бежать.

Когда они оглянулись, старик перетаскивал сено на прежнее место.

Перевела с таджикского Н. Алембекова

Дорогая редакция!

У меня возник такой вопрос: есть ли такие школы, где девушки учатся играть в хоккей с шайбой? Если нет, то почему не открывают такие школы? Я слышала, что есть школы, где девушки играют в хоккей с мячом. Вы не могли бы дать мне адрес такой школы?

Белова Маша, п. Дюртюли

Девчонка с клюшкой — этот рисунок вы видели на обложке предыдущего номера «Костра». Не правда ли, непривычно?

«Можем ли мы, как и мальчишки, играть в хоккей» — такой вопрос задают в своих письмах некоторые наши читательницы. Сегодня на страницах журнала свое мнение об этом высказывают олимпийский чемпион, спортивный обозреватель и известная в прошлом ленинградская хоккеистка.

Со своей стороны, редакция также голосует за участие девочек в хоккейных поединках с мячом. Именно за хоккей с мячом. Тот самый, в который играли Александра Жмуро, Ольга Шахова, Татьяна Налимова и другие известные спортсменки. Мы, однако, против женского хоккея с шайбой. Это игра в полном смысле слова мужская: с тяжелыми доспехами, силовым единоборством по всей площадке.

Разумеется, создание хоккейных команд из девочек должно происходить под неусыпным наблюдением опытных тренеров. Для начала матчи следует проводить по упрощенным правилам, на укороченных полях. Если какая-нибудь из пионерских дружин организовала уже нынешней зимой первый турнир юных хоккеисток, напишите, пожалуйста, об этом в «Костер».

Ждем вас, девчонки с клюшками!

О женском хоккее у нас в стране и за рубежом рассказывает спортивный журналист Михаил Эстерлис.

Женщин с клюшками в нашей стране увидели в середине двадцатых годов. Первыми в «чисто мужскую» игру вторглись спортсменки Ленинграда, и первый официальный матч зарегистрирован 14 марта 1926 года в городе на Неве.

Но уже спустя год москвички обыграли в Ленинграде начинательниц, да еще с разгромным счетом 7:1! Кубок СССР в предвоенные и первые послевоенные годы оспаривали команды лишь двух городов — Москвы и Ленинграда.

Самая знаменитая команда — московский «Буревестник». Почти ежегодно почетный трофей — хрустальный

Вот они, славные ленинградские хоккеистки

кубок — доставался хоккеисткам «Буревестника». Но в знаменательном 1945 году традицию нарушили столичные динамовки, обыгравшие грозных конкуренток. На следующий год «Буревестник» взял реванш, а еще через год в финале московское «Динамо» взяло верх над ленинградскими одноклубницами — 5:0. Увы, это был последний розыгрыш...

До сих пор болельщики со стажем помнят знаменитого вратаря ленинградец Шуру Жмуро, впоследствии Александру Федоровну Федорову, жену популярного хоккеиста и футболиста, а затем — известного тренера. Федорова — одна из трех «женских» мастеров спорта по хоккею. Блестали на хоккейных полях и знаменитая легкоатлетка Ольга Шахова, теннисистка Татьяна Налимова и другие чемпионки.

В Чехословакии весьма распространенная и популярная фигура — хоккейный арбитр-женщина. Дело в том, что в детских спортшколах многие женщины преподают хоккей с шайбой, а потому и обладают отличными навыками судейства.

А на родине хоккея с шайбой — Канаде, женщины не довольствуются ролью судей — они сами облачаются в тяжеловесные доспехи и выезжают на ледяную площадку, чтобы по-настоящему сразиться между собой. Ведущая лига «Центральный Онтарио». В этой провинции зарегистрировано более шестидесяти женских команд. Восемь лучших оспаривают первенство страны кленового листа.

Две женские хоккейные лиги имеются и в крупнейшем городе страны — Монреале. В каждом канадском университете обязательно есть своя женская команда. И ничего удивительного — ведь, как правило, девочки осваивают коньки здесь уже с двух лет.

Есть в канадском женском хоккее настоящие самоделки.

Так Беф Бивар до тринадцати лет с успехом выступала в команде... юношей, а затем уже перешла во взрослую — женскую. Заслуживает внимания мнение известного канадского хоккейного специалиста Джека Адамса: «Женщины мыслят на льду лучше, чем некоторые игроки-профессионалы из НХЛ*, которых мне довелось тренировать».

Как правило, матчи канадских женских хоккейных команд, не в пример мужским, протекают весьма корректно. Но бывает (крайне редко!), спортсменки, сбросив перчатки, начинают на льду «выяснять отношения». Судят же здесь только мужчины. А играют женские команды в Канаде по тем же правилам, на тех же площадках, в тех же доспехах, что и мужчины.

* Национальная Хоккейная Лига

А вот что сказал по этому поводу Борис Майоров, заслуженный мастер спорта, олимпийский чемпион, тренер молодежной сборной команды СССР по хоккею с шайбой.

Не знаю, как для кого, а для меня с братом Женкой (мы — близнецы) первым хоккейным университетом было известное многим москвичам Ширяево поле. И клюшки-то мы взяли впервые в руки под впечатлением женского хоккея. Здесь в послевоенные годы часто тренировались женские команды по хоккею с мячом, и нам, тогда еще десятилетним мальчишкам, «мужское достоинство» не позволяло отставать.

И сейчас отчетливо помню тот день, когда впервые послал клюшкой мяч в ворота, защищаемые на разминке... девушкой.

Уверен, что «слабый пол» нынче незаслуженно отстранен от динамичной, увлекательной игры — от русского хоккея. Уверен, что игры женских команд и сейчас доставили бы удовольствие не только их участницам, но и зрителям. И, кто знает, не дадут ли они путевку в спорт сотням мальчишек и девчонок, как это было со мной и с моим братом.

Вспоминает бывший защитник сборной хоккейной команды Ленинграда, скульптор Нина Николаевна Ковенчук.

(На фото она стоит вторая слева)

С конца двадцатых годов я работала в «Красной газете». У нас на стадионе печатников мы могли заниматься различными видами спорта. Я любила греблю, некоторые виды легкой атлетики и теннис. А когда организовались женские команды хоккея с мячом, я тоже решила записаться. У меня сразу появилось одина-

дцать друзей. Тренировались мы два раза в неделю после работы. Оказалось, что на катке можно проводить время поинтересней, чем просто бегать от забора к забору. От каждого удачного удара чувствуешь большое удовлетворение и видишь вокруг возбужденные игрой улыбающиеся лица друзей.

Каждое воскресенье у нас была игра. Женские команды по расписанию играли рано утром. И вот мы ставили будильник на семь утра и затемно ехали куда-нибудь в Мурзинку на стадион «Большевик» или на «Красный треугольник». Когда нашу команду привезли первый раз на стадион «Динамо», в раздевалке мы встретили наших противников. Они пришли посмотреть, с кем им придется играть. Все такие рослые и самоуверенные, и кто-то из них презрительно сказал: «Что это, детей привезли». А другая добавила: «Счетки». А во время игры «счетки» показали себя. Самая маленькая, Тося Андреева, сумела проскользнуть между широко расставленных ног высокой Налимовой и забить мяч в ворота.

А какое волнение мы испытывали перед каждой игрой, а как после игры мы шумели, радовались и шалили, а когда ехали обратно в трамвае, засыпали, положив головы на плечи соседки, а потом всю неделю вспоминали и переживали игру.

А когда четверо из нашей команды, в том числе и я, попали в сборную города, стало еще интереснее. Мы поехали в Куйбышев на первенство «Спартака». Помню когда нас везли по главной улице города, между домами был натянут стяг «ПРИВЕТ ЛЕНИНГРАДСКИМ ХОККЕИСТКАМ!». Игры были посвящены 8-му Марта. После матча мы пошли на Волгу и с подветренной стороны загорали на барже. Вспоминать это все очень приятно. Но участвовать в этом было еще приятнее!

Из собрания
Е. Калмановича

Рисунки
М. Беломлинского

В ПОИСКАХ ВДОХНОВЕНИЯ

Естествоиспытатель Бюффон (1707—1788), готовясь писать, наряжался как на бал. В завитом и напудренном парике, при шпаге и в кружевных манжетах, он торжественно шествовал из комнаты в комнату. В каждой стоял стол с письменным прибором. Ученый на минутку присаживался, набрасывал несколько строк, затем так же медленно и чинно двигался дальше.

ЭЙНШТЕЙН В РОЛИ УЧЕНИКА

Великий ученый Альберт Эйнштейн в часы досуга любил играть на скрипке. Музыкаой с ним нередко занимался известный пианист Шнабель.

Когда Эйнштейн сбивался с такта, Шнабель сердился и кричал своему ученику:

— Вся ваша беда состоит в том, что вы никак не научитесь считать до четырех!

«КНИГА ГЛУПЦОВ»

У французского короля Генриха IV был любимый шут, который вел «Книгу глупцов», куда записывал нелепые случаи и промахи, совершаемые придворными.

Однажды путешествующий купец был принят королем, долго беседовал с ним и, получив от Генриха крупную сумму на покупку для французского двора скакунов в Аравии, отбыл. Шут тотчас же записал имя короля в свою толстую книгу.

— Почему ты записал меня в книгу? — спросил Генрих.

— Вряд ли было мудро отдавать деньги человеку, которого, по всей вероятности, больше никогда не увидишь!

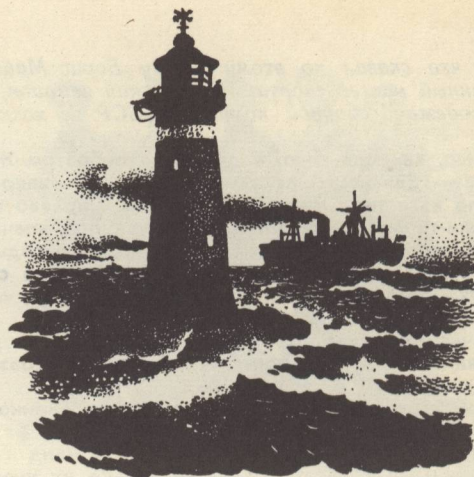
— Ну, а если все-таки...

— Тогда я вычеркну твоё имя — и впишу его!

НА ВЫСТАВКЕ „КОСТРА“

Один из старейших художников «Костра» Владимир Тамби любил рисовать самолеты, аэростаты, поезда, автомобили и обязательно корабли. Военные и торговые, огромные лайнеры и малютки катера.

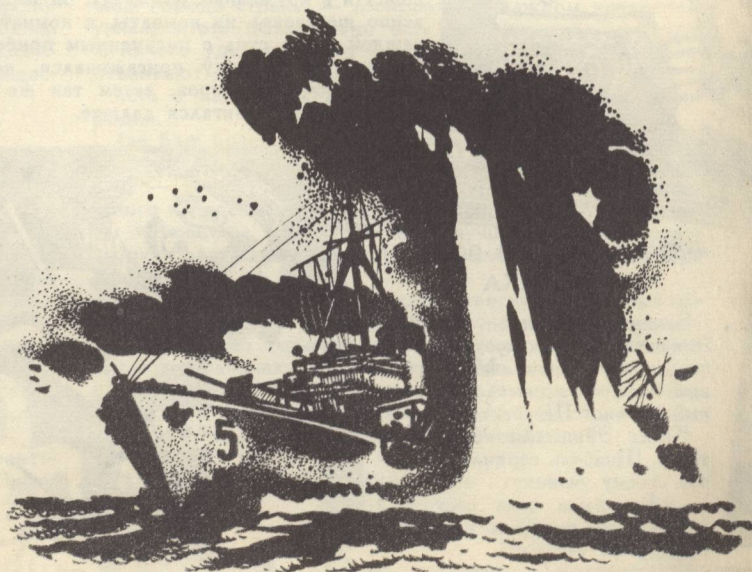
В юности Тамби плавал матросом, и потому в его работах так много техники, созданной в помощь морякам — портовые сооружения с грузовыми стрелами, подъемными механизмами, подъездными путями.

Знаток техники, Тамби прекрасно представлял, как она будет развиваться. И часто с карандашом в руке мечтал — рисовал такие сооружения, такие корабли, каких в его время еще и не строили.

Другой художник «Костра» Николай Кузнецов свои ранние работы — гравюры, рисунки, вырезанные на дереве, впервые напечатал во время блокады в «Костре». И вскоре ушел воевать.

С войны он вернулся инвалидом и продолжал работать как художник. Темы его рисунков — война, победа, романтика революционной борьбы.

На выставке — рисунки Н. Кузнецова к рассказу о декабристе К. Ф. Рылееве.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ КОНИ

Машины мелькают на каждом шагу,
Троллейбусов сколько—сказать не могу!
Трамваев, автобусов тоже не счесть,
И странно, что кони на улицах есть.

Идут они шагом,
Встают на дыбы,
Готовы к атакам
При звуке трубы.

Четыре упрямых
Коня на мосту.
Шестерка коней
Поднялась в высоту.

Бегут они, скачут,
Трясут головой,
Всех больше мне нравится
Конь над Невой.

Он топчет копытом большую змею,
И в сторону всадник не смотрит мою.

Сейчас он сорвется
С конем со скалы
И вдаль унесется
Средь снега и мглы.

Александр Кушнер

1

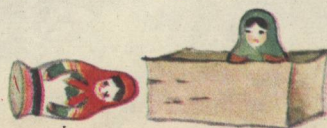

ВО ЧТО ИГРАЮТ СТАРУШКИ

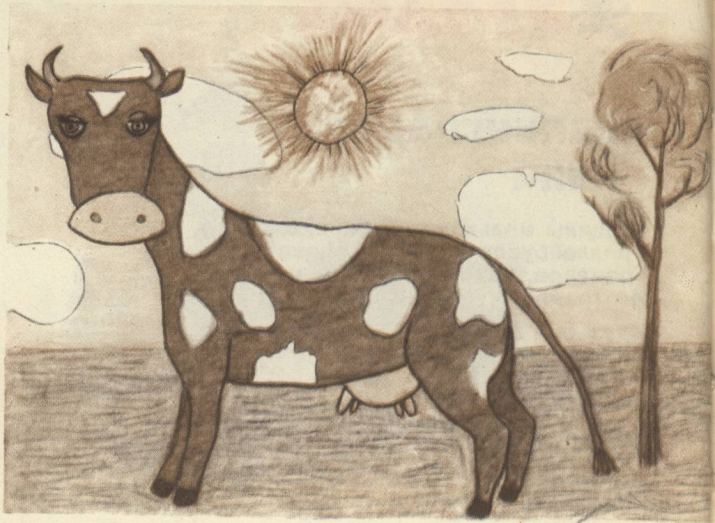
Говорят, что старушки
Не играют в игрушки,
Что играют старушки в лото,
А старушки играют,
Играют в игрушки,
Только это не видит никто.

И не только в игрушки
Играют старушки,
А играют, оставшись одни,
И в пятнашки,
И в прятки,
И даже в «лошадки»,
Вспоминая минувшие дни.

Вл. Лифшиц

3

ДВА ПОДАРКА К 8 МАРТА

Юра Бочаров очень любит рисовать, а рисовать маму — особенно. На 8 Марта он подарил маме ее портрет и еще рисунок.

А Сережа Поляков 8 Марта усадил маму на диван, а сам встал на стул и сыграл на скрипке новый этюд, очень трудный и красивый.

А папе и дедушке, когда они пришли с работы, он сыграл гаммы и старый этюд. «Потому что, — сказал он, — дареное не дарят».

На этой странице «Уголька» вы видите Юрин подарок. Сережин подарок — музыку — мы здесь напечатать не можем. А жаль!

Адель Богатых

2

СНОВА ПРО НАТАЛКУ И ЕЕ СМЕКАЛКУ

Огород, рассада, лейка —
Вот она, моя скамейка!

И Наталка села на скамейку, вытащила из кармана нитки, иголку, салфеточку — все для вышивания. В это время налетел ветер, салфетка вырвалась из Наталкиных рук и повисла высоко на кусте.

Что же делать?

Наталка внимательно осмотрелась: огород, рассада, лейка, куст чертополоха.. И ЛУКАВЫЙ ОГОНЕК ЗАЖЕГСЯ В ЕЕ ГЛАЗАХ:

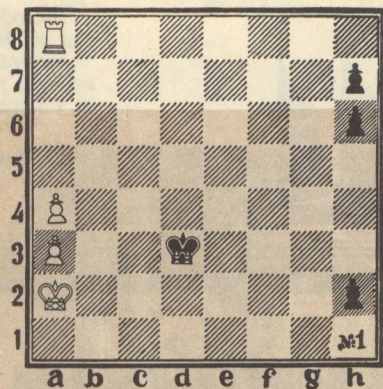
Тут как тут моя салфетка,
Если что-то бросить метко!

А вы догадались, как Наталка достанет свою салфетку!

Б. Невский
Рисунки Б. Семенова

4

КТО ВЫРУЧИЛ?

На столе шахмат-адмирала завонил телефон...

— Это штаб АРЧЕБЕКА? Мой друг Вася сидит с открытым ртом! И не может его закрыть! Помогите!

— Какой Вася? При чем рот? Здесь не поликлиника!

— Я знаю... Но Вася выиграл у Петьки ладью. А потом Петькина пешка прошла на h2, и вышло такое положение (диаграмма №1), что Вася схватился за голову:

«Зевнул! На ничью согласен?»

«Нет», — сказал Петька.

«Тогда шах! 1. Ld8+. Согласен теперь?»

«От шаха не умирают. 1... Крe2».

«Тогда еще шах! 2. Ле8+. Понял?»

«А что мне понимать? 2... Крf2».

«Вечный же шах! 3. Лf8+. Ну? Видишь? Не тани!»

«А куда спешить? Пожар, что ли? 3... Крg2».

«Тогда еще получи...», — и тут Вася заметил, что при шахе с g8 король скроется на h3. Как быть? Сдаться Петьке — об этом узнают и школа, и двор, и вся улица! Вот и раскрыл рот... А теперь не закрыть! Может, ничью найти, тогда закроется? Помогите!

— Все ясно, — сказал Ферзьбери. — Помощь будет.

Доблестные рыцари! Кто выручит человека? Кто покажет, как спастись белым после 3... Крg2? Человек ждет с раскрытым ртом!

ОЛИМПИЙЦЫ, К БОЮ!

Шахматные рыцари! Сегодня вам предстоит высказаться о задачах арчебековца из Одессы Валерия Пронина. Он утверждает, что в задаче «А» при любых защитах черных белые объявят мат в 2 хода, а в задаче «Б» — в 5 ходов. Согласны вы с ним?

А. Белые: Крb6, Лd7, Се7, Сg8, Кb4, пп. f2, h3 (7); черные: Кре5, пп. e4, f3, f5 (4).

Б. Белые: Крg2, Се3, Кс3, пп. d3, e2, f2 (6); черные: Крe1, п. f6 (2).

АРЧЕБЕК

Шашечные рыцари! Вы также должны разобраться в позициях арчебековцев. Бекен Тайбуров (с. Георгиевка Чимкентской области) пишет, что белые выиграют в такой его концовке —

А. Белые: простые c1, d4, e1, g5 (4); черные: дамка a1, простая g7 (2).

Предлагает найти выигрыш за белых и Витя Кузнецов (р. п. Черлак Омской области).

Б. Белые: b2, b4, c3, d4, f6, h4, h6 (7); черные: a5, b6, f2, f8, h2, h8 (6).

Боевое задание олимпийцам даю. К выполнению приступить!

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Все помнят, как в «Мойдодыре» от грязного мальчишки усакала подушка, улетела простыня, убежали одеяло, брюки, сапоги, утюг, бутерброд... Представьте на месте этого мальчишки себя — испугались бы? Струхнул и он. Вот почему и не заметил, что с прочими вещами пустились наутек и шахматная доска и три стоявшие на ней фигуры.

Потом, как вы знаете, вещи-беглецы вернулись на свои места. Но не все: черный король не захотел возвращаться на доску и уверял, будто он и не стоял на

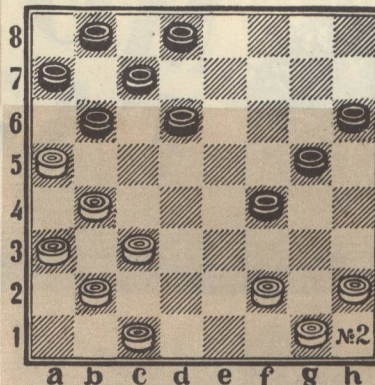

ней. Это неправда! Он стоял на доске! И стоял так, что белые могли дать ему мат в 2 хода!

Боевое задание: 1) выяснить, на какой клетке стоял черный король 2) показать, как белые давали мат в 2 хода.

НЕ ТОЛЬКО С 8 МАРТА

Все рыцари АРЧЕБЕКА, конечно, готовы следить за поединком чемпиона мира Бориса Спасского с претендентом на этот титул Робертом Фишером. Но все ли знают, что младшую сестру чем-

пиона уже можно поздравить? И не только с 8 Марта.

Ираида Спасская, как и ранее Борис, начинала спортивный путь в Ленинградском Дворце пионеров им. А. А. Жданова, но «специализировалась» не в шахматах, а в шашках. И вот теперь она — мастер спорта и четырехкратная чемпионка Советского Союза.

В этой партии (диаграмма №2) ход был черных. Положение казалось равным... Вдруг Спасская пожертвовала шашку! 1... f4—e3! 2. f2:d4 b6—c5 3. d4:b6 a7:c5. Это было неожиданно и красиво! У черных шашкой меньше, но как пойти белым? И 4. c1—d2, и 4. g1—f2 проигрывает сразу из-за 4... d6—e5X. Белые сыграли 4. h2—g3. Однако после 4... c5—d4 5. c3:e5 d6:h2 шашек опять стало поровну, а прорыв черных в дамки отразить невозможно. Вскоре белые сдались.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» №1 решают так.

Шахматы. А. 1. Фh1!, и при любом ответе черных — им будет объявлен мат.

Б. 1. Фе5!, и мат черным обеспечен.

Шашки. А. 1. cb6! 2. hg3 3. gf4X.

Б. 1. bc5! 2. ba3 3. gf6X.

За каждую верно решенную задачу Олимпийского турнира рыцари начисляют на свой счет пять очков. Листок с учетом очков хранить до того, как его потребует шахмат-адмирал (в августе).

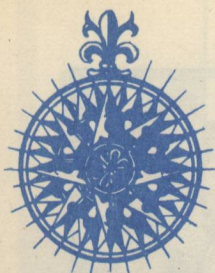
ПРИКАЗ №3

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§1. Рыцарям-олимпийцам и рыцарям доложить о выполнении боевых заданий до 15 мая!

§2. На конверте (левый верхний угол) помечать: «АРЧЕБЕК, приказ №3». Два рапорта сразу не принимаются.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

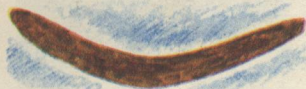

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 16-й

БУМЕРАНГ, КОТОРЫЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Когда шхуна «Заря» стояла в австралийском порту Фримантл, на борту ее поднялись несколько пожилых седых женщин и одна из них сказала: «Мы хотели бы видеть русскую женщину Наташу, которая плавает на этом парусном корабле. О ней так много пишут в наших газетах...»

— Это можно, — сказал капитан. — Эй, на полуоте, позовите Русанову!..

Не подумайте, что Наташа Русанова числилась, ну, скажем, помощником капитана. Или штурманом... Или рулевым. Нет. Наташа — инженер-радиофизик. Об этом тоже писали австралийские газеты. И еще газеты писали, что русская девушка-инженер получает такую же зарплату, что и мужчины, и это было для австралийцев тоже удивительно, потому что австралийская женщина получает вполнину меньше мужчины.

— Меня зовут тетушка Бидди, — представилась Наташе одна из пожилых дам. — Мы из Лиги австралийских женщин. И мы очень рады вас видеть — бесстрашную красивую русскую женщину... Мы хотели бы сделать для вас приятное. Это в обычаях нашей страны... Назовите то, что вы желаете, чтобы вам подарили, и мы сделаем все возможное, чтобы вы получили это.

И пожилые седые дамы закивали головами: «Да, мы сделаем все возможное...»

Далеко за волноломом шумел прибой и ветер раскачивал неведомые

Наташе розовые деревья на австралийском берегу. Дамы, которых было странно видеть на палубе шхуны, вежливо ждали ответа. Ждала и тетушка Бидди. И тогда Наташа улыбнулась и сказала: «Я всегда мечтала о настоящем бумеранге, бумеранге, который возвращается...»

И тетушка Бидди отошла к своим дамам, и они долго советовались. Они очень долго советовались, и, наконец, тетушка Бидди сказала Наташе: «Хорошо. Пусть это будет бумеранг».

«Заря» ушла дальше, в Индийский океан, и Наташа забыла о тетушке Бидди и бумеранге. Она и не знала, как нелегко в Австралии достать настоящий бумеранг, который возвращается. Ведь то, что обычно дарят многим — это фабричная подделка... Она и не знала, что в это самое время старый добрый знакомый тетушки Бидди, художник Френк, пробирается на северо-запад Австралии, разыскивая племя варрамунга, обитающее в Красных Холмах...

И если шхуна «Заря» уходила все дальше от Австралии, то художник Френк забирался все глубже и глубже в дебри холмов и лесов в поисках племени, которое еще умеет делать настоящие бумеранги...

Потом «Заря» вернулась в Ленинград. Прошло уже много месяцев, и однажды Наташа получила посылку и письмо. В посылке был бумеранг, сделанный кремневым ножом из легкого и крепкого дерева. А в письме тетушка Бидди написала: «Мы очень рады, что смогли исполнить ваше желание... Быть может, вам будет интересно узнать, что бумеранги бывают разные. В Австралии известен бумеранг для убийства людей — это «килие», бумеранг, который не возвращается. Таких у нас в Австралии давно уже не делают. Мы посылаем вам настоящий бумеранг, бумеранг, который возвращается. Пусть он вам напоминает об Австралии...»

Олег Орлов

ОКЕАНСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

КОРАБЛИ И КОСМОС

«Космонавт Юрий Гагарин» — самый большой в мире корабль для управления космическими ракетами. Построен он в СССР. Такие корабли не спутаешь с другими — огромные чаши радиолокационных антенн поднимаются выше мачт.

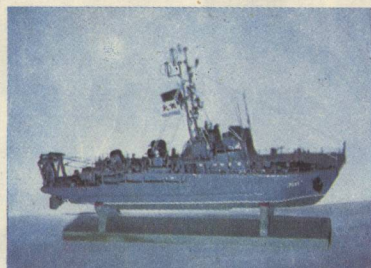
ОКЕАН-2

МОДЕЛИ, ПРИСЛАННЫЕ НА КОНКУРС

Фото Н. Кокуриной

Линейный корабль «Европа»,
командир Миша Шилин,
Ленинград.

Тральщик «Маяк», командир Ваня
Бучковский, клуб «Маяк»,
с. Комсомольское Николаевской обл.

Эсминец «Бойкий»,
командир Женя Голиков,
Москва.

Существует ли Великий Морской змей

(некоторые неоспоримые факты, собранные боцманом Румпелем, и одна гипотеза, возникающая из этих фактов)

В 1848 году, у берегов Африки, команда английского судна «Дедал» заметила в волнах громадного змея длиной в тридцать метров. Один офицер даже успел зарисовать чудови-

ще, шея которого была толщиной с хорошую сосну...

Но ученые — народ недоверчивый. Рисунок и рассказ очевидцев им мало, им подавай шкуру и кости. По-

тому и происшествие с «Дедалом» они посчитали одной из легенд о Великом Морском змее.

Но вот что интересно: совсем недавно, точно в тех же местах у берегов Африки, ученые поймали личинку угря. Обычно личинка бывает длиной в 4—5 сантиметров, а эта — около двух метров!..

Если из обычной личинки вырастают двухметровые угри, то что вырастет из двухметровой личинки? Ученые решили считать эту личинку — уродом. Ну, а если не урод? И ведь на том самом месте, где Великого Морского змея увидела команда «Дедала»...

В КУНСТКАМЕРЕ

Робинзону пишет Юра Лихман из Белгорода: «Я посылаю вам марку, которую подарил мне дедушка. Он сказал, что эта марка была приклеена на письмо его друга — моряка, служившего на Балтике в первые годы Советской власти».

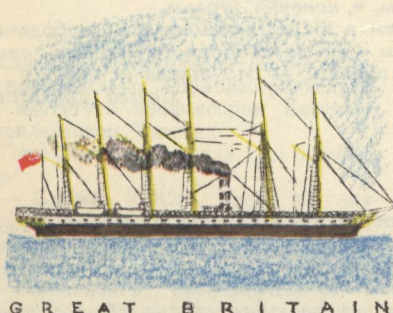
Ответ Робинзона: «Дорогой Юра! От всей души благодарю. А нельзя ли разыскать этого моряка? Он мог бы, наверное, порассказать много интересного... Еще раз спасибо за письмо и марку. Думаю, что и тебя порадует мой подарок. Высылаю небольшой альбом с марками на тему «Космос».

Я видел „Great Britain“

СООБЩАЮТ
ЮНКОРЫ

Прошлым летом мы побывали в гостях у английских ребят. Отдыхали в лагере, ездили к морю и очень подружились. Однажды они повезли нас на автобусах в Бристоль. Приехали, вышли. Смотрим: стена не сте-

на, сарай не сарай — черные доски и ржавое железо. Пошли вдоль стены, видим — руль. Похоже, значит, на корабль. И точно — поднялись по трапу на палубу. Все здесь было заброшено, разбито. Нам объяснили, что это бывшая гордость Великобритании — старинный пароход «Great Britain». Его в 1843 году в Бристолье построили. С тех пор много-много лет прошло, и вот на корабельном кладбище, на Фолклендских островах пароход отыскали и через всю Атлантику привели на понтонах в Бристоль. Решено его восстановить в прежнем виде. Сойдя с корабля, заглянул я в маленький музей. Там был вот этот рисунок — «Great Britain», каким он был в прошлом веке. А какой он сейчас, я сфотографировал на память.

Игорь Брусаков, Ленинград

СЕРЬЕЗНОЕ ДЕЛО — ИГРА

«Что наша жизнь — игра!» — поет несчастный офицер Герман в опере «Пиковая дама».

«Игра — это наша жизнь!» — говорят пионеры лесногородской средней школы под Москвой. И понятно, что им можно только позавидовать.

В лесногородской школе, так же как и во многих других, существовал Клуб интернациональной дружбы. Ребята переписывались с англичанами, немцами, выпускали стенгазеты на иностранных языках. Но ведь подлинный интернационалист — это прежде всего патриот, которому прошлое своего народа не менее дорого, чем его будущее. Кроме того, друзья из Англии и ГДР в своих письмах спрашивали: «Как вы проводите время, во что играете, как отмечаете праздники?»

И вот в феврале 1969 года КИДовцы решили организовать проводы зимы по всем правилам, с хороводами и блинами. Так впервые в лесногородской школе состоялся традиционный русский праздник «Широкая масленица». По традиции воевали с зимой, которая не хотела добровольно уступать своих рубежей, теснили разбойников, ставших на ее защиту. Потом бросили за околицей на снег горячий блин, в снегу образовалась круглая маленькая полянка и оттуда (чудеса да и только!) выглянули ярко-зеленые стебли. Кто-то в толпе школьников лукаво посмеивался, он-то знал, каких трудов стоило замаскировать под тонким слоем снега ящик с землей и зелеными ветками.

Потом водили хороводы, пели, вспоминали игры, кто какие знает...

Владимир Михайлович Григорьев, руководитель КИДа: Своим днем рождения мы считаем 17 апреля 1969 года. Услышали по радио, что объявлен конкурс на лучшую игру. До окончания срока конкурса оставалось меньше месяца. И все-таки за неделю мы собрали в окрестных деревнях 303 игры. Лучшие мы записали, проиллюстрировали рисунками и фотографиями. Так возникло наше маленькое издательство — «Шире круг». Его главный редактор Наташа Соловьева.

В конкурсе мы заняли первое место. Секрет успеха в том, что действовали ребята не в одиночку, а коллективно. В качестве приза группа ветеранов КИДа получила путевки в пионерский лагерь «Орленок» на сбор победителей конкурса.

Люда Зиборова: Там мы познакомились с пионерами из других республик, которые научили нас своим национальным играм и забавам. Вернувшись из лагеря, мы начали пропагандировать эти игры среди пионеров Подмоскovie. Тогда-то и возникла мысль поехать в этнографическую экспедицию.

Этнография — наука, изучающая обычаи и нравы разных народов, то есть народоведение, в переводе с греческого. (Этнос — народ, графо — описывать, изучать). Игры, так же, как песни и сказки, выражают чувства народа, его отношение к жизни. В институте этнографии нам дали подробную научную консультацию, как обрабатывать полученные сведения, на какие детали обращать особое внимание.

Сереза Головлев: Все знают, как это увлекательно, сколько приключений, сколько нового увидишь в пути! Но когда перед тобой стоит научная цель — это еще интереснее, больше ответственности.

За два года мы побывали на Оке и Волге, в местах, связанных с детством Володи Ульянова, в Эстонии, на Псковщине и всюду собирали и записывали игры.

Юра Ильдьяков: Записать игру дело не простое. Иной раз подойдешь и с ходу: «Во что вы играли в детстве?» Человек смущается, молчит, «не помню» и все тут. Но сейчас у нас уже имеется некоторый опыт. Путешествовали мы как-то вдоль Оки. Зашли в деревню. Видим, девчонки со скакалками. Как бы их не спугнуть, ведь разбегутся. Толя Сенцов нашел способ. Подходит к ним и говорит: «Примите меня». Парень он здоровый, те ему едва до пояса. Но ничего, взял веревку, начал прыгать, да еще как здорово. Девочки удивились, засмеялись, значит, прониклись доверием. Тут уж и мы подошли и записали с их слов все, что нас интересовало.

Галя Скорбятюк: Больше всего на свете мы ненавидим скуку. Ведь от скуки человек становится лодырем, сплетником и даже хулиганом. С тех пор, как мы занялись этнографией, нам никогда не бывает скучно. Все праздники и дни рождения мы отмечаем вместе, водим хороводы, поем, и, конечно, играем.

То, что мы делаем в КИДе, отнимает все свободное время, но ведь чем меньше свободного времени, тем больше успеваешь сделать, — это старая истина.

Сергей Довлатов

Из коллекции лесногородцев

1. «ШОДЕР» — ВЕНГЕРСКИЙ ХОРОВОД.

Записан Галей Скорбятюк и Юрой Ильдьяковым со слов Э. К. Поллессинской.

Все становятся в круг и идут по солнцу со словами:

Гори, гори, костер,
И ярче нам свети,
Где-то тут дружок мой милый,
Как его найти?

А в это время в центре круга против общего дви-

Рисунки

И. Казаковой

жения идут, взявшись за руки, несколько человек. Они останавливаются, каждый выбирает себе друга и поет:
Шодер, шодер, тебя я другом выбираю,
И тебе на память улыбку я дарю!

Со словами: «И тебе на память улыбку я дарю» — меняются местами. Хоровод начинается сначала.

2. «ЖГУТ»

Эта игра записана в тех краях, где когда-то стояла Запорожская Сечь. Жгут — забава смелых и выносливых. Ее очень любили моряки и солдаты.

К дереву привязывают веревку на свободной петле. Водящий берется левой рукой за ее конец. В правой руке у него жгут (или шарф, или носовой платок с узлом на конце). Все участники игры стоят вокруг дерева. Водящий бежит по кругу, держась за веревку, и ста-

рается хлестнуть жгутом кого-нибудь по ногам. Тот, кому досталось, заменяет водящего. Условие игры — не хныкать.

«А У НАС ИГРА ТАКАЯ...»

Пусть этой фразой начинаются ваши письма в редакцию, дорогие друзья. Присылайте нам описания своих местных игр (только не настольных) с чертежами и рисунками.

В результате конкурса мы составим коллекцию игр, и тогда наши читатели, живущие на Севере, познакомятся с играми южан, а ребята с Юга — с северными играми.

Призы ждут победителей конкурса, девизом которого будет:

Каждому двору — новую игру!

Костя Теркин берет интервью

Сегодня я беседовал с ректором Ленинградского кораблестроительного института профессором Евгением Васильевичем Товстых.

Первый вопрос задал сам профессор:

— Скажи, Костя, какие ты знаешь аппараты, с помощью которых человек может погружаться под воду?

— Акваلانги... батискафы...

— И не только. Есть еще батисфе-

ры, гидростаты. Но все они, к сожалению, не очень удобны. С аквалангом можно погрузиться лишь на пятьдесят-шестьдесят метров и ненадолго. Батисфера и гидростат опускаются значительно глубже, но у них свой недостаток — неподвижность. Они жестко связаны с судном прочным тросом. Наблюдатель в них видит только то, что оказывается перед иллюминатором. Самый глубоководный аппарат — батискаф — не может перемещаться в горизонтальном направлении.

А вот в нашем студенческом конструкторском бюро создан аппарат, который легко передвигается в любом направлении, погружается на большую глубину и может помогать рыбакам ловить рыбу.

— Но ведь на каждом рыболовческом судне теперь есть приборы, которые помогают рыбакам!

— Да, таких приборов в последние годы появилось много. Они обнаруживают косяки, определяют их скорость и направление движения. Но как ведет себя рыба на глубине? Почему не всегда попадает в сети? Выберут трал, а в нем мизерное количество рыбы. Капитан изменит курс, но и вторая попытка окажется не-

удачной. И приборы замолчали: ушел косяк! Наш новый аппарат будет прямо под водой наблюдать за косяками.

— Расскажите, пожалуйста, Евгений Васильевич, об этом аппарате.

— Студенты назвали его «Афалина». Он небольшой, компактный, очень подвижный — совсем как дельфин. Экипажу очень легко управлять «Афалиной»: нажмешь кнопку — аппарат выполнит нужный маневр. Внутри кабины автоматически поддерживается заданная температура. А это важно и для акванавтов, и для приборов. В распоряжении экипажа — кинокамеры и осветительная аппаратура, приборы для определения качества воды, для изучения рыб и морского дна. Обо всем, что им станет известно, акванавты немедленно доложат наверх, на траулер. Капитан, получив информацию из морских глубин, внесет, если надо, поправки в курс судна или изменит положение трала. Когда начнут плавать наши «Афалины» — рыбе трудно будет миновать сети! Но не только рыбакам пригодится наш аппарат. Им смогут пользоваться и геологи, и гидрологи.

— Благодарю вас, профессор, за беседу. До свидания!

В один прекрасный день мамы, бабушки, тетушки, сестры и соседки мальчиков из квартиры № 64 обнаружили множество неизвестно откуда появившихся вещей.

— Что это такое? — спросили они.

— Что это такое, — ответили мальчики, — вы узнаете, если составите начальные буквы названий этих предметов, материалов, из которых они сделаны, вместе с цифрами размеров в том порядке, как они расположены.

Правда, мы сами не совсем твердо запомнили эти названия и цифры. На всякий случай мы около каждой вещи написали по три названия или числа, одно из которых уж точно верное.

Как вы думаете, долго пришлось разбираться в этой путанице? Не попробуйте ли вы, ребята и девочки, взяться за это дело?

Впрочем, помните, что не так дорого название, как дорого внимание.

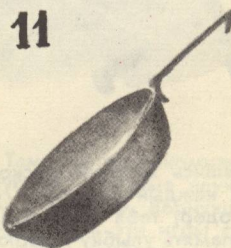
1

Гардения?
Бегония?
Папирус?

6

РЕЦЕПТ:
Молоко $\frac{1}{2}$ ст.
Мука 2 ст.
Сахар по вкусу
3 яйца

оладьев?
кекса?
печенья?

11

Бронзовая?
Оловянная?
Алюминиевая?

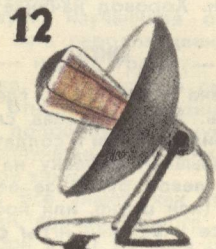
2

Офорт?
Ботфорт?
Витраж?

7

Бирмингем?
Мирабель?
Имбирь?

12

Рефлектор?
Миксер?
Тостер?

3

Торшер?
Дуршлаг?
Портшез?

8

Бублик?
Калач?
Рогалик?

13

Полон?
Териден?
Люминал?

4

Аэрозоль?
Протерозой?
Креозот?

9

Размер №:
8?
36? 21?

14

Артишок?
Коришзон?
Патиссон?

5

брюк?
пальто?
рукавицы?

10

Силлабика?
Майолика?
Эклектика?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 1

1. План комнаты обозначен литерой В.
2. Площадь комнаты 12 кв. м
3. 150 плиток (120 размером 30×30 см+30 размером 20×20 см)
4. Потребуется 8 кусков (2,5 м обоев—лишние)
5. Нужные обои в рулоне под цифрой III.
6. Три шкафика-секретера, один—со столом.

СОДЕРЖАНИЕ

Встреча с Воротаном очерк и фото Л. Вагановой	1
Жаркое лето повесть Н. Печерского рисунки Т. Капустиной	5
Страна Поэзия Н. Грудина рисунки Ю. Бочкарева	22
Ученый-пионер из воспоминаний Л. Подвойского рисунки А. Януса	23
Две встречи рассказывают Г. Черкашин и Б. Грищенко рисунки А. Януса	25
Единственный выстрел рассказ В. Тараса рисунки Н. Кустова	28
Союз нерушимый Человек из сказки очерк Е. Рейна	35
Папка с восклицательным знаком комментарий к редакционной почте рисунки Л. Каминского	38
Зеленые страницы ведет Н. Сладков рисунки П. Швеца	40
Я — инспектор манежа повесть Р. Балановского рисунки Ю. Шабанова	42
Лица Индии из путевых заметок В. Гурьянова фото Э. Шинкаренко	48
Девчонка с ключикой очерк М. Эстерлиса оформление А. Орлова	54
Уголок веселого архивариуса рисунки М. Беломлинского	55
На выставке „Костра“ Уголёк журнал для малышей	57
Арчебек шахматы и шашки	59
Морская газета оформление Р. Попова	60
Серьезное дело — игра рисунки И. Казаковой	62
КОСТЯ ТЕРКИН берет интервью	63
Квартира 64 рисунки И. Казаковой	64

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова,
Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев, А. И. Пан-
телеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. Порошков,
Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, С. В. Сахар-
нов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Теребин-
ская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза,
Г. М. Черныкова, Ю. А. Юркан (зам. редактора).

Художник-редактор Технический редактор
М. С. Беломлинский В. И. Мецатунова

Корректор
В. А. Маевская

Рукописи и фотографии не возвращаются.

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37
телефон 14-57-76

М-17220. Подписано к печати 21/I 1972 г.
Формат 60×90 мм. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 600 000 экз. Заказ № 1641. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров СССР. Ленинград, Кронверкская ул., 7.

В новом выпуске «Школьного боевого...» художник В. Гальба и автор стихов В. Шумилин решили посоветоваться с вами, ребята, как избавиться от скверных привычек? Что сделать, чтобы не попадать... под перо сатириков? Напишите скорее!

СКВЕРНЫЕ ПРИВЫЧКИ

Вы одноклассник за косички,
Наверно, дергали не раз...

Привычки, скверные привычки
Порой цепляются за нас.

Без нас они от скуки плачут,
Поймают — спуску не дадут.
Порвите с ними,
А иначе
Они вас крепко подведут.

НОЛЬ ВНИМАНИЯ

Проводит класс собрание,
А Женя — ноль внимания:
Не в облаках витает —
Украдкой читает.
Идет голосование,
А Женя — ноль внимания,
Но руку поднимает:
«За что?» — сама не знает.
Тут вносят предложение:
— Призвать к порядку Женю!
Вот это чудеса:
Все «за», и Женя... «за»!

БОВА — «КОРОВА»

Он сидит с набитым ртом,
Пирожок за пирожком.
Отвечать урок ему,
А в ответ несется;
— М-му!

РЫБАЛКА

Игнат — рыбак, а ну-ка,
Дневник раскрой-ка нам:
Зубастая, как щука,
Таится двойка там.
Попалась ненароком?
Нет, снова приплывет,
Когда Игнат урокам
Рыбалку предпочтет.

СКВЕРНЫЕ ПРИВЫЧКИ

«МУСТАНГ»

На перемене он с азартом
Мустангом носится по партам.

Но вы заснете от тоски,
Пока стоит он у доски.

ЧАСТИЦА «НЕ»

Частица «не», частица «не»
Ее устроила вполне.
На каждом слышится шагу:
— Я не останусь!
— Не могу!
Но в культпоход идут друзья.
Марина в панике:
— А я?
Где мой билет?
А ей в ответ:
— А на тебя билета нет!
Мы взять тебя могли б вполне,
Но как же быть с частицей «не»?

СТОЛ НАХОДОК

КАЖДЫЙ РАЗ ОДНО И ТО ЖЕ

Каждый раз одно и то же:
Все в квартире сбились с ног.
Начал поиски Сережа,
Плачет:
— Где же мой носок?
— Ой, беда с тобою прямо! —
Под кровать ныряет мама.
Папа смотрит за кушетку,
А Сережа — за трельяж.
Постучалась в дверь соседка:
— На полу ремень не ваш?

С опозданием на час
Каждый день приходит в класс.

ПЕТЯ-«ПАРОВОЗ»

Петя — с пачкой папирос,
И дымит, как паровоз.
Смотрит гордо, ходит важно.
У него в глазах — восторг:
Раз — затяжка, два — затяжка,
Вдох и выдох, выдох — вдох!
Но с чего он вечно хмурый
На уроке физкультуры?
На турник залез едва —
Закружилась голова.

